

ЖИЗНЕОПИСАНІЕ

ЕПИСКОПА АСТРАХАНСКАГО ГЕРАСИМА а)

Преосвященный Герасимъ родился отъ небогатыхъ родителей Іоанна и Маріи 1809-го года 26-го октября и нареченъ былъ во имя великомученика Георгія—Георгіемъ. Отецъ его былъ дьячкомъ Иркутской губерніи, Балаганскаго округа, Теремховской волости, села Бѣльска, Срѣтенской церкви. О рожденіи Георгія предсказано было его дѣду по матери, проживавшему въ семь селѣ и занимавшемуся торговлей и отчасти хлѣбопашествомъ, слѣдующимъ образомъ. Причетникъ Іоаннъ, овдовѣвши, остался съ двумя малолѣтними дѣтьми, и на первыхъ порахъ

а) Составлено монахиней симбирскаго Спасскаго монастыря Евсеви-ей, скончавшейся 1866 года, сестрой Александры Ефимовны Руммель, извѣстной читателямъ по письмамъ къ ней преосв. Герасима, помѣщеннымъ въ „Душ. Чтен. 1882 и 1883 годовъ,—и монахини Евпраксіи,—той самой, вопросы которой съ отвѣтами на нихъ преосв. Герасима напечатаны въ ноябр. книжкѣ „Душ. Чтен.“ 1883 года. Всѣ три сестры были духовными дочерьми пр. Герасима, когда онъ былъ ректоромъ симбирской семинаріи, пользовались его устнымъ и письменнымъ руководствомъ въ духовной жизни. Предлагаемое вниманію читателей жизнеописаніе доведено до 1855 года, когда Герасимъ переведенъ былъ на ректорство изъ симбирской въ харьковскую семинарію. Оно въ высшей степени любопытно и назидательно по задушевности и многимъ подробностямъ, знакомящимъ читателя съ вѣшнею обстановкой жизни и съ внутреннимъ состояніемъ преосв. Герасима. Свѣдѣнія о преосв. Герасимѣ собраны авторомъ жизнеописанія на основаніи его разсказовъ, собственноручныхъ его келейныхъ журналовъ и писемъ. Рукопись жизнеописанія сообщена въ Редакцію *Душен. Чтенія* Астраханскимъ священникомъ, Константиномъ Егоровичемъ Добросердовымъ, сыномъ преосвященнаго Герасима. *Ред.*

не желалъ вступить во второй бракъ. Но черезъ годъ, побуждаемый нуждой и родными, вздумалъ жениться на Маріи; она вовсе не хотѣла выходить замужъ, да и отецъ ея, человѣкъ довольно зажиточный, также не соглашался выдать ее за этого жениха. Но Іоаннъ не оставлялъ своего желанія и продолжалъ искать ея руки лѣтъ до 4-хъ. Иванъ Гавриловичъ, дѣдъ Георгія, видитъ въ концѣ этого четырехлѣтія во снѣ одного благоговѣйнаго величественнаго мужа въ святительской мантии, который повелѣваетъ ему не противиться волѣ Господней и отдать дочь свою за упомянутаго жениха. При чемъ предсказалъ, что у нихъ родится сынъ, который предназначенъ Господомъ быть святителемъ. Послѣ этого видѣнія старецъ соглашается на предложеніе Іоанна и, призвавъ дочь свою Марію, объявляетъ ей о своемъ согласіи на ея бракосочетаніе съ Іоанномъ. Волей - неволей она должна была покориться родителю и ровно чрезъ 9 мѣсяцевъ, Господь Богъ благословилъ ихъ супружество: у нихъ родился сынъ Георгій. И по собственному расположенію, а можетъ быть и по вышнему внушенію, Георгій съ самаго юнаго возраста склоненъ былъ къ уединенію и молитвѣ. Съ дѣтскою рѣзвостью онъ любилъ играть и забавляться съ своими сверстниками, всего однакоже болѣе находилъ онъ утѣшенія въ молитвѣ. Когда было ему 5—6, лѣтъ у его родителей въ домѣ жилъ работникъ изъ сосланныхъ въ Сибирь поселенцевъ, который всякую свободную минуту употреблялъ на молитву. Живою и рѣзвымъ ребенкомъ, Георгій часто видалъ сго молящимся въ уединеніи со слезами, и этотъ примѣръ произвелъ сильное впечатлѣніе на его дѣтское воображеніе. Ему нерѣдко думалось невольнѣ: добрый *Михаилъ* (имя работника) молится со слезами, слѣдовательно и мнѣ надобно также молиться и плакать. А потому ребенокъ иногда становился въ уединенномъ мѣстѣ на колѣни, воздѣвалъ руки ко Господу и въ сладости молился. Благопопечительные родители держали его строго, особенно мать; она любила сго, какъ первенца, нѣж-

по, но вмѣстѣ была къ нему очень взыскательна. Благочестивая и богобоязненная, она всегда сама молилась и его учила читать утреннія и вечернія молитвы; при чемъ побуждала его постоянно поминать всю царскую фамилию, сдѣлавшуюся послѣ такихъ опытовъ предметомъ любви его. Съ своей стороны и набожный отецъ, во всякую погоду, постоянно водилъ Георгія въ храмъ, гдѣ приучалъ его стоять скромно, не развлекаясь посторонними предметами, а также пѣть и читать. По возвращеніи домой, если дитя въ церкви было разсѣянно, наказывалъ его нерѣдко розгой. Такимъ образомъ родители посѣвали въ юной душѣ своего сына благія сѣмена, долженствовавшія въ свое время принести обильный плодъ. Мать его Марія имѣла обыкновение, идя въ храмъ Божій, заходить нерѣдко въ богодѣльню, построенную при храмѣ и обдѣлять мягкими булками всѣхъ живущихъ тамъ болящихъ и страждущихъ. Состраданіе къ бѣднымъ сердобольной Маріи не осталось безъ благихъ послѣдствій. Слова псалмопѣвца: «Блаженъ разумѣваяя на нища и убога, въ день лють избавитъ его Господь» (Псал. 46, 1), какъ нельзя вѣрнѣе на ней оправдались. Сосѣдскія дѣти, сверстники Георгія, выманили его разъ изъ дому и увлекли съ собою на берегъ рѣки *Бьлой*, разливавшейся широко обыкновенно весной и наполнявшей нерѣдко заливъ, простиравшійся почти на версту, за коимъ была усадьба родителей Георгія и лугъ. Когда рѣка сбывала, тогда вода изъ этого залива стекала опять въ рѣку; при самомъ устьѣ его перекидывались двѣтри жерди для перехода въ усадьбу. Товарищи Георгія перешли по этимъ жердямъ безопасно и манили его къ себѣ. Будучи ихъ меньше по возрасту, Георгій колебался. Нашлись вожатые, повели его и не довели, дитя упало въ воду и его понесло въ рѣку. Между тѣмъ близъ огорода родителей просушивалъ свое бѣлье одинъ изъ жившихъ въ богодѣльнѣ, ходившій до этой поры на костыляхъ и казавшійся слѣпымъ, коему нерѣдко мать малютки подавала въ означенной богодѣльнѣ милостыню. Узналъ онъ ребенка

Георгія и тронулось сердце его; онъ кинулся въ рѣку и съ опасностью собственной жизни по причинѣ рѣчной глубины, вытащилъ его за бѣлые какъ ленъ волосы б). Между тѣмъ и маленькій Георгій не терялъ памяти: онъ барахтался рученками, и когда его вытащилъ на берегъ богодѣльникъ, то малютка, помня о строгости родительской, неотступно просилъ и молилъ его не сказывать объ этомъ происшествіи отцу и матери. Слѣпецъ стащилъ съ него полушелковую изъ китайской матеріи рубашку, выжалъ ее, высушилъ, надѣлъ и повелъ его мимо огородовъ въ обходъ залива домой. Когда подходили къ дому, Георгій сталъ опять молить слѣпца, чтобы вызвалъ онъ тетку по родителѣ Екатерину, а она какъ тутъ. Слѣпецъ разсказалъ ей все обстоятельно, какъ чудно спасъ Господь малютку, а она передала своего любимца нѣжно любившей его бабушкѣ, которая, закутавъ его, сказала, что ребенку что-то нездоровится. Эта добрая бабушка, Марья Ильинишна, любила нѣжно своего внука и горой за него стояла. Когда, бывало, родители вздумаютъ наказать его за проказы, она отнимала его, называя ихъ немилосердыми и жестокими. Малютка тоже привязанъ былъ къ своей бабушкѣ и такъ какъ у нея было слабое зрѣніе, часто водилъ ее къ замужней ея дочери, выданной въ томъ же селѣ. Любимымъ занятіемъ Георгія въ дѣтствѣ было отправленіе богослуженія въ домѣ, при чемъ побуждалъ онъ и престарѣлую свою бабушку молиться съ собою по часу и болѣе за печкой, на стѣнкѣ коей намалевывалъ углемъ или краской Божию Матерь, или Распятіе. Любилъ также разсматривать иконы и другія священныя изображенія. Однажды, когда ему было лѣтъ пять, онъ невольно какъбы остановилъ дѣтское свое вниманіе на картинѣ, которая изображала ангеловъ, вѣнчающихъ кого-то. Кто это и за что вѣнчается? спросилъ онъ у родителя. «Это, дитяtko мое (любимое выраженіе родителя), какъ гласитъ надпись,

---

б) Слѣпецъ этотъ, мнимый калека, притворялся такимъ, чтобы не попасть въ подушный окладъ. Онъ былъ изъ поселенцевъ.

человѣкъ, желающій дѣлать добро, но не сдѣлавшій еще онаго. Но Господь благъ. Онъ и добрыя желанія не оставляетъ безъ награды. Вотъ еслибы желалъ на примѣръ ты подать милостыню, а нечего, то Господь милосердый приметъ и желаніе твое за исполненіе». Сильно тронули слова эти Георгія и съ своей стороны онъ старался по возможности, при содѣйствіи Божіемъ, запасаться добрыми желаніями, какъ сѣменами доброй жизни. Въ свѣтелкѣ родителей лучшимъ украшеніемъ были иконы, въ числѣ коихъ было изображеніе Іоанна Крестителя съ главными событіями изъ его ангелоподобной жизни. Замѣтивъ на этой иконѣ спекулятора, отрубившаго главу Крестителя, сердобольный Георгій, ревнуя по праведникѣ, выковырялъ глаза спекулятору, и на замѣчаніе тетки доброй Екатерины о неумѣстности сего поступка, отвѣчалъ изумленіемъ и даже отъ души обидѣлся ея мнимымъ кладпокровіемъ къ злодѣянію. Семи лѣтъ онъ умѣлъ бойко читать и половину псалтири зналъ наизусть, и стройно пѣлъ альтомъ на клиросѣ въ храмѣ Божіемъ съ родителемъ. Въ 1818 году при ихъ церкви упразднилось дьячковское мѣсто. Причетникъ Іоаннъ, не имѣя достаточныхъ способовъ для образованія своего сына Георгія, пожелалъ, чтобы упразднившееся въ ихъ селѣ мѣсто причетническое было зачислено, съ правомъ пользоваться доходами, за юнымъ сыномъ его Георгіемъ; посему поѣхалъ съ нимъ въ городъ Иркутскъ съ просьбой къ преосвященному епископу Михаилу о зачисленіи сего мѣста за сыномъ. Владыка принялъ его и сказалъ, что невозможно за такимъ малолѣткомъ зачислять это мѣсто, потому что онъ не въ силахъ будетъ исполнять свою должность. Эти слова преосвященнаго затронули дѣтское самолюбіе, и Георгій смѣло сказалъ преосвященному: «да я и пѣть и читать умѣю». Преосвященный изумился, поставилъ его предъ собой и началъ спрашивать: что онъ умѣетъ читать и пѣть? «И *Херувимскую* и *Единородный*», отвѣчалъ ребенокъ.—«Ну, пропой что-нибудь», говоритъ владыка.—«Да вѣдь я пою вмѣстѣ съ ро-

дителемъ», отвѣчалъ мальчикъ. Отецъ его конфузился и подергивалъ своего прыткаго сына съ цѣлью удержать его отъ смѣлаго обращенія съ преосвященнымъ; но Георгій въ упоеніи отъ радости, что видитъ столь благостнаго архипастыря, прочиталъ ему нѣсколько псалмовъ и даже пропѣлъ половину Херувимской. Преосвященный обласкалъ его. Обрадованный малютка обратился къ отцу и сказалъ: «Ахъ, батюшка, да архіерей-то лучше нашего попа Евстаѳіа!» Отецъ его еще болѣе сконфузился, и давалъ знать, чтобы онъ молчалъ; а ребенокъ не унимался и не разъ повторялъ, что «архіерей лучше нашего о. Евстаѳіа». Преосвященный, услышавши о священникѣ Евстаѳіи, спросилъ о немъ Георгія, и тотъ ему разсказалъ о разныхъ случаяхъ, которые не нравились Георгію. Преосвященный, замѣтивши способности въ мальчикѣ, сказалъ отцу, что онъ общаетъ очень многое, что его нужно и теперь же помѣстить въ училище; и, зачисливъ за нимъ мѣсто, приказалъ отвести его въ бурсу. Отецъ началъ просить отсрочки, представляя преосвященному, что онъ еще малъ, но преосвященный, не понявъ хорошо просьбу отца и думая, что онъ вовсе хочетъ оставить малютку безъ образованія, началъ говорить отцу, чтобы онъ не отнималъ счастья у сына, присовокупивъ, что онъ, можеть быть, будетъ лучше насъ съ тобой.

Въ это время духовныя заведенія особенно въ Сибири были въ самомъ жалкомъ положеніи. Представьте каменную бурсу, выстроенную еще во второй половинѣ XVIII вѣка. Темныя, удушающія, зловонныя комнаты, съ толстымъ слоемъ грязи на полу, со щелями, въ которыя не только крысы, но и кошки могутъ влезать. По угламъ валялись грязныя, вшивыя, загаженные войлоки и засаленныя подушки безъ одѣялъ. Чѣмъ тутъ не пахнетъ, чего не вдыхаютъ легкія дѣтей лѣтъ 8-ми и 9-ти? Утромъ по звонку дѣти встаютъ съ этихъ войлоковъ (койки были рѣдкостью), и порядочно почесавшись, терпя зудъ отъ коросты, отъ грязи и насѣкомыхъ, надѣваютъ на себя заплататыя, затрапезныя халаты. По прочтеніи утреннихъ

молитвъ, служитель разноситъ въ ящикѣ хлѣбъ, разрѣзан-
ный на пайки. Ученики разставляются въ кругъ. Пайки
были тонкіе, подчасъ какъ блинъ, куски. Дѣти терпѣли до
голоднаго обѣда. Но вотъ звонокъ зоветъ въ классы. Мно-
гіе не выучили урока, потому что не по чему выучить:
книгъ нѣтъ. Иной заложитъ или отдастъ вовсе товарищу
за книгу свою ложку и насидится голоднымъ, а иные при
суровой дисциплинѣ и въ классъ не являлись «по нахож-
денію въ бѣгахъ». По выходѣ изъ классовъ, отправлялись
(по звонку) обѣдать обыкновенно черезъ дворъ, зимой по
снѣгу (при 30—40 градусахъ мороза). У иного ложки нѣтъ,
потому что ложки должны быть свои. И заведетъ бурсакъ
кое-какъ ложку деревянную, толстую, чтобы подольше слу-
жила, и ту, бывало, украдутъ. Бѣдняки ухитрялись: зимой
прятать ложки въ снѣгъ, лѣтомъ въ траву, въ полянницу,
или на веревочкѣ на шеѣ носили. Иногда ночью разда-
вить бѣднякъ свою ложку ^{в)}, и перехлебывается съ кѣмъ-ни-
будь недѣли двѣ-три. У кого сапоговъ нѣтъ, перебѣжить
босикомъ въ трескуцій морозъ по снѣгу въ столовую. А
за ужиномъ бойкіе, даже къ утру ухитрялись набрать остав-
шихся отъ ужина объѣдковъ, и съ опасностью побоевъ отъ
служителей протащить въ свою комнату, чтобы утромъ по-
ранѣе, разогрѣть въ комнатной пѣчкѣ и артелью поѣсть.
Воровски также макали съ голода хлѣбъ въ кухонномъ
котлѣ, въ которомъ варились щи. Насталетъ вечернее за-
нятіе и опять ребятамъ учиться не по чему. Хорошо еще,
если быстро-воспримчивый мальчикъ выучитъ, выловитъ,
выудитъ урокъ урывками, заглядывая въ чужую книжку
сзади. И это иногда не удавалось. Сеніоръ (старшій) по-
шлетъ босикомъ черезъ дворъ босикомъ по снѣгу просить
табаку у богослововъ. Еще хуже: ночью, въ зимній мо-
розъ пошлетъ черезъ дворъ въ кухню за огнемъ, а въ
кухню къ служителю иногда и не достучишься. Каково

в) Многіе ребята дѣлали для себя ложки изъ толстыхъ хлѣбныхъ
корокъ.

опять было положеніе тѣхъ несчастнымъ учениковъ, которые при старшемъ-самодурѣ, изъ-за одной непреодолимой боязни должны были цѣлый праздничный день сидѣть въ темной, душной запечкѣ, въ поларшина ширины, и не пискнуть, или за неудачное исполненіе его воли «быть задержаннымъ безъ обѣда» на полнедѣли его же (старшаго) произволомъ! Въ воскресные и праздничные дни выводили бурсаковъ въ соборъ и ставили строемъ въ стороннемъ мрачномъ придѣлѣ, чтобы вѣроятно прикрыть казенныхъ оборвышей отъ взоровъ пародныхъ. Вотъ какъ было воспитаніе въ иркутской бурсѣ въ описываемое нами время.

Но возвратимся къ нашему юному питомцу Георгію. Комната, куда ввели его, была похожа на большой сарай, въ которой стояло двѣ-три койки, обгали съ шумомъ человекъ 30 дѣтей, на половину изъ полунагихъ якутовъ. Эти дѣти по неопрятности, по рубищамъ и очерку лица монгольскаго походили на ээіоповъ. Когда Бѣльскій дьячекъ Иванъ Прокопьевичъ привелъ въ эту комнату своего сына, содрогнулось его дѣтское сердце при этомъ зрѣлищѣ, и онъ, ждавшій доселѣ съ нетерпѣніемъ поѣздки въ Иркутскъ, которая обѣщала ему бездну наслажденій, только рыдалъ и молилъ отца не оставлять его въ этой темницѣ. Но отецъ не могъ уже измѣнить воли владыки и со слезами разстался съ сыномъ въ надеждѣ на промыслъ Всемогущаго Бога. И съ этихъ-то лѣтъ Георгій узналъ всю скорбь и тяготу жизни, испыталъ и голодъ и холодъ, видѣлъ самые дурные примѣры нравственности, отъ убійственной заразы коихъ одинъ только Отецъ небесный могъ уберечь его сердце. Въ февралѣ или мартѣ 1819 года одинъ изъ товарищей его, охотясь съ лучкомъ и стрѣлками за мухами, выстрѣлилъ въ одну изъ нихъ, сидѣвшую на стѣнѣ близъ Георгія; стрѣлка переломилась и однимъ концомъ попала ему въ правый глазъ, близъ самой зеницы. Пораженіе было такъ неожиданно и сильно, что Георгій, почувствовавъ ужасную боль, не зналъ, что подумать. Сначала казалось ему, что

ему камнем попали въ глазъ, который между тѣмъ налился кровью и скрылъ занозу. Боль была нестерпимая. Лекаръ, не зная хорошо причины болѣзни, прописывалъ примочки, отъ чего на глазу явилось бѣльмо, и Георгій совсѣмъ было окривѣлъ. Но велія милость Великаго Бога!.. Онъ чудно и дивно избавилъ его отъ бѣды самыми простыми средствами. По пріѣздѣ Георгія на вакацію, мать его стала лечить его глазъ испытаннымъ ею самой лекарствомъ: она пускала въ больной глазъ Георгія порошокъ, составленный изъ пережженного синяго купороса и сахара-леденцу. Черезъ пять-шесть пріемовъ, едва выносимыхъ для ребенка, обозначился конецъ занозы въ глазѣ. Родители испугались, но не отчаялись, видя уже рѣдкій опытъ благодати Божіей въ томъ, что бѣльмо сошло съ глаза. Припомнилось имъ, что сосѣдка крестьянка Марья Григорьевна Гашкова лечиваетъ глаза, выдергиваетъ п занозы, конечно не изъ глаза, маленькими щипчиками. Пригласили ее, и она черезъ два-три раза вынула занозу къ неописанной радости ребенка, потерявшаго надежду вылечиться. Въ сентябрѣ 1819 года родители отвезли Георгія опять къ училище, но оставили уже не въ общежитіи, гдѣ въ теченіи года столько бѣдъ потерпѣлъ ихъ сынъ, а на квартирѣ, у хозяина Дим. Сав. Василькова. Но къ несчастью здѣсь ожидали юнаго Георгія бѣды другаго рода. У Василькова жила тетка, солдатка вдовая, и землякъ Георгія сиротка Зосимъ, годами двумя-тремя его постарше, плутоватый и раснутный мальчикъ. Дочери солдатки, дѣвочки неблаговоспитанныя, и этотъ товарищъ-землякъ могли бы развратить Георгія, еслибы не хранилъ его самъ Господь, то черезъ болѣзни частыя, тяжкія, то черезъ совѣты родителей, пріѣзжавшихъ нерѣдко и слѣдившихъ за его поведеніемъ зорко. Засыпая нерѣдко безъ ужина и вставая голоднымъ, Георгій не смѣлъ просить хлѣба, и часто уходилъ въ училище голоднымъ. Поэтому, подходя къ толкучему рынку, который былъ на срединѣ пути, бѣдный мальчикъ съ живою вѣрой въ Промыслъ Божій, пи-

тающій птенцовъ врановыхъ, призывающихъ Его, всякій разъ съ вѣрой обращался молитвенно къ Богу живому, вездѣ присутствующему, и въ простотѣ сердца просилъ у Него то хлѣбца кусочекъ, то копѣчку мѣди. И что же? Добрые люди давали ему то и другое.—Года черезъ два родители наняли для него другую квартиру, но къ несчастью у раскольниковъ (безпоповщин. толка). Здѣсь юный Георгій попалъ въ огонь искушеній другаго рода. Часто его нѣжное сердце умилялось при видѣ сострадательности и видимой пажности его хозяевъ: ни одного нищаго и бѣднаго они не отпускали безъ помощи, часто и подолгу молились, но къ несчастью были ожесточены противъ св. церкви, бранили ея пастырей и почти все святое. Богомъ храпимый отрокъ думалъ про себя, что не хороша та вѣра, хвалясь косю, всѣхъ между тѣмъ брапятъ, и чтобы не поколебаться въ православіи, молилъ со слезами Господа явить ему, которая вѣра правая? И Господь, неистощимый въ средствахъ спасенія, давалъ всякій разъ знать его сердцу, что пѣтъ чище, святѣе вѣры православной, той, въ которой онъ растетъ, которая засвидѣтельствована знаменіями и чудесами, какъ на востокѣ, такъ и въ отечествѣ нашемъ, косю спасались преподобные, псповѣдники, мученики, святители. Искушенія однако росли съ каждымъ годомъ: то отъ безразборчиваго выбора друзей изъ круга товарищей, то отъ жившихъ на хлѣбахъ у хозяевъ людей не всегда доброй жизни. Особенно много дурнаго привилось къ нему отъ общничества съ школьными товарищами, кои, будучи старше лѣтами Георгія и, обуявъ въ лѣности, проводили время и праздно и грязно, вмѣсто классовъ, близъ казармъ солдатскихъ или тамъ, гдѣ учили ихъ на горѣ за городомъ. Туда-то часто отлучался и Георгій. Разъ въ іюнѣ пріѣхала мать въ Иркутскъ и тотчасъ же зашла въ училище, чтобы повидаться съ сыномъ, а онъ былъ въ это время на горѣ и смотрѣлъ на ученье солдатъ. Пораспросивъ о всемъ касающемся до него у сверстниковъ и ода-

ривъ ихъ гостинцами, привезенными для сына, отправилась она на рынокъ для продажи хлѣба. Между тѣмъ молва донесла на своихъ крыльяхъ вѣсть о приѣздѣ матери и до Георгія. Задумался нашъ малый и не на шутку; но бойкій и находчивый, смѣло явился онъ къ матери, поклонился, разцѣловался, и какъ ни въ чемъ не бывало, на слова ея: гдѣ былъ? сказалъ, что—въ классѣ. Умная мать до времени далась будто въ обманъ. Часа за два до отъѣзда она, узнавши отъ хозяевъ и о другихъ многихъ продѣлкахъ отрока, уже не отроческихъ, она увела Георгія въ особенную комнату, связала его и сѣкла съ горькими слезами до тѣхъ поръ, пока не измѣнили ей силы. Надолго урокъ этотъ памятенъ былъ Георгію: онъ сталъ съ сей поры и прилежнѣе и исправнѣе.—Съ переходомъ на третью квартиру, ко вдовой священнической женѣ *Шангиной*, Георгій опять было чуть не избаловался, ибо меньшей сынъ послѣдней былъ пѣвчимъ и привыкъ къ горячимъ напиткамъ и его приучилъ къ тому же. Въ надеждѣ исправленія сына родители помѣстили его опять въ бурсу, которая была уже нѣсколько въ эту пору благоустроена. Но недостатокъ присмотра и дурныя примѣры замедляли и здѣсь развитіе добрыхъ качествъ въ Георгіѣ. Къ счастью, путемъ скорбей и тѣснотъ разнаго рода, особенно же укорами незаснувшей еще совѣсти, Господь сохранялъ въ отрокѣ Георгіѣ добрыя сѣмена. Особенно развитію въ немъ страха Божія и благочестія много содѣйствовало то, что въ столовой читались постоянно при обѣдѣ и ужинѣ Четы-Миней. Любознательный отрокъ, слушая житія святыхъ, стыдился дѣлъ своихъ неподобныхъ, перенимаемыхъ у товарищей, и сожалѣя о нихъ, по цѣлымъ днямъ призадумывался, моля Господа спасти его. Нерѣдко постился и слезно плакалъ, видя, какъ сильно овладѣли имъ навыки дурныя. Между прочимъ беспокоилъ его навыкъ сквернословія, самый обыкновенный въ кругу его товарищей. Чтобы отстать отъ него, Георгій испросивъ благословеніе свыше, написалъ въ родѣ клятвы на бумажкѣ, завернулъ въ псе камень и бро-

силъ въ рѣку Ангару съ рѣшительнымъ намѣреніемъ не сквернословить больше. Мѣра эта, при помощи Божіей, удалась какъ нельзя лучше: съ этой поры юный Георгій не осквернилъ уже дурными словами устъ своихъ и мало-по-малу сталъ прилежнѣе и добронравнѣе.

Однажды два ученика изъ старшаго класса обидѣли кроткаго Георгія и онъ горько плакалъ. Въ это самое время ректоръ семинаріи архимандритъ Николай (что былъ въ послѣдствіи епископомъ въ Калугѣ) пріѣхалъ въ училище, и проходя мимо плачущаго Георгія, спрашивалъ: о чемъ онъ плачетъ? Мальчикъ отвѣчалъ, что — такъ, ни о чемъ. «Не можетъ быть, говоритъ ректоръ, — я слышалъ, какъ ты кричалъ; навѣрное, кто-нибудь тебя прибилъ?» Добросердечный отрокъ продолжалъ увѣрять, что никто не билъ его. Поднявшись наверхъ, ректоръ спрашивалъ, кто прибилъ Георгія? и ему открыли виновныхъ. Георгій, желая оправдать обидѣвшихъ его товарищей, и въ то же время не въ силахъ будучи удержать слезъ отъ побоевъ, продолжалъ увѣрять, что его никто не билъ. Ректоръ, тронувшись добрымъ сердцемъ Георгія, сказалъ, что отнынѣ да будешь ты *Добросердовъ*; съ этихъ поръ эта фамилія и усвоена ему съ братомъ Харлампіемъ. — Съ умноженіемъ лѣтъ въ немъ возрастала жажда къ уединенію часъ отъ часу, и онъ часто мечталъ оставить міръ, жить въ пустынѣ, по примѣру св. отца. Проѣзжая зимой къ родителямъ въ село Бѣльское, и за 15 верстъ не доѣзжая онаго, замѣтилъ онъ пещеру въ скалѣ, стоящей отвѣсною стѣной надъ рѣкой *Бюлой*. Эта пещера плѣнила его своимъ уединеніемъ и какъ-бы манила къ себѣ. Онъ ожидалъ только благопріятнаго случая, чтобы переселиться въ вертепъ этотъ, и съ сей поры началъ удаляться рѣшительно отъ дурныхъ товарищей. Занятія его были почти непрерывны; остальное же отъ нихъ время посвящалъ онъ молитвѣ. Чрезъ годъ, по переходѣ въ семинарію, онъ началъ вкушать пищу умѣреннѣе, и иногда по цѣлымъ суткамъ и болѣе совсѣмъ оставался безъ пищи. Часто уходилъ въ пустую комнату и тамъ

въ умиленно-пламенной молитвѣ изливаль чувства свои предъ Сердцевѣдцемъ Богомъ. При такомъ образѣ жизни, онъ до такой степени полюбилъ молчаніе, что и о нужномъ говорилъ рѣдко, помня слова Спасителя нашего: «яко всяко слово праздное, еже аще рекутъ человекѣ, воздають о немъ слово въ день судный» (Мѡ. 12, 36). Необыкновенный и для большей части изумительный этотъ образъ жизни, былъ поводомъ къ разнымъ толкамъ и сужденьямъ. Многіе называли его сумасшедшимъ. Но онъ не внималь симъ безумнымъ глаголамъ. Всю почти одежду роздалъ ниимущимъ. Хорошая и нѣжно любящая мать часто навѣщала его, и не понимая его самоотверженной жизни, впала въ невыразимую скорбь: она со слезами просила начальство обратить на него вниманіе и полагая, что съ нимъ сильная меланхолія, просила уволить его въ домъ родительскій, чтобы лечить его отъ сей болѣзни. Сначала начальники не внимали ея мольбамъ и видя, что при всей странности Георгій учился исправно, не увольняли его; но потомъ согласились, уволили въ началѣ ноября 1827 года.

Для объясненія нравственнаго состоянія юнаго Георгія нужно знать предшествующія обстоятельства. Прочувшись въ риторикѣ съ полгода и успѣвши утвердить за собой репутацію ученика прилежнаго и исправнаго, Георгій принять былъ, безъ всякой съ его стороны просьбы, на полное казенное содержаніе и посылался въ разныя комнаты старшимъ. Пріѣхавъ въ сентябрѣ 1827 года послѣ вакаціи въ семинарію, онъ сталъ усерднѣе прежняго читать Библию и Четь-Минеи. Это усиливало въ немъ жажду духовной жизни, возбуждало отвращеніе ко всему худому. Въ концѣ сентября предъ ужиномъ, сидя за Библией, вдругъ почувствовалъ онъ расположеніе къ юродству. Раздался звонокъ, всѣ шли ужинать, шелъ и Георгій, но съ мыслью неотклонимою юродствовать и тутъ же въ столовой началъ онъ обнаруживать юродство. Отецъ его, помня сонъ тестя своего, понималь вполне, что сынъ его не безъ воли Божіей вступилъ на сей трудный путь;

потому, когда Георгій прибылъ домой, отецъ давалъ ему знать, что понимаетъ его и вполне сочувствуетъ ему. Но бѣдная, нѣжно любящая мать плакала о своемъ первенцѣ неутѣшно: она видѣла какъбы угасавшую свѣтлую зарю надеждъ своихъ и невыразимо сокрушала нѣжное сердце добраго сына Георгія. Слезы ея, какъ огненные искры, опаляли бѣднаго юношу. Но призывая Бога въ помощь, онъ выдержалъ это испытаніе. Между тѣмъ мать его, какъ утопающій за вѣтку хватается, рѣшилась въ крайности на отчаянное почти средство: вѣрующая и уповающая доселѣ, она, по совѣту нѣкоторыхъ легкомысленныхъ людей, во что бы ни стало старалась уговорить своего мужа съѣздить верстъ за 50 въ селеніе *Иреть* за знахаремъ, воображая, что Георгій помѣшался отъ любви. Сильно сопротивлялся добрый отецъ желанію жены своей, но не могъ устоять предъ ея рыданіями, и наконецъ согласился для ея спокойствія съѣздить за этимъ обманщикомъ. Ахъ! думала ли бѣдная мать въ это время, что заботясь о мнимомъ выздоровленіи своего сына чрезъ кудесника, она отверзаетъ дверь къ соблазну для первенца своего? Но сила Божія не оставила юнаго подвижника. Знахарь не смѣлъ близко подойти къ юношѣ, который, узнавъ неблагонамѣренность его и хитрости бѣсовскія, бросалъ въ него все, чѣмъ ни попало; а изъ опасенія, чтобъ не съѣсть чего наколдованнаго, онъ все пересталъ ѣсть и пить. Видя неудачу, знахарь срываетъ съ себя личину и начинаетъ дѣйствовать такъ: онъ совѣтуетъ найти хорошенькую отроковицу, которая бы употребила все силы, чтобы сблизиться покороче съ Георгіемъ и поцѣловать его; тогда, говорить, не устоитъ вашъ юродивый и поправится. Родители согласились на это предложеніе и пригласили воспитанницу дѣда Георгія лѣтъ 15-ти. Желая конечно угостить родителямъ мнимо-больнаго и ему самому доставить пользу, она старалась всячески сблизиться съ нимъ, но Георгій толкалъ ее и бросалъ въ нее чѣмъ ни попало. Такимъ образомъ знахарь возвратился съ стыдомъ во своя-

си, а Георгій, желая однажды навсегда избавиться отъ дальнѣйшихъ подобныхъ искушеній, рѣшился бѣжать изъ дому родительскаго и водвориться въ означенной выше пещерѣ. И только опасеніе, внушенное конечно ангеломъ хранителемъ, чтобы начальство не взыскало съ его родителей за то, что изъ ихъ дома пропалъ онъ, побудило его отложить свое намѣреніе; онъ рѣшился возвратиться въ семинарію съ намѣреніемъ выключиться за сумасшествіе и тогда уже «водвориться въ пустыню, и здѣсь чаять Бога спасающаго» (Пс. 54, 10). Возвратясь въ семинарію, онъ усугубилъ свои духовные подвиги, и желая скорѣе получить свободу, однажды рѣшился на слѣдующій поступокъ: когда его товарищи и наставникъ греческаго языка были въ классѣ, онъ взявъ веревочку и проходя мимо всѣхъ, молча дѣлалъ петлю; любопытство повлекло вслѣдъ за нимъ товарищей въ пустую залу, въ коей между тѣмъ Георгій, продолжая свою роль, надѣвалъ на шею петлю и прикрѣплялъ оную къ гвоздю; они окружили его, отняли веревку, дали знать о всемъ ректору; тотъ прибѣжалъ, побилъ его палкой и тотъже часъ отправилъ въ губернское правленіе, для помѣщенія въ домъ умалишенныхъ. Не ожидалъ нашъ юный подвижникъ такого послѣдствія, но дѣлать было нечего: покорился онъ со смиреніемъ волѣ Господней и пришедши въ присутствіе губернскаго правленія, вздумалъ сказать назидательное слово, присутствующимъ, изъ текста: «праведный судъ судите» (Іоан. 7, 24). Рѣчь лилась рѣчкой изъ устъ его; члены присутствія слушали его съ изумленіемъ, спрашивая одинъ другаго: «зачѣмъ это привели его?» Георгій, стараясь поддержать общее мнѣніе о своемъ сумасшествіи, говорилъ, что онъ окончилъ курсъ въ семинаріи и желаетъ вступить въ академію. Послѣ сихъ словъ всѣ присутствующіе увѣрились, что онъ дѣйствительно сумасшедшій и отправили его въ градскую больницу. Но когда привели его въ палату сумасшедшихъ, содрогнулось его нѣжное сердце, при видѣ чловѣкъ двадцати сумасшедшихъ, и также отъ ужаснаго шума. Между

тѣмъ надзиратель принесъ ему неожиданно книжку: «Иисусъ Утѣшитель». Чтеніе ея совершенно успокоило Георгія и укрѣпило смятенный духъ его. Кротостью и незлобіемъ сердца онъ укрощалъ бѣшенство сумасшедшихъ и умилялъ ихъ такъ, что они всѣ его полюбили и слушались, охотно ласкаясь къ нему. Такъ какъ нетрезвый надзиратель нерѣдко продавалъ ихъ порцію хлѣба и вообще пищу; то эти несчастные часто оставались голодными. Тогда Георгій отдавалъ имъ свою часть и они такъ привыкли къ этому, что часто, когда онъ сиѣшилъ утолить свой голодъ, окружали его и ожидали крупицы отъ убогой трапезы его: онъ не могъ отказывать симъ несчастнымъ. Видя кротость Георгія, служитель часто приносилъ ему книги духовныя отъ смотрителя. Не имѣя особеннаго мѣста для молитвы, Георгій обыкновенно ложился для этого на койку, закрывался наглухо одѣяломъ и въ умиленіи возносилъ пламенныя молитвы къ Сладчайшему Иисусу. Молитва съ каждымъ днемъ все болѣе просвѣтляла умъ его, очищала сердце отъ страстей и склонностей грѣховныхъ и исполняла душу его тѣми сладостными ощущеніями благодати, которыхъ не можетъ вкушать сердце міролюбца, погребенное въ сластяхъ житейскихъ. Однажды пріѣхалъ въ домъ умалишенныхъ губернаторъ Иванъ Богдановичъ Цейдлеръ осмотрѣть несчастныхъ страдальцевъ; между прочимъ подходитъ и къ Георгію. Поговорилъ съ нимъ, и замѣтивъ, что онъ вовсе не сумасшедшій, сказалъ доктору: «онъ не глупѣе васъ», и тутъ же приказалъ его перевести въ домъ призрѣнія убогихъ, при коемъ былъ садъ, съ приказаніемъ давать ему свободу во всякое время прогуливаться въ ономъ. Можно вообразить себѣ положеніе Георгія,—ему казалось, что онъ переселился въ эдемъ сладости. Здѣсь уже могъ онъ всецѣло изливать душу свою предъ Господомъ. При молитвенномъ подвигѣ не оставлялъ онъ и дѣлъ милосердія: въ кротости и терпѣніи духа служилъ онъ здѣсь немощнымъ стар-

цамъ, чѣмъ только могъ. Иныхъ поднималъ съ постели, или переворачивалъ; другимъ воды приносилъ, а у этихъ перевязывалъ застарѣлыя раны; слѣпыхъ и слабыхъ ногами выводилъ на свѣжій воздухъ, — и всѣ они полюбили его и благословляли, какъ ангела, посланнаго имъ съ неба. Господь попустилъ ему испытать здѣсь одну изъ самыхъ ужасныхъ бурь въ мятежной плоти. Идя по обыкновенію однажды въ садъ на молитву, онъ видитъ, что въ домъ, гдѣ онъ жилъ, идетъ парочка, — изъ больницы судя по одеждѣ, — и прямо на верхъ дома призрѣнія, никѣмъ не занятый; при видѣ идущихъ не съ доброю, какъ чувствовалось Георгію, цѣлю, зародилось въ душѣ его сильное желаніе помѣшкать имъ во что бы ни стало. И вотъ онъ забѣжалъ впередъ, притаился въ одной изъ пустыхъ комнатъ и ждалъ плотоугодниковъ, угнетаемыхъ страстью. Явились они. Но Георгій, ревнуя о славѣ образа Божія, столь позорно унижаемаго плотскою похотью, застучалъ, закричалъ и до того напугалъ сластолюбцевъ, что тѣ должны были разойтись не достигши своей цѣли. Но врагъ не дремалъ: съ быстротой молніи напалъ на него, какъ на жертву свою, повидимому беззащитную и готовъ былъ съ корнемъ исторгнуть и вѣру его и упованіе на Господа. Какъ въ котлѣ подъ огнемъ, кипятилъ въ немъ разгоряченную кровь и какъ слабую трость, при напорѣ бури ужасной, онъ колебалъ его. Мучимый имъ, упалъ наконецъ Георгій въ саду на дернъ, усердно взывая ко Всесильному: «Господи помилуй! Господи спаси!» Внимающій «птенцамъ врановымъ, призывающимъ Его» (Ис. 146, 9), внялъ наконецъ молитвѣ усердной и юнаго Георгія: врагъ отступилъ, борьба прекратилась, и сладко, отрадно вздохнулъ ратоборецъ неопытный, слава Господа силъ за побѣду, подобно пророку Моисею по переходѣ черезъ море Чермпос. Но сколько ни сладка была жизнь для юноши въ этомъ уголкѣ затишномъ, по необходимости однакоже онъ долженъ былъ наконецъ съ нимъ разстаться. Однажды въ концѣ мая 1828 года молясь со слезами уми-

ленія въ садовой бесѣдкѣ, вдругъ видитъ онъ мелькнувшую тѣнь. Встревоженный, онъ перекрестился и, оставивъ молитву, обошелъ и осмотрѣлъ садъ; но никого не замѣтилъ. Въ другой разъ тоже самое ему показалось, но въ третій разъ онъ уже не оставлялъ молитвы, при видѣ тѣни, а еще усерднѣе и пламеннѣе началъ молиться, полагая, что врагъ мѣшаетъ ему творить дѣло Божіе, и чтобы не видать никакихъ призраковъ, смѣжилъ свои очи и такимъ образомъ продолжалъ въ умиленіи изливать душу свою предъ сердцевѣдцемъ Богомъ. Вдругъ кто-то его обнялъ. Невольно содрогнулся Георгій, и что же? Предъ нимъ стоялъ смотритель, который незамѣтно и не разъ слѣдилъ за его дѣйствіями. Пламенная молитва юноши расстрогала душу его, и онъ при видѣ Георгія, начавшаго кувиркаться, сказалъ: «нѣтъ, мой другъ, я вижу, что ты только притворяешься сумасшедшимъ. Оставь это притворство; а иначе я донесу твоему начальству обо всемъ». Въ это время и нѣжно любящая мать Георгія, понявъ, что для него нуженъ духовный врачъ, поспѣшила обратиться съ просьбой къ одному доброму старцу іеромонаху *Нифонту*, служившему въ Крестовой и просила его посѣтить ея сына. Старецъ Божій поспѣшилъ на помощь къ Георгію, который принялъ его какъ посланника небеснаго. Георгій открылъ ему отчасти свои намѣренія и высказалъ желаніе удалиться въ упомянутую пещеру, чтобы тамъ проводить жизнь подобно древнимъ пустынножителямъ, питаясь одними кореньями и травами. О. Нифонтъ, выслушавъ его, утѣшился и старался укрѣпить его въ духовныхъ подвигахъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ совѣтывалъ не пренебрегать дарами Господа и не скрывать въ землю талантовъ, Имъ данныхъ. Послушный Георгій, съ одной стороны опасаясь огласки отъ смотрителя, съ другой чувствуя справедливость словъ о. Нифонта, а также и непреодолимое влеченіе къ образованію себя, оставилъ свое намѣреніе водвориться въ пустынь и представленный къ начальству, принялся опять за ученіе и менѣе чѣмъ въ полтора мѣсяца наверсталъ все опущен-

нос; поэтому вмѣстѣ съ товарищами переведенъ былъ въ классъ философскій. Но, занимаясь усердно науками, онъ не оставлялъ и прежнихъ духовныхъ занятій: молитва, постъ и уединеніе были безотлучными его спутниками. Не взирая на прещеніе инспектора, человѣка молодого и пылкаго, не ходитъ ежедневно въ Божій храмъ къ вечерни и утрени, и на приказаніе бывать въ столовой за ужиномъ, ненужнымъ для него, какъ посвятившаго себя на благоугожденіе Господу, Георгій неупустительно почти ходилъ къ службамъ церковнымъ, уклонялся по возможности и отъ стола. Когда же нельзя было присутствовать въ храмѣ, онъ уходилъ въ пустую залу собранія, или на вышку семинарскую и въ умиленіи по часу и болѣе оплакивалъ тамъ грѣхопаденія свои. Въ свободное отъ классныхъ занятій время, во дни особенно праздничныя, Георгій нерѣдко хаживалъ къ доброму о. Нифонту. Кроткій и смиренный, онъ на разные вопросы юноши любознательнаго о духовныхъ предметахъ отвѣчалъ указаніемъ то на ту, то на другую отеческую книгу, которыя и содѣлались для Георгія съ этой поры тѣмъже, чѣмъ цвѣты для пчелы: онъ питался, услаждался сотами писаній отеческихъ съ восторгомъ радости. Каждый день, обогащая его счастливую память духовнымъ сокровищемъ, раздвигалъ тѣсную раму его понятій и открывалъ предъ нимъ какъбы новый, невиданный, неслыханный имъ доселѣ, но ощутительный міръ. Послѣ чтенія твореній отеческихъ любимымъ занятіемъ его были, какъ прежде въ риторикѣ, такъ и теперь выписки изъ разныхъ книгъ, находившихся въ его рукахъ; изъ этихъ выписокъ составилось до 8-ми рукописныхъ сборниковъ. Много имѣло вліянія на развитіе въ немъ духовнаго начала въ эту пору знакомство съ другими добрыми старцами, знакомыми о. Нифонту и бывавшими у него нерѣдко. Одинъ изъ нихъ, бывший поселенецъ, по имени Варлаамъ, жилъ въ пещерѣ на рѣкѣ Чикоѣ, близъ Китайской границы, года съ три; потомъ онъ былъ постриженъ въ монахи, затѣмъ рукоположенъ во іеродіакона и наконецъ

въ іеромонаха безъ разрѣшенія святѣйшаго синода. Онъ вполне оправдалъ святостью жизни своей выборъ архипастыря, рисковавшаго получить за его производство большую отъ св. синода несприятность, предупреденную лишь его смертью. Въ Нифонтѣ видѣлъ Георгій живой примѣръ упованія на Господа и преданности въ Его волю святую, а также и умиленія рѣдкаго. Другой старецъ, о. Израиль, при мистическомъ направленіи обладалъ рѣдкимъ даромъ слова, воздержаніемъ во всѣхъ родахъ и героизмомъ, простиравшимся нерѣдко до ревности не по разуму. Съ этимъ старцемъ Георгій иногда по цѣлымъ часамъ и даже ночамъ проводилъ или въ отрадной бесѣдѣ, или въ молитвѣ. Наслышавшись объ этомъ старцѣ вскорѣ по пріѣздѣ его изъ Бабаевского николаевского монастыря, костромской епархіи, Георгій стремился къ нему сердцемъ, еще бывши въ училищѣ, но не смѣлъ познакомиться съ нимъ и почиталъ за счастье, если издали удавалось поклониться ему, или пройти по стопамъ ногъ его. «Такъ-то честни ему быша друзи Божіи» (Пс. 138, 17). Ровно чрезъ годъ по возвращеніи Георгія изъ сумасшедшаго дома въ семинарію, возимѣлъ онъ непреодолимое желаніе написать надгробную рѣчь преосв. Михаилу, живому еще въ то время и служившему въ иркутской епархіи. Что же? Чрезъ нѣсколько дней дѣйствительно скончался преосв. Михаилъ и рѣчь была сказана своевременно. Вотъ эта рѣчь:

„Боже великій! Для сего ли сія звѣзда утренняя явилась въ ноши страны сей, чтобы явившись — померенуть? Для сего ли сіе *солнце* изливавшее свѣтъ спасительнаго ученія на церковь Твою, возшло на горизонтъ нашъ, чтобы, совершивши исполинскими шагами половину теченія своего, померкло въ сѣни смертной? Для сего ли возженъ былъ сей *свѣтильникъ* благодати въ мрачной юдоли нашей, чтобы рука смерти погасила его и такъ рано, и такъ преждевременно? Для того ли сія *маслина*, износившая плоды добродѣтелей, украшала собой земной Эдемъ—церковь Твою, Боже живи, чтобы наконецъ столь неожиданно пала на землю отъ бури смертной и тѣмъ самымъ лишила онѣй лучшаго украшенія его? О смерть! почто серпъ твой пожинаетъ несозрѣвшіе класы тогда, какъ оставляетъ поблек-

ше, полунзсохшее бѣліе? Почему Ты обходишь хижину старца, съ распростертыми объятіями тебя ожидающаго, а посѣщаешь кровы, совѣмъ тебя нежидающіе? Лютыи ангель смерти! почто ты простеръ мрачную завѣсу между пастыремъ и паствою? Почто разлучаешь сердобольнаго отца отъ чадъ, жившихъ лишь его жизнью? Нѣтъ, „Господь силъ съ нами“. Но ахъ! „еще есть Господь съ нами, то вскую обрѣтоша ны вся злая сія?“ Видно прогнѣвали мы Создаваго насъ и сего Аарона—архіерея Его. Кто думалъ, чтобы сія духовная цѣвница, недавно глашавшая каждаго изъ насъ на небесную пажить спасенія, скоро замолкла и навсегда замерла въ воздушномъ пространствѣ? Кто ожидалъ, чтобы ангель, возвѣщающій намъ волю Божию, нынѣ воспарилъ въ горняя?

Всеблагій-Премилосердый! Ты опредѣлилъ въ тріипостаспомъ совѣтѣ Твоемъ поприще жизни сего пастыря нашего, и онъ прошедши оное, подобно Илии, взимается теперь отъ насъ на колесницѣ вѣры въ вѣчные Твои кровы, оставя намъ въ наслѣдіе едину милоть — надежду, иѣкогда быть съ нимъ.

Итакъ мы не увидимъ тебя болѣе, пастырь стада Христова въ юдоли плача. Не услышимъ болѣе гласа твоего, дѣлатель винограда Христова. Неужели гласъ сѣгующихъ вдовицъ и осиротѣвшихъ чадъ не трогаеть твоего сердца? Востани, вскую спиши? Слухъ твой, прилегшій къ смертному одру сему, не внемлетъ уже болѣе моленіямъ нашимъ. Смерть на вѣки уже закрыла бодрья очи твои.

Покойся же, блаженный насадитель вѣры, надежды и любви, въ семь, уготованномъ для тебя жилищѣ мира до вождельнаго утра—всеобщаго воскресенія. Когда же настанетъ еіе утро, то заступи насъ предъ Пастыремъ пастырей, грядущимъ воздать каждому по дѣламъ его“.

На мѣсто почившаго преосв. Михаила былъ переведенъ изъ Пензы преосв. Ириней, человекъ строгой жизни, но горячій. Онъ не снисходилъ слабостямъ подчиненныхъ, преслѣдовалъ пороки и наказывалъ за нихъ строго, за что былъ недобрымъ многими. Вскорѣ узналъ владыка о примѣрной жизни и поведеніи Георгія и полюбилъ его, какъ сына, за что Георгій повесъ въ послѣдствіи тяжелый крестъ. 8-го мая 1831 года преосвященный былъ позванъ на похороны сына купца Медвѣдникова, котораго отпѣвали въ храмѣ Иркутской Владимірской церкви. Георгій долженъ былъ идти вмѣстѣ съ пѣвчими, по должности старшаго надъ ними, въ храмъ этотъ. Братъ его и крестникъ Хар-

лампы, мальчикъ рѣзвый, убѣжалъ изъ класса, по просьбѣ причта сей церкви, и началъ звонить къ литургіи въ шестьсотъ пудовъ колоколь, висѣвшій на одномъ только ухѣ. И что же? Вдругъ исполнивъ этотъ, раскаченный имъ, сорвался, рухнулъ на слезы и прижалъ 2 пальца лѣвой руки мальчика. Услыхавъ объ этомъ, испуганный Георгій вбѣжалъ безъ памяти на колокольню и нашелъ подъ колоколомъ трепещущаго, потерявшагося и не знавшаго что дѣлать любимца своего, коему между тѣмъ собравшаяся толпа, потерявшая надежду высвободить его, принудила уже отсѣчь эти пальцы. Много стоило труда Георгію устранить этотъ приговоръ: онъ молилъ и просилъ собравшихся еще потрудиться приподнять этотъ колоколь, и съ помощью Божіею успѣлъ въ этомъ. Братъ его, почти чудомъ спасенный, мгновенно сбѣжалъ съ колокольни и отведенъ былъ Георгіемъ въ больницу, гдѣ, по любви къ уединенію и чтобы безпрепятственнѣе служить Господу, выпросилъ онъ у ректора для себя уголокъ мѣсяца за три предъ этимъ и жилъ тамъ съ ученикомъ богословія Васил. Гр. Лукинскимъ, который почиталъ его какъ старшаго брата и желалъ слѣдовать стопамъ его. Въ пламенной молитвѣ изливалъ свою благодарность Георгій Господу за спасеніе брата. Между тѣмъ довѣренность преосв. Ириней къ юному Георгію съ каждымъ днемъ возрастала все болѣе, а вмѣстѣ съ ней увеличивалась зависть и недоброжелательство; нѣкоторые изъ его начальниковъ, не понимая благородной души его, смотрѣли на эту близость съ худой стороны и стали притѣснять бѣднаго Георгія, гдѣ и какъ только могли. Недовольство начальства усилилъ слѣдующій случай. Разъ призываетъ къ себѣ Георгія преосвященный и говоритъ: «Я хочу дать тебѣ секретное порученіе, отправиться на проповѣдь къ Буратамъ, и проѣздомъ осмотрѣть Иркутскій округъ и поразвѣдать о нравственномъ состояніи духовенства, съ тѣмъ чтобы ты дурно живущихъ изъ причта постарался вразумить и направить на путь истинный и если раскаются, предать суду Божію, а кто не захочетъ

исправить своей жизни, о такомъ бы донесъ мнѣ формальною бумагой». Въ заключеніе приказаль вести журналъ ежедневныхъ занятій своихъ г). Сколь ни трудно было это порученіе владыки, Георгій не смѣлъ однакоже отказаться, и съ стѣсненнымъ сердцемъ, получа бумаги, пошелъ къ ректору просить въ напутствіе себѣ благословенія, не сказывая однакоже сначала о сущности порученнаго ему дѣла. Не понимавшій ни духа, ни отношеній преосвященнаго къ Георгію, строптивый ректоръ, узнавъ, что посылаютъ его по дѣламъ епархіальнымъ, очень оскорбился этимъ, разбранилъ бѣднаго юношу, какъ только могъ, и приказаль ему выйти вонъ. Дѣлать было нечего: Георгій вышелъ и, пока не уходило сердце начальника, сидѣлъ на крыльцѣ. Узнавъ, что Георгій, не възявъ на брань, все сидитъ и ждетъ, какъ милости, благословенія его въ напутствіе себѣ, хотя неохотно, но благословилъ его. Въ продолженіе іюля и августа Георгій, во исполненіе даннаго ему порученія, объѣхалъ всю почти Иркутскую область. Изъ журнала, веденнаго Георгіемъ, видно, что заѣзжалъ онъ и къ родителямъ, у коихъ просилъ благословенія въ монашество. «Послѣ литургіи и обѣда, замѣчаетъ въ журналѣ Георгій,—я стороною завелъ разговоръ съ моею матушкой о намѣреніи своемъ посвятить себя, согласно желанію между прочимъ и владыки, Христу и оставивъ міръ, идти въ монахи, по окончаніи курса; при чемъ молилъ ее родную мою не скучать и не сожалѣть о намѣреніи мною предпринятомъ, въ коемъ съ волей архипастыря отпечатлѣвалась, какъ и сама она вѣдала изъ отзывовъ дѣда, воля Божія. Выслушавъ сперва кротко меня, она представляла бѣдность и старость; я—нищету Христову и упованіе на Бога. Потомъ говорила она о тяжкомъ для нея пожертвованіи мною—любимымъ дѣтищемъ; я говорилъ, что самъ Господь заповѣдалъ первенцу наро-

---

г) Выдержки изъ путевого его журнала помѣщены были въ Астр. Епарх. Вѣдомостяхъ за 1879 г. № 45, 46 и 47.

довъ—Израилью посвящать Себѣ первенцевъ. Она говорила, что воспитывая меня съ такими лишениями, совѣмъ не воображала разстаться со мной; я представлялъ ей, что для благочестія и любви вѣтъ препятствія къ соединенію, что разлука лишь болѣе питаетъ и воспоминаетъ ихъ. Вздохи ея колебали грудь мою, а слезы заставляли меня самого плакать, и я съ рыданіемъ уговаривалъ ее повятить меня въ жертву Господу. Припоминалъ ей собственныя же ея наблюденія касательно меня, съ самаго младенчества. Представлялъ покровительство зиждительнаго Промысла ко мнѣ грѣшнику, а также и то, изъ какихъ безднъ погибели вызывалъ меня Его нѣжный гласъ, и изъ какихъ пропастей извлекала меня десница Его.—Послѣ долговременнаго увѣщанія, она подала знакъ къ согласію и я, будучи несказанно сямъ обрадованъ, лобызалъ ея руки. На другой день матушка моя возобновила слезы и жалобы на мою холодность; потомъ и я принужденъ былъ возобновить мои увѣщанія, въ чемъ имѣлъ помощникомъ и отца моего, который давно уже въ тайнѣ сердца своего записалъ меня въ чинъ ангельскій, въ званіе монаха. Мы со слезами говорили, почему и всѣ насъ слушающіе плакали. Дядя мой, діаконъ Петръ и тетка, сестра родная батюшки, уговаривали неутѣшно рыдающую мать мою. Наконецъ мои слезы, усиленные просьбы родителя и настойчивость родственниковъ восторжествовали: побѣжденная, рѣшилась она искать утѣшенія у подножія Владычицы, почему мы всѣ пѣли молебень и всѣ плакали. Потомъ простившись и принявши благословеніе родителей, мы отправились въ путь. Очень скорбѣлъ Георгій, что по причинѣ рабочей поры обращено было не болѣе семи человекъ въ христіанство изъ Бурятъ, кои до крещенія наставлены были Георгіемъ въ истинахъ христіанской вѣры. Во время переѣздовъ изъ улуса въ улусъ дивно сохранилъ Господь жизнь Георгія: разъ разгоряченныя лошади понесли повозку во всю прыть, изломали ея и опрокинули. Спутники Георгія ушиблись и больно, а его спасъ Господь даже отъ ушиба.

3-го сентября Георгій возвратился благополучно изъ путешествія своего. Но лишь подалъ рапортъ преосвященному, какъ неожиданно пришелъ указъ объ увольненіи преосв. Ириня. Недоброжелатели владыки сдѣлали на него доносъ. Генераль-губернаторъ Восточной Сибири г. Лавинскій также старался очернить его въ глазахъ правительства за то, между прочимъ, что владыка обличилъ его за нечистую жизнь. Поущеніемъ Божиимъ враги восторжествовали. Нѣтъ сомнѣнья, что въ послѣдствіи, конечно, опять бы ему дали епархію; но горячность и подозрительность, омрачавшія свѣтлый умъ его, много надѣлали ему горя: вообразивъ себѣ, что указъ синода объ его увольненіи сочиненъ врагами и фальшивый, онъ публично имѣлъ неосторожность объявить это самъ на стогнахъ града Иркутска, по коимъ проходилъ объ руку съ Георгіемъ, сопровождаемый чиновникомъ Голубевымъ, который присланъ былъ къ владыкѣ отъ генераль-губернатора для предложенія услугъ въ подлежащемъ пути, и принятъ подозрительнымъ преосвященнымъ за подосланнаго убійцу. Вслѣдствіе сего не взирая на горячее участіе, какое принимали въ судьбѣ его графиня Анна Алекс. Орлова и архимандритъ Фотій, 26-го ноября флигель-адъютантъ Брянчаниповъ, присланный изъ С.-Петербурга, взялъ его и посадивъ въ возокъ, увезъ въ Прилуцкій Спасскій монастырь Вологодской губерніи, гдѣ запрещено ему было даже священнослуженіе. Затѣмъ онъ переведенъ, по ходатайству преосв. Иннокентія одесскаго, въ Толгскій монастырь и здѣсь трудился во славу Божию. Можно себѣ представить, какая бѣдственная участь постигла бѣднаго Георгія. Онъ остался какъ агнецъ посреди волковъ, которые готовы были поглотить его и стереть съ лица земли. Ректоръ, профессора, члены консисторіи начали надъ нимъ насмѣхаться. Но Господь, на котораго Георгій возвергъ печаль свою, невидимо защитилъ его.

Черезъ 2 мѣсяца по смѣнѣ преосв. Ириня, поступилъ изъ Перми на кафедру иркутской церкви человекъ Божій, кроткій архіепископъ Мелетій. Не успѣвъ еще отдох-

нуть послѣ столь труднаго пути въ Вознесенскомъ монастырѣ, преосвященный долженъ былъ, забывъ себя, принимать (7-го ноября 1831 года) посѣтителей и тогда же озаботился прискаты наставника для своего племянника, мальчика рѣзваго, который во время дороги много беспокоилъ старца, любившаго во всемъ порядокъ. Въ первый же день послѣ прїѣзда своего просилъ онъ ректора порекомендовать ему изъ семинаристовъ воспитанника, которому бы могъ онъ довѣрить своего племянника, такъ чтобы ребенокъ видѣлъ въ этомъ воспитанникѣ примѣръ доброй нравственности, при чемъ присовокупилъ, что онъ будетъ смотрѣть на него какъ на ученика, по достоинству котораго можно судить о всей семинаріи. Напоминаніе объ этомъ сдѣлано было преосвященнымъ двукратно. О. ректоръ, опасаясь за неаккуратность тѣхъ, кого было имѣлъ въ виду, принужденъ былъ волей-неволей, по указанію конечно Божію, отрекомендовать Георгія, какъ болѣе прочихъ благонадежнаго. Владыка тотъже часъ приказалъ за нимъ послать. Георгій въ это время былъ за 5 верстъ отъ монастыря въ Иркутскѣ и жилъ съ однимъ другомъ Аврамъ Кон. Виногр. въ семинарской больницѣ. Можно себѣ представить удивленіе Георгія, когда посланный объявилъ ему приказаніе явиться немедленно къ новому преосвященному, только что прїѣхавшему. Онъ полагалъ, что пробилъ уже его часъ. Но привыкши все упованіе свое возлагать на Отца небеснаго, всталъ и со слезами помолившись Господу, Заступнику всѣхъ страдальцевъ, отправился въ Вознесенскій монастырь. Едва вошелъ въ переднюю, едва перевелъ духъ послѣ холода въ 25 градусовъ и сильной тревоги чувствъ, какъ ректоръ вышелъ къ нему и сдернувъ съ него шинель, приказалъ идти къ владыкѣ и соглашаться на то, что предлагать будетъ. Съ смущеніемъ и страхомъ предсталъ Георгій предъ лице владыки. Съ обычною кротостью принялъ владыка юношу, обласкалъ его какъ отецъ и спрашивалъ съ участіемъ о жизни его, входя во всѣ даже мелочныя подробности, касающіяся особенно воспи-

танія меньшаго брата Георгіева. Тронутый участіемъ къ себѣ архипастыря и пораженный внезапною перемѣною своего положенія, Георгій полагалъ, что онъ или во снѣ видитъ это, или говоритъ съ нимъ не самъ владыка, а кто-либо изъ его спутниковъ. Поэтому, когда преосвященный отходилъ отъ него, то онъ крестился, протиралъ глаза и не вѣрилъ, что это все случилось съ нимъ наяву. Облакавъ Георгія, преосвященный приказалъ ему на другой день, т.-е. 8 ноября, перебраться къ нему въ домъ. Кто можетъ описать неизъяснимую радость Георгія? Онъ въ мигъ, не помня себя, пролетѣлъ 5 верстъ и явился къ своему другу совершенно инымъ человѣкомъ. Часу въ 5-мъ вечера тогоже дня Георгій разстался съ добрымъ другомъ своимъ Авр. Кон. Виногр. и переселился въ домъ преосв. Мелетія. Вѣшняя жизнь его совсѣмъ измѣнилась къ лучшему, но благочестивое настроеніе души осталось тоже. Заимствуемая изъ дневника его выписка покажетъ, чѣмъ была занята душа Георгія и въ эту, не незавидную для другихъ пору. <18 ноября 1831 года. Итакъ я оставляю наконецъ тебя, мирная сѣнь, подъ которою покоился 9 лѣтъ, оставляю сотрудниковъ моихъ, на поприщѣ просвѣщенія: потеря ничѣмъ незамѣнимая! Напрасно роскошь изливаетъ предо мной тукъ свой, напрасно нѣжныя ея объятія отверзаются для меня; напрасно честолюбіе, струя и возмущая безмятежно текущій источникъ жизни моей, раскрываетъ предо мной блестящія сцены на театрѣ міра сего,—я помню одно, что гражданинъ я небесный, сынъ Сіона, камень, изъ коего долженъ соорудиться храмъ Трисвятому, и въ этомъ все мое счастье.—Рѣдко, очень рѣдко лучъ благодати отражается въ окѣ ума разсѣяннаго. Душа погрязающая въ чувственныхъ утѣхахъ никогда не проникнется симъ горнимъ свѣтомъ. Благодать Божія часто въ видѣ невидимой голубицы носится надъ бездною сердца нашего, желая оплодотворить его своимъ живоноснымъ сѣменемъ; но воды грѣховъ, наводняя землю сердца нашего, препятствуютъ ему укорениться въ душѣ нашей и, что

всего плачевнѣе, даже принявшіеся отпрыски исторгаютъ и уносятъ въ бездну смерти всепоглощающей». — Привыкшій къ занятіямъ, Георгій прилагалъ неусыпное попеченіе о рѣзвомъ и непослушномъ питомцѣ, ввѣренномъ его руководству, и часто скорбѣлъ, не видя плодовъ своихъ трудовъ. Но и тутъ возвергалъ онъ печаль свою на Господа, поручая Ему возрастить благія сѣмена, коими онъ старался засѣять юное сердце отрока, поросшее уже терніемъ. Преосвященный служилъ для Георгія живымъ примѣромъ, какъ на землѣ живутъ земные ангелы, небесные человѣки. Георгій съ удивленіемъ смотрѣлъ, какъ сей давний мужъ не взирая на слабость силъ и на безчисленныя въ растроенной тогда епархіи дѣла, которыя требовали всего его вниманія и осторожности, успѣвалъ бывать у всѣхъ службъ церковныхъ. Пищу вкушалъ въ день пооднажды, никуда почти не выѣзжалъ въ гости. Словомъ, жилъ по примѣру древнихъ отцевъ.

Не взирая на свое положеніе, почти независимое уже отъ прежнихъ начальниковъ, кроткій Георгій не переставалъ оказывать повиновеніе не только благимъ изъ нихъ и кроткимъ, но и строптивымъ, придиравшимся иногда къ пустякамъ. Такъ однажды во время жестокой зимы приходитъ онъ въ класъ и отъ простуды кашляетъ. По недоброжелательству къ нему ректоръ началъ его бранить, говоря, что онъ зазнался, что онъ гордецъ. Выслушавши все со смиреніемъ, Георгій осмѣлился наконецъ наединѣ спросить: въ чемъ заключается эта гордость, которую онъ въ немъ замѣтилъ? «Да какъ же, отвѣчаетъ ректоръ,—приходишь въ класъ и покашливаешь». Георгій замолчалъ, оправдываться было не въ чемъ; отдавъ шинель свою брату и не имѣя другой теплой одежды, онъ сильно простудился, и вотъ была причина кашля. Еслибы зналъ о семъ владыка, то конечно не допустилъ бы Георгія до такой нужды; но скромный юноша всячески скрывалъ отъ добраго владыки свои нужды: благородная душа его довольствовалась тѣмъ, что посылалъ ему Отецъ небесный. Сколь ни обидна была для Георгія не-

справедливость начальника, укрѣпляемый однакоже Господомъ, вотъ что писалъ онъ по возвращеніи съ лекціи въ своемъ дневникѣ: «1832 года 17 ноября. Гордость—исчадіе ада. Душа моя, посмотри на Господа твоего Иисуса и смиряйся. Вспомни, что внушаютъ тебѣ бдительные стражи дома Божія—учители семинаріи и будь покорна ихъ гласу. Знай, что сколько бы желѣзо ни было крѣпко, но и его переѣдаетъ ржа или жесткая наковальня дѣлаетъ ковкимъ и уступчивымъ». Такими-то чувствами было проникнуто сердце незлобиваго юноши. И мы нисколько не будемъ этому удивляться, если замѣтимъ, что живя у владыки, Георгій любилъ питать душу брашномъ нетлѣннымъ — словомъ Божиимъ и твореніями св. отецъ: Василя Великаго, Дѣствичника, Макарія Великаго и другихъ. При такомъ образѣ жизни естественно духъ его сближался все тѣснѣе и тѣснѣе съ Господомъ, научающимъ кроткія путямъ своимъ.

Однажды возымѣлъ онъ непреодолимое желаніе видѣть Господа чувственно: нѣсколько дней сряду желаніе это какъ пламень жгло его сердце, и онъ со смиреніемъ и слезами не разъ молилъ Господа или явить ему зракъ свой незримый, или отнять это желаніе, привившееся душѣ его. И вотъ наконецъ какими сопровождалась послѣдствіями мольба эта теплая. «Предъ утренней въ маѣ 1832 года видѣлось мнѣ, пишетъ онъ въ своемъ журналѣ,—что я нахожусь на какомъ-то полѣ обширномъ и слышу гулъ и шумъ какъбы грозы отдаленной,—шумъ и гулъ возрастали съ каждою минутой все болѣе и болѣе. Наконецъ заблестала молнія, послышались страшные перебаты грома и звуки трубъ, имъ вторящихъ и ясно выражающихъ слова: «се Господь грядетъ со славой, исходите во срѣтеніе Ему». Какъ листь затрепетало во мнѣ, при общемъ трепетѣ, сердце мое и сколько ни сильно въ немъ было въ эти минуты чувство любви ко Господу, сколь ни радо было исчезнуть оно въ пучинѣ величія Божія, вспомнивъ однакоже слова писанія: «не бо узрѣть чловѣкъ лице Божіе и живъ будетъ», я окаявалъ себя за желаніе видѣть внѣшними очами то,

на что долженъ былъ взирать только смиренными очами вѣры, и моля Господа сокрыть отъ меня нечистаго зракъ свой пресвѣтлый, певыносимый, благоговѣнно-часто крестился, читая вслухъ при ослѣпительномъ блескѣ непрерывавшейся молніи: «Святъ, святъ, святъ Господь Саваоѣъ, исполнь небо и земля славы Твоя» (Ис. 6, 3). Это явленіе такъ было живо, что и по пробужденіи я продолжалъ креститься нѣсколько минутъ и вслухъ говорить: «Святъ, святъ, святъ Господь Саваоѣъ!» Умиленный до-нельзя, не могъ уже я быть въ классѣ и часу до 12-го дня продолжалъ съ восторгомъ славить и благодарить Господа премилосердаго».

Много и другихъ въ этомъ же родѣ видѣлъ Георгій дивныхъ опытовъ особенной милости къ себѣ Промысла Божія въ эту пору, для вразумленія и ободренія. Съ помощью Божіею Георгій кончилъ курсъ въ семинаріи *вторымъ* ученикомъ. Этому *второму* ученику данъ былъ аттестатъ неблаговолившимъ о. ректоромъ, значительно умалявшій его успѣхи въ наукахъ ^{а)}. Собственноручно ставя отмѣтки на аттестатѣ, архим. Иларій съ полуусмѣшкой и съ какимъ-то самодовольствомъ приговаривалъ: «пожалуй загордится молодой челоуѣкъ,

---

д) При способностяхъ средственныхъ, прилжаніи постоянномъ, поведеніи примѣрномъ, оказался успѣвшимъ:

Въ наукахъ богословскихъ	<i>Довольно хорошо.</i>
„ изъясненіи св. писанія	„
„ церковной исторіи	„
„ философскихъ наукахъ	<i>Хорошо.</i>
„ физикоматематическихъ	<i>Порядочно.</i>
„ словесности	„
„ гражданской исторіи	„
„ языкахъ: еврейскомъ	<i>Хорошо.</i>
греческомъ	„
нѣмецкомъ	„

№ 525.
1832 года
10 августа.

какъ дашь ему отличный аттестатъ. Поэтому между прочимъ, я не поставилъ его (Добросердова) и *первымъ*.

Мѣсяцевъ чрезъ шесть о. Иларій отданъ былъ подъ судъ вмѣстѣ съ экономомъ и оставленъ былъ всѣми своими пріятелями; одинъ юноша Георгій, раздѣляя скорбь его, часто навѣщаль его и утѣшаль привязанностью своего незлобиваго сердца... «Добрякъ ты мой, настоящій *Добросердовъ*, говорилъ ему о. Иларій: какъ поздно понялъ я тебя!»

Любимой мечтой Георгія по окончаніи, какъ и до окончанія курса было монашество. Подъ вліяніемъ сихъ думъ онъ разъ послѣ ранней обѣдни вышелъ въ садъ, куда онъ всегда удалялся послѣ божественной службы, для приготовленія къ классамъ. Преосв. Мелетій также вышелъ въ садъ къ Георгію, и между прочимъ спрашиваетъ его: на какой путь жизни онъ хочетъ вступить въ концѣ курса? Георгій съ обыкновенною откровенностью сказалъ владыкѣ о своемъ желаніи—быть послушникомъ у о. Израиля, съ коимъ велъ болѣе уже года постоянную переписку. Преосвященный изумился, однако одобрилъ желаніе. Потомъ спросилъ: согласны ли родители твои на это? — «Отецъ согласенъ», отвѣчалъ юноша, а о матери не сказалъ ни слова. Преосвященный, замѣтивши это, изволилъ спросить: «А мать?» «Мать, отвѣчалъ Георгій, — неохотно соглашается». Преосвященный приказалъ доложить ему, когда пріѣдетъ мать къ нему.

Нѣжно любящая мать, полагавшая все утѣшеніе въ своемъ первенцѣ, не замедлила пріѣздомъ, вмѣстѣ съ братомъ его Харлампомъ е). Георгій по обыкновенію съ любовью заключилъ ихъ въ свои объятія и чѣмъ могъ, угостилъ; потомъ просилъ преосвященнаго посвятить въ слѣдующее воскресенье брата его въ стихарь, и между прочимъ сказалъ о пріѣздѣ матери. Владыка приказалъ ее представить

е) Харлампій Добросердовъ впоследствии священствовалъ въ с. Гымыль, Иркутской епархіи, Черемховск. волости.

къ себѣ и Георгій представилъ ему свою матушку. Затѣмъ владыка прислалъ для нея ящикъ цвѣточнаго чаю, пришелъ самъ въ компаты занимаемыя Георгіемъ, и сказалъ его матери: «Отвезешь гостинецъ этотъ старику своему, да иной и знакомыхъ и сосѣдокъ, коимъ скажешь, что чай тебѣ данъ мной въ благодарность за доброе воспитаніе сына». Нѣжнолюбящая мать была въ восторгѣ и съ невыразимымъ умпленіемъ смотрѣла на свое дорогое чадо. Продолжая бесѣду съ старицей, преосвященный говорилъ ей: «за что ты не любишь монаховъ?» Она въ изумленіи отвѣчала: «И уважаю монашество, преосв. владыка!»—«Такъ отчего же ты мѣшаешь своему сыну вступить въ чинъ ангельскій?» Она, улыбаясь слегка, говоритъ: «Помилуйте, владыка святой, да какой онъ монахъ? Въ такихъ лѣтахъ, не испытавъ еще себя, можетъ ли онъ быть истиннымъ монахомъ? Вотъ если онъ лѣтъ 5—6 себя хоть мало-мальски приготовить къ жизни монашеской, тогда бы я благословила его на путь этотъ; а теперь, владыка, боюсь его благословить. Что мнѣ за радость, если онъ, вступивъ въ это званіе, не будетъ своею жизнью соответствовать оному? Приятно ли и вамъ будетъ видѣть, владыка, что живетъ онъ такъ же, какъ напримѣръ тотъ-то и тотъ»;—при чемъ прямо называла по именамъ ей извѣстныхъ не съ хорошей стороны иноковъ. Преосвященный во всемъ согласился съ умной матерью Георгія и самъ, какъ отецъ нѣжно любящій, совѣтывалъ Георгію испытать себя. Кроткій Георгій повиновался съ любовью своему отцу и благодѣтелю, тѣмъ болѣе что въ епархіи и по училищамъ было очень много мѣстъ праздныхъ, по причинѣ малаго количества оканчивающихъ курсъ въ семинаріи.—Въ іюлѣ 1832 года съ утвержденія преосвященнаго Мелетія Георгій назначенъ былъ учителемъ высшаго отдѣленія иркутскаго духовнаго приходскаго училища; а въ декабрѣ того же года опредѣленъ согласно ходатайству семинарскаго правленія инспекторомъ духовныхъ иркутскихъ училищъ, бывшихъ въ большемъ упадкѣ по нравственной части. Позаимствуемъ нѣсколько изъ

собственноручнаго его дневника, относящагося ко времени пребыванія его у владыки.

«1833 года 20 января. Будучи опечаленъ вѣстью объ отчаянной болѣзни родителя моего, съ смущеннымъ духомъ и растерзаннымъ сердцемъ спѣшилъ я мыслью въ Бѣльскъ, колыбель моего младенчества, куда вся душа моя просилась. Получивши увольненіе, при благословініяхъ друзей и пресвященнаго, я въ 7-мъ часу вечера отправился туда съ дядей. Наконцѣ мы пріѣхали. Я поспѣшилъ къ одру болящаго. Напрасно объятія матери искали меня: сердце мое носило въ сіе мгновеніе лишь одного отца и вся душа моя была только въ немъ. Изнуренный лежалъ онъ хотя не безъ чувствъ, но почти безъ движенія, съ потухшими взорами. Но едва они встрѣтились съ моими полными жизни, какъ вдругъ засвѣтитись, вспыхнули и увлажились слезами кроткаго умиленія. Облобызавъ и прижавъ къ сердцу старца моего, я услышалъ отъ него слѣдующія слова: «слава Господу, теперь ничто уже не привязываетъ меня къ жизни земной; я увидѣлъ того, кто всегда былъ дорогъ и милъ сердцу, кого всегда благословлялъ и любилъ болѣе всего на бѣломъ свѣтѣ. Пусть кончина моя будетъ послѣднимъ для него урокомъ. Благодарю Тебя Господи. Нынѣ отпущаеши раба твоего!... Но вѣтъ, жизнь опять льется въ мои жилы; сердце мое опять трепещетъ и бьется отъ ея прилива. Вѣрно небо еще влило нѣсколько капель жизни для поддержанія свѣтильника погасающаго. Будь благословенъ Всевышній! Сынъ, ты возвратилъ мнѣ жизнь. Да будетъ благословенъ пріѣздъ твой! Миръ тебѣ!» Послѣ сего онъ приподнялся, будучи поддерживаемъ мною, и посидѣвши, прошелъ по комнатѣ. И вскорѣ совсѣмъ выздоровѣлъ. Вотъ событіе случившееся въ нашемъ домѣ 21 января въ четвертокъ».

«3-го апрѣля, 3-й часъ во время болѣзни моей. Ночь. Сердце мое оставило землю, умъ мой подобно юному орлу воспарилъ къ вѣчному Солнцу солнцево; кости мои процвѣли бодростью и мужествомъ; я обновился. Вселен-

ная исчезла въ очахъ моихъ и умственный взоръ мой силлся узрѣть невидимое. Но грѣховная тѣма поднявшаяся изъ глубины души, омрачила его свѣтлость и лишила силы стремиться въ-выспрь. Но слава Господу благодѣющему! Слава Творцу! Слава любви вѣчной, неоскудѣвающей!»

«1833 года 9-го мая. Пообѣдавши съ отцемъ моимъ архипастыремъ, я нашель въ своей комнатѣ уже ждущихъ меня Илью Ивановича и брата Семена Ефремовича, съ которыми немедля и пошелъ въ загородный архіерейскій домъ съ сердцемъ исполненнымъ утѣхъ и мира, собравшаго меня въ себя самого. Сладко раздѣлять сердце съ тѣми, кои насъ понимаютъ. Смертные! любите, и въ этомъ небесномъ чувствѣ вы незримо узрите рай—царство Божіе, все желаемое сердцемъ. О, ежели бы мнѣ такъ любить всю вселенную, какъ люблю я, кромѣ родныхъ моихъ—кровныхъ—этихъ двухъ!—Пришедши въ загородный домъ, мы расположились въ послѣдней комнатѣ. Братъ началъ учить проповѣдь, а я съ Ильей Ивановичемъ читать Псалтирь русскую. Говорилъ ему о терпѣннѣи съ видомъ трогательнаго участія, со слезами на глазахъ. Тронутый, онъ зарыдалъ, палъ въ мои объятія, и я вкусилъ блаженство дружеской любви вполне. Послѣ сего прохаживались по холмамъ и лѣсточкамъ, и удивлялись Рукѣ Творческой; я показывалъ имъ мѣста, на коихъ въ былые пролетѣвшіе годы раздѣлялъ утѣхи съ товарищами. Душа моя въ сіи минуты переносилась къ нимъ и соединялась съ ними».

«11-е мая четвертокъ. Вознесенье. Утромъ былъ у меня Илья Ивановичъ, съ коимъ побесѣдовавъ, пошли къ обѣднѣ къ Спасу слушать брата, проповѣдующаго; ходилъ въ саду, гдѣ я увѣщевалъ его осторожно обращаться съ домашними, беречься хитрой и изворотливой похоти плотской. Проповѣдь произносилъ братъ довольно хорошо. Я съ удовольствіемъ смотрѣлъ на этотъ цвѣтокъ разцвѣтающій. Дай Богъ, чтобы вѣтеръ страстей тлетворныхъ не заразилъ его и не отторгъ отъ древа жизни» ж).

ж) Послѣ многихъ переворотовъ въ жизни онъ теперь протоіереемъ служитъ въ Нерчинскомъ большомъ заводѣ. Въ бытность у Ге-

За училищную службу Георгій получалъ не разъ благодарность отъ семинарскаго правленія. Ректоръ семинаріи архим. Никодимъ, обозрѣвавшій иркутское духовное училище въ іюль 1834-го года, болѣе всѣхъ рекомендовалъ семинарскому правленію учителя 2-го класса приходскаго училища Егора Добросердова, къ ревности и способности коего относилъ то, что ученики его всѣ удовлетворительно знаютъ предметы, положенные во 2-мъ классѣ. Вслѣдствіе сего правленіе, съ утвержденія Мелетія архіепископа иркутскаго, положило: опредѣлить учителемъ высшаго отдѣленія студента Егора Добросердова, какъ рекомендуемаго о. ректоромъ по исправности, усердію и способностямъ болѣе всѣхъ учителей иркутскихъ духовныхъ училищъ. А за исправность и усердіе изъявить ему Добросердову признательность отъ семинарскаго правленія.

Но по мѣрѣ расширенія поприща служенія Георгій по необходимости долженъ былъ лишиться блаженнаго уединенія и противъ желанія имѣть частое сношеніе съ людьми неодинаковаго съ нимъ духа. Ничто однакоже не могло совратить его съ пути долга и службы. Одаренный крѣпостью силъ физическихъ и духовныхъ, онъ, при помощи Божіей, веселыми ногами исходилъ всякій день на дѣло свое и на дѣланіе даже до вечера. Временно и безвременно, въ общежитіи и въ квартирахъ посѣщалъ онъ питомцевъ училища и однихъ похвалялъ, другихъ вразумлялъ. Съ цѣлью содѣйствовать, сколько возможно, развитію въ нихъ духа благочестія, онъ при помощи Божіей и по собственному побужденію, предъ литургіей въ дни праздниковъ постоянно почти заходилъ въ свой классъ, гдѣ и объяснялъ рядовое Евангеліе или рассказывалъ исторію праздника. Уроки свои въ классѣ всегда почти предварялъ объясненіемъ нѣсколькихъ стиховъ изъ Евангелія. Замѣчая

расима въ Сиб. въ качествѣ череднаго архимандрита, онъ послужилъ и дѣтямъ его, изъ коихъ двое учились въ Горномъ корпусѣ, что на Васильевск. островѣ,

въ нѣкоторыхъ дѣтяхъ благоговѣніе, онъ почиталъ это для себя самою лестною наградой. Въ числѣ учениковъ высшаго отдѣленія уѣзднаго училища былъ племянникъ о. ректора Никодима ^{з)}. Рѣзвый и живой, онъ часто озабочивалъ Георгія своими шалостями. Разъ послѣ обѣда Георгій задремалъ и видитъ въ тонкомъ снѣ, что этотъ мальчикъ, прижатый къ столу двумя товарищами, закричалъ лихимъ матомъ отъ того, что они изломали руку ему. Самъ не свой Георгій сильно встревожился этимъ и пробудился. Каково же было его удивленіе, когда чрезъ пять-шесть минутъ прибѣжалъ къ нему изъ общежитія въ архіерейск. домъ старшій съ донесеніемъ объ этомъ самомъ событіи, случившемся на яву! Но это былъ далеко не единственный изъ опытовъ его службы ревностной и добросовѣстной.

Въ концѣ іюля 1833 года, предчувствіе о болѣзни и скорой смерти матери столь сильно овладѣло Георгіемъ, что онъ сталъ тосковать по ней. Не имѣя болѣе силъ преодолѣть это святое чувство любви къ родителямъ, онъ пошелъ къ владыкѣ и объяснилъ ему свои чувства и желаніе видѣть своихъ родителей. Добрый владыка отвѣчалъ: «такъ что же, съ Богомъ поѣзжай, возьми съ собой и Ивана». Георгій выѣхалъ изъ Иркутска 3-го числа августа 1833 года въ 9 часовъ утра и на другой день въ 7 часу пріѣхалъ подъ мирный кровъ родителей своихъ въ селеніе Бѣльскъ.

Въ дневникѣ его 5-го августа читаемъ: «Мирный кровъ моего младенчества,—я опять подъ тобой; сердце мое опять пьетъ блаженство въ виду предметовъ, окружавшихъ его нѣкогда и производившихъ на него первыя впечатлѣнія. О, какъ они срослись съ нимъ и освоились! Едва ли рука времени сотретъ оныя. И съ какимъ наслажденіемъ ненасытимо взоры мои теперь на нихъ покоятся! Тѣже горы, вѣтвистыми соснами пріосѣненныя, тѣже березы сѣме-

---

з) Онъ живетъ теперь въ Спб., служитъ въ единовѣрческой церкви, что въ Захар. улицѣ, священникомъ: это о. Іоаннъ Верховскій.

нистыя, при шелестѣ коихъ мирно покоилось мое невинностию цвѣтущее сердце; тотъже островъ, омываемый струями Бѣлы; тотъже лугъ, на коемъ я, чуждый заботъ и печали, любовался бабочками и пасъ на душистой богородской травкѣ Божіихъ коровокъ; тѣже старцы-камни, мохомъ обросшіе и смотрящіеся въ стекловидной поверхности рѣки, ихъ опѣняющей, — словомъ, все то же. Но сколько перемѣнитъ печальныхъ въ моемъ сердцѣ! Сколько разъ бури страстей опустошали это невинное сердце! Сколько разъ оно опять возвращалось на путь добродѣтели! Какъ радъ я, что исторгнись изъ золотой клѣтки порока, дышу теперь свободой сыновъ Божіихъ и духомъ ношусь тамъ, гдѣ Отецъ и Богъ мой! Какъ сладко проливать эти слезы горячія изъ сердца въ дань Творцу! О, еслибы всегда онѣ такъ лились, текли неоскудно! Я съ ними излилъ бы сердце мое въ руки Божіи и остался бы съ Нимъ и въ Немъ во вѣки. — По пріѣздѣ въ домъ родительскій встрѣтилъ насъ батюшка, и я до глубины души былъ тронутъ болѣзненнымъ состояніемъ моей доброй матушки. Я обрѣлъ несказанный покой въ оказаніи должныхъ услугъ болящей и со слезами благословляющей меня матери. Блаженны дѣти, думалъ я про себя тогда, которыя облегчаютъ состраданіемъ скорбь родителей: каждая слеза сихъ послѣднихъ послужить къ оплодотворенію таящихся въ сѣмени надеждъ дѣтей; каждый вздохъ ихъ низведетъ благословеніе неба на ювы сердца. Никакой долгъ, никакая земная обязанность не можетъ сравниться съ священною обязанностью покоить старость родителей. Нѣжное попеченіе о нихъ дѣтей дѣлаетъ ихъ болѣзнь нечувствительною и облегчаетъ переходъ даже въ самую вѣчность». — 15 августа. Послѣ утрени съ дядей діакономъ я слушалъ чтеніе изъ синаксаря объ успеніи Владычицы. Въ сей день святыми Дарами обѣдненными была напутствована моя матушка. Послѣ обѣда отдыхалъ. Но пробудившись, я почувствовалъ скорбь, меня тяготящую. Это былъ отзывъ скорбныхъ стоновъ матушки болящей. Собрались соборовать; я плачу и жад-

но ловлю каждое слово матушки, слово завѣтное, любвеобильное. О ежели бы это была еще не послѣдняя пѣснь моей бѣлой лебедушки! Но сердце мое не надѣется. Буду съ терпѣніемъ ожидать исполненія моего предчувствія. Будь благословенъ Господь мой!—Иду къ матушкѣ, смерть призывающей (Вечеръ, 15-е число 10-й часъ).—«18 августа. Матушка перестала говорить и погрузилась въ сонъ латаргическій»—«22 августа. Предъ восходомъ солнца краснаго мой ангелъ улетѣлъ, сопровождаемый благословеніями и слезами, на небеса. Итакъ не обмануло меня предчувствіе относительно кончины ея: оно томило меня болѣе недѣли въ Иркутскѣ и стремилло на родину. Никогда желаніе видѣть родителей не беспокоило столько души моей, какъ нынѣ. Учебныя занятія не вливали отраду въ сердце тоскующее: оно знало, что часть его скоро сокроется въ нѣдрахъ земли. Будь однако же благословенъ Всевышній! Духъ мой съ благоговѣніемъ касается предѣловъ вѣчности пескончаемой и заключаетъ невыразимый союзъ съ небомъ и духомъ матушки. Упокой ее, Господи, въ сѣни криль твоихъ. Обнови ея духъ, оземленѣвшій въ тѣлѣ тлѣнія! Всего же болѣе, прошу Тебя, Любовь моя, пошли стрѣлу твою въ изнывающую грудь мою и умертви въ оной ветхаго человѣка, дай мнѣ сердце новое, которое бы выну желало неба и воздыханіями своими возносилось къ Тебѣ. За 8 дней до смерти матушка увѣщевала меня между прочимъ никого не обижать, даже и самыхъ малыхъ земли, удаляться роскоши; просила молиться о себѣ и вручила мнѣ брата Харлампія, а старшей сестрѣ Татьянѣ Ивановнѣ сестру Евдокію. Да будетъ ей вѣчная память отъ меня. Въ Успеніе Пресвятой Богородицы послѣ соборованья, прощаясь съ сосѣдками, говорила: «простите меня грѣшную, я никому изъ васъ не желала зла». А сосѣдки въ свою очередь въ сегодняшній день, при гробѣ ея со слезами говорили: «прости наша бѣлая лебедушка, прости ласточка касатая, прости ласко-привѣтливая. Почто ты бѣлая лебедушка отлетѣла отъ насъ, столь ранехопько, почто поторопи-

лась сивокрылая и упредила насъ? Почто оставила своихъ дѣтушекъ, дѣтушекъ родименькихъ?» Слыша это и сему подобное, я заливался слезами и обѣщалъ себу всего себя. (Послѣ горькихъ слезъ въ 3-мъ часу 22 августа).— «24 августа. Съ разсвѣтомъ сегодня погасла въ сердцѣ моемъ заря блаженства; разлетѣлись подобно рою пчель мои радости; и самое солнце—око міра, долго, казалось мнѣ, медлило за горизонтомъ, скрывая игривые лучи свои въ облакахъ, блѣдно освѣщенныхъ луной. Вставши, я не могъ ничего дѣлать. Въ звонъ къ обѣдни мы вынесли гробъ матушки на рукахъ изъ дому и послѣ обѣдни скрыли останки ея, по лѣвую сторону алтаря, подлѣ стѣны церковной ограды. Послѣ сего угощалъ вмѣстѣ съ семействомъ болѣе ста человекъ, самъ обѣдалъ уже часу въ 5-мъ».— «31 августа мы послѣ обѣда отправились въ Иркутскъ. Прощаясь на могилѣ съ матушкой, на небесахъ уже витающей, я плакалъ горько, неутѣшно. Пять разъ отходилъ я отъ могилы и опять возвращался. «Прости, мой ангелъ, говорилъ я ей, какъбы надъ главою моею парящей, прости и благослови сироту печальнаго и обомлѣвшаго отъ унынія. Прости, другъ мой безцѣнный, всегда о мнѣ пекшійся. Прости мать нѣжнѣйшая, любившая меня пламенно въ всѣхъ чадѣ своихъ. Прости, приснопамятная. Да процвѣтаютъ кости твои и плоть твоя въ лонѣ нашей матери первобытной. Да торжествуетъ душа твоя въ райскихъ обителяхъ и духъ твой бессмертный да сочетается съ Духомъ Божиимъ, котораго ты покоила въ твоемъ сердцѣ».—Послѣ сего былъ у дяди Петра и простился съ нимъ, Прощаясь съ сѣтующимъ о разлукѣ со мной батюшкой, коего болѣе всего изъ земнаго любить мое сердце, я обнималъ его съ нѣжностью и со слезами. Особенно тронули меня его неподвижно устремленные взоры на нашу коляску, мало-по-малу стремящую насъ въ даль и наконецъ скрывшую его зракъ, для меня любезный».— «1 сентября, часу въ 7-мъ утра пріѣхали въ Иркутскъ, гдѣ радушіе и ласковость высокопреосвященнаго Мелетія облегчили нѣ-

сколько мою грусть. Не мало также услаждала мое сердце и нелицемѣрная радость братіи архіерейскаго дома о моемъ приѣздѣ. Слава Тебѣ Господи! Сердце мое спокойно. Языкъ мой готовъ славословить и благословлять вѣчныя судьбы Твои». — «23 сентября, послѣ обѣда, прохаживаясь, я увидѣлъ несчастнаго англичанина, приписаннаго въ Бѣльскъ. Онъ шелъ къ владыкѣ, отцу сиротъ безродныхъ, и я проводилъ его. Послѣ доклада о немъ, когда никого съ нимъ не было, онъ палъ на землю и тепло молилъ Господа, вѣроятно о смягченіи къ нему сердца благодѣтеля безпріютныхъ. Смотри на сіе въ маленькую скважинку, я былъ тронутъ до глубины сердца. Едва слышалъ онъ шелестъ шаговъ высокопреосвященнаго, какъ принялъ веселый видъ и началъ объясняться на языкѣ англійскомъ; но замѣтивъ, что его не понимаютъ, говорилъ по-русски. Стоя на колѣняхъ онъ просилъ владыку, чтобы позволилъ ему, какъ принявшему греко-россійское исповѣданіе, приобщиться и снабдилъ приличнымъ свидѣтельствомъ; мимоходомъ объяснилъ ему и о бѣдности своей. Благодѣтель владыка велѣлъ эконому снабдить его нужнымъ. Между тѣмъ и я вспомнилъ, что имѣю лишнюю рубашку и косынку, отдалъ ему, за что онъ, распростершись на землѣ, благодарилъ меня со слезами. Сладко быть благотворителемъ; но я отдалъ лишнее, и эта малая жертва ничего не стоила моему сердцу».

Единственную отраду находилъ, убитый горемъ, Георгій въ пламенной молитвѣ о незабвенной матери своей, особенно въ продолженіи 40 дней послѣ кончины ея; ежедневно бывалъ онъ въ храмѣ и подавалъ милостыню о упокоеніи души ея; въ свободные отъ занятій часы уходилъ въ садъ и тамъ его сердце изливало въ сладкихъ слезахъ молитвенныхъ о родимой. Не безотрадно раздѣлялъ по временамъ скорбь души своей съ добрымъ другомъ Симеономъ и ходилъ съ нимъ иногда на гробъ друга юности своей, Андрея Боголюбскаго, который скончался въ 1831 году (сент. 24) на его рукахъ. Могила его еще жи-

вѣе напоминала ему о могилѣ милой матери, и онъ, казалось, искалъ тамъ сердцемъ ея объятій. Градомъ лились слезы, но не тоски безотрадной, а сладости и удовольствія неземнаго, для коихъ нѣтъ словъ на языкѣ человѣческомъ. Не малою отрадой служило Георгію участіе владыки. Однако Георгій вскорѣ лишился этого утѣшенія. Непокорный и непослушный питомецъ его Иванъ (племянникъ преосвященнаго) безпорядочнымъ поведеніемъ своимъ несказанно сокрушалъ сердце Георгія, и онъ при всемъ стараніи и попеченіи неутомимомъ, никакъ не могъ исправить его упорное сердце. Преосвященный очень огорчился его поведеніемъ и началъ взыскивать съ добросердечнаго Георгія, нечувствующаго якобы всѣхъ его благодѣяній. Острыя рѣчи владыки, какъбы острое оружіе, прошли всквозь сердце его, убитое и безъ того скорбью. Онъ не оправдывался много, но съ кротостью отвѣчалъ, «что онъ съ своей стороны дѣлаетъ все, что только можетъ». Такъ все непостоянно въ мірѣ семъ. Справедливы слова св. писанія: «Не надѣйтесь на князи, на сыны человѣческія, въ нихъже нѣсть спасенія» (Пс. 145, 3). Единный Господь былъ помощникомъ въ скорбѣхъ, обрѣтшихъ дупу Георгія. Послѣ молитвы усладительной онъ находилъ часто утѣшеніе въ уединенной прогулкѣ; душа его при взглядѣ на природу, какъбы на раскрытую книгу, вкушала много отрады. «Каждый кусточикъ, травка, казалось мнѣ, говорили, пишетъ онъ въ дневникѣ: утѣшся, страдалецъ, посмотри, какъ часто доводится и намъ испытывать то знойное лѣто, насъ изсушающее, то осень, насъ обнажающую, то зиму, которая, останавливая развитіе въ насъ жизни, побуждаетъ уныло преклонять вѣтви свои подъ снѣгомъ хладнымъ.—Все тлѣнно подъ луной. Для чего же не ищемъ радостей нетлѣнныхъ? Ихъ колыбель—небо: только въ его лонѣ вѣчною онѣ роскошно цвѣтутъ, не увядая».

Исполняя свято обязанности въ училищѣ Георгій, сколько возможно, старался быть полезнымъ и своему семейству: бѣднымъ роднымъ помогалъ всѣмъ, чѣмъ только могъ, и

деньгами и совѣтами душеспасительными. Особенно заболтался о миломъ сердцу его братѣ и крестномъ сынѣ Харалампіѣ, ввѣренномъ его попеченію доброю матерью въ послѣднія минуты ся жизни. Онъ хлопоталъ объ устройствѣ брата, желалъ женить его и опредѣлить къ мѣсту, что съ помощью Божіею и удалось. Сосватавъ для него невѣсту, Георгій отпросился на свадьбу къ брату въ Бѣльскъ и здѣсь къ средѣ родныхъ, дружески къ нему расположенныхъ, его сердце нашло полную отраду.

На пути въ селеніе Евсеевку, куда вмѣстѣ съ поѣздомъ Георгій отправился за невѣстой брата, Господь дивно сохранилъ его отъ великой опасности. Вотъ что писалъ онъ по этому случаю въ дневникѣ своемъ: «Проѣхавъ благополучно верстъ до 40 и утѣшаясь картинными видами на пути, мы доѣхали до польней на глубокой рѣкѣ Ангарѣ. При кипящей отвагѣ я не думалъ видѣть никакой опасности, хотя опытность дяди и предостерегала меня. На легкихъ лошадахъ и въ легкихъ санкахъ мы перелетѣли съ дядей опасность; но бѣжавшая за нами тройка погрязла съ повозкой въ водахъ ангарскихъ. Всѣми овладѣлъ страхъ, но присутствіе духа во мнѣ ободрило всѣхъ. Презирая опасность, я съ льдины на льдину метался, и вытащивъ изъ повозки брата-жениха, сестру Татіану и ямщика, способствовалъ къ выгрузкѣ изъ воды и повозки».

По окончаніи свадебныхъ пировъ, съ тѣснымъ отъ скорби сердцемъ Георгій, возвергши печаль свою на Господа и въ послѣдній разъ прижавъ къ сердцу всѣхъ кровныхъ друзей своихъ, при благожеланіяхъ и благословеніяхъ родителя добраго, отправился въ обратный путь. По приѣздѣ высокопреосвященный владыка принялъ Георгія благодушно и съ участіемъ спрашивалъ обо всемъ. Это вниманіе владыки облегчило скорбь его. Онъ возблагодарилъ Господа и снова радъ былъ съ готовностью сына принять отъ Отца небеснаго все, что ни будетъ благоугодно Ему ниспослать.

Въ это время игуменъ Израиль поколебался въ право-

славіи и былъ вызванъ въ Иркутскъ. Ревностный защитникъ православія Георгій всѣмъ сердцемъ скорбѣлъ о его заблужденіи и, сколько могъ, старался вразумить его, но не имѣлъ успѣха. По отзыву Георгія, Израиль былъ кротокъ, терпѣливъ, нерѣдко въ пламенно-умиленной молитвѣ и пѣніи проводилъ цѣлыя ночи вмѣстѣ съ юнымъ другомъ своимъ. Тѣмъ сильнѣе скорбѣлъ добродушный Георгій, видя, что при столь великихъ добродѣтеляхъ низвергся Израиль въ бездну невѣрія. Многіе предостерегали и совѣтовали Георгію оставить Израиля и не ходить къ нему, какъ сретнику. «Пусть что угодно говорятъ объ участіи моемъ въ судьбѣ Израиля, говорилъ Георгій; не сретнику я покровительствую и не еретнику служу: я вижу въ немъ твореніе Господа моего долготерпѣливаго и сего для меня довольно, чтобы не уклоняться отъ общенія съ нимъ». Заблужденіе Израиля произошло, по отзыву Георгія, вслѣдствіе худо понятыхъ имъ мистическихъ направленій отца Макарія, бывшаго начальникомъ алтайской миссіи, у котораго Израиль и жилъ въ Костромѣ, когда о. Макарій былъ ректоромъ въ тамошней семинаріи, а также и отъ неразборчиваго чтенія иностранныхъ книгъ, духъ и содержаніе коихъ, при таинственномъ ихъ направленіи, завлекли его, и онъ всосалъ этотъ ядъ въ сердце свое тѣмъ скорѣе и легче, что не былъ образованъ методически и имѣлъ пламенное воображеніе. Около этой поры въ большомъ ходу на Руси православной сочиненія Юнга-Штилинга, Екскартгаузена, г-жи Гіонъ, Арндта, отчасти Шведенборга и другихъ писателей въ этомъ родѣ. Любопытный Израиль всецѣло усвоилъ ученіе ихъ и началъ мало-по-малу отвергать почти всю обрядовую сторону православной вѣры. Такъ какъ онъ обладалъ необыкновеннымъ даромъ слова и говорилъ сильно и увлекательно; то многіе стѣзжались въ Троицко-Селенгинскій монастырь, гдѣ онъ былъ игуменомъ, чтобы насладиться его бесѣдой. Особенно изъ купческаго званія имѣлъ онъ много знакомыхъ, которые вмѣстѣ съ нимъ впали въ заблужденіе. Благодаря

однакоже Вышняго, Георгій остался чуждъ его заблужденію. Когда правительство, отдавъ Израиля подъ судъ, спрашивало его объ ученикахъ его, Израиль показалъ на Георгія, какъ на перваго. Но съ помощью Божіею Георгій оправдася по сему дѣлу, объяснивъ начальству, что онъ хотя и любилъ о. Израиля и много видѣлъ пользы для своей души отъ общенія съ нимъ, но никогда не раздѣлялъ его заблужденій и хранить свято ученіе нашей матери—Церкви. Сколь ни опасно было положеніе Георгія, подозрѣваемаго самимъ даже владыкой, если не въ единомысліи съ игуменомъ Израилемъ, то въ сочувствіи къ нему, по христіанскому состраданію Георгій не прекращалъ сношеній съ Израилемъ. Любимой мечтой Георгія было обратить заблудшагося друга ^{н)} на путь истины, и съ этою цѣлью онъ каждодневно посѣщалъ его, утѣшалъ, вразумлялъ. Но къ сожалѣнію, Израиль оставался твердъ, какъ камень, въ своемъ заблужденіи. Съ кротостью агнца переносилъ онъ всѣ оскорбленія и даже побои, не отвѣчая на нихъ. Въ это время для о. Израиля Георгій являлся какъбы ангеломъ утѣшителемъ. Наконецъ Синодъ предписалъ лишить его сана и простымъ послушникомъ сослать въ Соловецкій монастырь. Такъ худо и несчастливо кончилъ столь славно начатое поприще свое: замѣчательный по многимъ отношеніямъ, Израиль! «Жизнь его можетъ служить намъ примѣромъ, говоритъ въ дневникѣ своемъ Георгій, какъ опасно должны мы совершать дѣло своего спасенія. Столпы падаютъ: что

н) Предъ кончиной, послѣдовавшей въ ноябрѣ 1863 г. въ Соловецкомъ монастырѣ, Израиль обратился въ нѣдра православной Церкви и умеръ въ мирѣ. Этому не мало содѣйствовалъ о. архимандритъ Порфирій, тамошній настоятель, коего просилъ о. Герасимъ въ 1859 г., когда онъ туда былъ назначенъ, „позаботиться о спасеніи старца“. А въ описываемую нами пору о. Израиля истязывали какъ мученика: подвергали его поруганіямъ, морили его голодомъ по недѣлямъ, и чѣмъ долѣе онъ былъ безъ пищи, тѣмъ казался благодушнѣе; его били и, вѣроятно по внушенію діавола, обливали съ пачетками горячей водой.

можетъ быть съ нами, слабыми вѣтвями? «Аще не Господь созидаетъ градъ, всеу трудятся зиждущіе».

Въ пламенной душѣ Георгія вскорѣ послѣ сего возгорѣлось желаніе ѣхать въ академію, для дальнѣйшаго образованія въ наукахъ: онъ обрадовался этой свѣтозарной мысли, какъбы посланницѣ съ неба, и съ сего времени академія сдѣлалась любимою мечтой для его воображенія. Онъ поспѣшилъ раздѣлить чувства души своей съ добрыми своими братьями. Посовѣтовавшись еще съ опытными изъ сослуживцевъ своихъ, онъ спѣшилъ къ престарѣлому родителю за совѣтомъ, чтобъ съ благословенія его осуществить свое желаніе. Но намѣреваясь вступить на столь важный путь въ жизни своей, Георгій первѣе всего въ пламенной молитвѣ такъ изливалъ душу свою предъ Отцемъ небеснымъ: «Исполни Господи желанія мои, если они не суетны, если они не повредятъ дѣлу спасенія. Да будетъ воля Твоя, въ Твои руки всесвятая вручаю судьбу мою небезболѣзненную. Устрой для меня кругъ дѣятельности. Если мнѣ суждено носить на раменахъ своихъ погибшихъ овецъ дома израилева, какъ это я предчувствую, и какъ объ этомъ сказывали мнѣ родители мои, наслышавшись отъ дѣдушки Ив. Гавр. Огаркова; то горнило скорбей, очищающее меня и гнетущее, очень для меня необходимо и благодѣтельно». Приѣхавши въ домъ родительскій, Георгій завелъ разговоръ съ родителемъ о желаніи своемъ, и онъ со слезами благословлялъ своего возлюбленнаго сына въ академію, приговаривая, что въ случаѣ отказа въ прогонахъ, онъ припасетъ для милаго сына самъ сколько можетъ. Эта нѣжная любовь старца растрогала добродушнаго Георгія до слезъ, и онъ съ сокрушеннымъ сердцемъ разстался съ родителемъ. По возвращеніи въ Иркутскъ Георгій поспѣшилъ явиться къ владыкѣ и съ его позволенія перешелъ на житье въ училище. Георгія нисколько не печалило это перемѣщеніе. Давно уже онъ жилъ у владыки гостемъ и свыкъся уже съ этимъ заранѣе. А мысль, что онъ будетъ уже пить и ѣсть свое, не испытывая болѣе горечи чужа-

го хлѣба, даже навѣвала восторгъ на духъ его; къ тому же и тѣмъ утѣшался онъ не мало, что слагалась съ его плечъ тяжелая обязанность смотрѣть за упорнымъ Иваномъ, Перемѣстившись въ новое жилище и поустроившись, Георгій отправилъ прошеніе въ Петербургъ о принятіи его въ академію. Прикыпи все свои чувства и желанія согласовать съ волей Божіею, онъ такъ изливалъ свою душу: «Дай Богъ, писалъ онъ, чтобы желаніе мое поступить въ академію сбылось; но если и выучившись въ академіи не сдѣлаюсь я лучшимъ, то пусть Небеса не исполняютъ это желаніе. Оправдается ли мое предчувствіе—быть въ академіи,—не знаю; знаю только, что оно во мнѣ есть и не могу забыть я, что мнѣ предсказано поприще обширнѣйшее. О Боже! содѣлай меня сосудомъ въ честь. Гдѣ бы я ни былъ и чѣмъ бы ни былъ, пусть только буду твоимъ, твоею собственностью неотъемлемою, вѣчною. Укрѣпи мои стопы шаткія и волю ползучую».

Сколь ни ревностно Георгій исполнялъ обязанность свою начальники его не совѣмъ однакоже были справедливы къ нему, со времени перехода отъ владыки въ училище. Но кроткій Георгій все переносилъ и изъ всего старался извлечь что-либо полезное для души, сознавая, что нужно ему потерпѣть непріятности для чистоты сердца, начинавшей видимо затмѣваться въ эту пору отъ столкновенія и болѣе тѣснаго сближенія съ свѣтомъ. Такъ писалъ онъ въ своемъ дневникѣ: «Надобно приучать себя къ великодушію жертвами. Что дѣлать? Неужели мы потеряемъ все съ потерей расположенія къ намъ вышихъ? Страдальцамъ остается въ удѣлъ еще совѣсть ободрительница. Люди могутъ быть къ намъ несправедливы, ибо они подвержены слабостямъ. Пусть ихъ! Зачѣмъ же намъ сѣтовать объ этомъ? Утѣшимся и займемся изслѣдованіемъ безпристрастнымъ: не заслужили ли мы это нерасположеніе? Если я правъ, то дурные отзывы и худыя отношенія ко мнѣ вышихъ не должны много меня тревожить. Тревога погружаетъ въ уныніе духъ нашъ и лишаетъ его силы парить къ небесамъ».

Вскорѣ преосв. Мелетій перемѣщенъ былъ въ Харьковъ. И Георгій, отблагодаривъ его за всѣ благодѣянія, простился съ нимъ и получивъ благословеніе отъ владыки, отправился въ Бѣльскъ по случаю наступленія лѣтней вакаціи. Во все время пребыванія въ дому родительскомъ, Георгій постоянно раздѣлялъ всѣ труды и занятія съ домашними,—убиралъ сѣно, ѣздилъ за ягодами. Мгновенно пролетѣло золотое время для Георгія и долгъ службы призывалъ его въ обратный путь. Простившись съ родителемъ, со слезами ходилъ онъ на могилу матери, гдѣ молился съ неутѣшнымъ рыданіемъ объ ея упокоеніи въ вѣчныхъ обителяхъ, далъ обѣтъ хранить въ чистотѣ душу свою, совѣсть и сердце и взявъ земли съ этой могилы, отправился въ путь.

Неизбѣжная разлука съ добрымъ архипастыремъ Мелетіемъ, переведеннымъ по просьбѣ его въ Харьковъ, была не безъ скорби для нѣжнаго сердца Георгія. При прощаніи получивъ отъ владыки совѣтъ поступить въ академію, куда уже просилась душа его неотступно, Георгій ревностно началъ готовиться къ этому новому призванію; но вскорѣ открылось, что ректоръ семинаріи не благопріятствуетъ этому намѣренію, подѣ тѣмъ предложомъ, что Георгій нуженъ для училища. Услышавши эту горькую и неожиданную вѣсть, сильно усумнился Георгій въ призваніи своемъ и къ монашеству и остался, по пословицѣ, какъ ракъ на мели. Съ пламенною душой вступивши въ великое училище жизни—въ это шумное жилище суеты и соблазновъ, безъ поддержки и притомъ на каждомъ почти шагу встрѣчая дурные примѣры въ сослуживцахъ, съ которыми невольно онъ долженъ былъ тогда сблизиться, сначала конечно скучалъ Георгій въ обществѣ съ ними, привыкши къ блаженному уединенію и къ сладчайшей бесѣдѣ съ возлюбленнымъ Иисусомъ. Но мало-по-малу, совсѣмъ того не замѣчая, Георгій началъ привыкать и къ повому небезопасному положенію, и уже сталъ скучать одиночествомъ, даже храмъ Божій сталъ посѣщать все рѣже и рѣже.

Наконецъ для препровожденія времени Георгій началъ играть съ товарищами въ карты и посѣщать знакомыхъ. Богу благоугодно было попустить на время и Георгію впасть въ сѣти врага нашего спасенія, чтобы чрезъ паденіе еще болѣе возвысить смиреніе духа его, а чрезъ смиреніе поставить на высокую степень добродѣтели. Удивительно ли послѣ сего то, что Георгій, пламенѣвшій прежде жаждой уединенной жизни, почувствовалъ необходимость семейной жизни. Но и въ этомъ должны мы видѣть дивный Промыслъ Всевышняго надъ избранникомъ своимъ. Предназначая сего раба Божія къ высокому служенію Церкви, Господь попустилъ ему быть «искушену по всяческимъ», чтобы онъ, побывавъ въ горнилѣ искушеній жизни всякаго рода, «могъ (въ послѣдствіи) и искушаемымъ помощи» (Евр. 2, 18). Вскорѣ пламенный Георгій встрѣтилъ среди міра предназначенную свыше быть подругой жизни его дѣвицу Наталію. Она предстала предъ нимъ во всей красотѣ, невинности и цвѣтущей юности и овладѣла сердцемъ его; женитьба на ней содѣлалась любимомъ мечтой живаго и пріимчиваго его вображенія. Въ его дневникѣ 31-го октября 1835 года, читаемъ: «Боже великій! благодарю Тебя и съ нѣжностью сына лобызая десницу Твою. О, я много, очень много нахожу въ ней даровъ Твоихъ. Прими эти вздохи за кадило благовонное. Правда, уже многимъ,—что я говорю—многимъ?—всѣмъ задолжалъ у Тебя; но дай мнѣ еще съ благословеніемъ этотъ брачный жребій, если въ немъ нѣтъ роковаго приговора на мученіе вѣчное. Дай мнѣ его, если онъ не заключить для меня вратъ эдемскихъ, вратъ вѣчныхъ. Слабый взоръ ума моего читаетъ въ немъ приговоръ на блаженство, а сердце предчувствуетъ найти въ немъ родную часть свою, отъятую Тобой, Отецъ премилосердый при сотвореніи. При представленіи о ней (невѣстѣ) всѣ страсти затихаютъ, всѣ тревоги прекращаются: такой миръ низводитъ она въ мое сердце! Великій Боже! Если въ вѣчныхъ судьбахъ определено мнѣ обмануться и на этотъ разъ, если подѣ въковую

печатью будущаго неразгаданнаго скрывается для меня приговоръ къ одиночеству; то пусть всеильное маніе Твое погаситъ это пламя, занявшееся въ душѣ моей. И благоговѣю предъ таинственною завѣсой судьбы Твоихъ и съ безропотною довѣрчивостью оторву собственными моими руками эту единственную вервь, придерживающую челнъ мой на берегу моря суетнаго, утѣшаемый мыслью, что Ты—Кормчій мой, среди этихъ волнъ бурно-хладныхъ».

Задумавъ жениться, Георгій вызвалъ къ себѣ престарѣлаго родителя, чтобы испросить его благословеніе на это желаніе. Изумился старецъ намѣренію сына; съ утра и до вечера говорили они и всѣми силами старецъ противился этому намѣренію, говоря одно: «Тебя ждетъ, дитячко мое, не этотъ путь», или: «не будетъ тебѣ счастья на этомъ пути!» Но Георгій съ своей стороны представлялъ по видимому убѣдительныя причины родителю: что по словамъ св. апостола лучше жениться, нежели разжигаться; что, живя въ мірѣ, среди соблазновъ трудно сохранить себя въ чистотѣ и цѣломудріи; что онъ уже сомнѣвается въ настоящее время въ призваніи своемъ къ монашеству тѣмъ болѣе, что сколь ни пламенно сего искалъ, но недовѣдомый Промыслъ Божій указываетъ осязательно какъбы другое поприще, жизнь семейную; что наконецъ можно спастись въ мірѣ на должности священнической. Согласился наконецъ родитель и благословилъ его сватать невѣсту, избранную его сердцемъ. Предложеніе Георгія въ генварѣ 1836 года было принято, онъ получилъ руку Наталіи. Послѣ кратковременнаго колебанія преосв. Иннокентій благословилъ этотъ бракъ на невѣстѣ недуховнаго происхождения.

1836 года 29 января было днемъ свадьбы Георгія, и вотъ что пишетъ онъ въ дневникѣ своемъ: «Помолившись Господу за раннею, хлопоталъ о свадьбѣ. Наконецъ пріѣхали въ церковь и гимны брачныя огласили своды ея. Сердце мое кипѣло, слезы выливались и тихо текли по горящимъ ланитамъ моимъ. То никъ я душой, то выникалъ и

париль, какъ орель свѣтловзорый. Душа моя то таяла, какъ благовонный ладанъ въ кадиль священномъ, испаряя благовоніе чувствъ набожныхъ; то горѣла какъ свѣча предъ-образная, предъ ликомъ Господа Трінностаснаго. Подавая кольцо обручальное служителю алтаря, я отдалъ съ нимъ мое сердце для врученія безвозвратно его Натальѣ; а принимая ея кольцо, вѣрилъ, сладко вѣрилъ, что беру съ нимъ ея сердце. Кончился обрядъ вѣнчальный, но не кончилась моя радость, мой восторгъ неописанный. Онъ слѣдовалъ за мной и въ домъ жены моей, гдѣ пировали мы сватьбу». «31 генваря ѣздили съ визитами и приготовлялись принять гостей. Въ 6 часовъ собрались гости, и я угощаль ихъ чѣмъ Богъ послалъ; въ 9 часовъ они разѣхались и мы успокоились». «5 февраля, получивъ увольненіе и простясь съ родными, мы отправились въ Бѣльскъ. Въ пути, забывая себя, берегъ я жену мою. Истинная любовь всегда сопряжена съ самоотверженіемъ. Родные встрѣтили насъ съ родственнымъ радушіемъ. Мы не видали, какъ летѣло время. 7 февраля мы отправились съ визитомъ къ крестной моей матери, сестрѣ Анастасіи; но ея сухой приѣмъ вѣроятно оттого, что не была родителемъ приглашена на сватьбу, нѣсколько меня опечалилъ. Но печаль есть соль удовольствій неземныхъ: безъ нея они не могли бы быть такъ прочны, имѣя столь непрочную и измѣнчивую основу, каково сердце человѣческое. Поговоривши кой о чемъ мы поѣхали въ Гымыль. Побывавши тамъ домахъ въ двухъ, отправились обратно къ крестной. Радость безотлучно летала за мной и вѣяла крыломъ своимъ надъ моимъ сердцемъ. Приѣхали домой безъ дальнихъ приключеній часу въ 9-мъ. 9 февраля часу во 2-мъ выѣхали въ Иркутскъ, напутствуемые благословеніями родныхъ. Я нѣжно цѣловалъ моего родителя и разстался съ нимъ со слезами. Въ немъ все для меня мило: я люблю его отъ всей души, и его благословеніе низводитъ въ мою душу благословеніе Божіе. Поднявшись па гору, я съ удовольствіемъ смотрѣлъ на мѣсто родины и на горы снѣжющіяся вдали; ихъ снѣ-

говые перламутровые вѣнцы касались облаковъ, будучи прикрыты ими, какъ пеленой бѣлою. Потомъ помолвившись Господу и бросивъ прощальный взглядъ на все родное, мы продолжали путь и по прїѣздѣ въ Иркутскъ 10 марта, отправились по молитвѣ на свою квартиру изъ дома тестя, у косяго жили со времени вѣнчанія, папутствуемые благожеланіями всеобщими нашихъ домашнихъ. 8-й и 9-й часть мы провели въ расположеніи вещей и мебели. Немножко закусили. Въ 10-мъ часу послѣ молитвы слезной о споспѣшествованіи мнѣ помощи Божіей на поприщѣ хозяйства новаго успокоились». — «16-е марта. Сердце вѣщее, летающее на крылахъ предчувствія! Неужели ты пророчишь мнѣ гибель бѣдственную? Неужели изъ этого чертога радостей, въ коемъ я наслаждаюсь блаженствомъ теперь неземнымъ, ты низведешь меня въ бездну ужасовъ и мрака? Зачѣмъ ты мнѣ и въ часы веселья и отрады грезишь горестями безотрадными? Развѣ муки ада для порочныхъ начинаются еще здѣсь, до страны замогильной? Развѣ вѣчность мала для того, чтобы истязать сластолюбца? Къ чему же эти тѣни черныя, эти образы мрачныя выются около меня, какъ стая врановъ кровожадныхъ около трупа? Развѣ утѣхи религіи мечта? Нѣтъ! въ пѣдрѣ любви Христовой находилъ и найдеть пріютъ всякій ищущій и толкущій».

Съ самаго вступленія Георгія въ новый періодъ жизни, умножились расходы по хозяйству; поэтому волей-неволей онъ долженъ былъ заниматься партикулярными уроками, не оставляя должностей инспекторской и учительской, — чтобы тѣмъ сколько-нибудь обезпечить свое семейство и нѣжно-любимую жену свою. Вскорѣ онъ принялъ священство. Съ чувствомъ благоговѣнія и радости небесной, Георгій приготовился къ принатію сего священнаго ига Христова на рамена свои. Въ 1836 году 2 апрѣля онъ былъ рукоположенъ преосв. Иннокентіемъ въ діакона, а 12-го апрѣля посвященъ въ священники къ иркутской Преображенской церкви. При всѣхъ своихъ многосложныхъ занятіяхъ онъ, какъ мудрый и добрый пастырь, неутомимо некъся о

чадахъ своихъ духовныхъ; они всѣ имѣли къ нему доступъ и онъ ко всѣмъ спѣшилъ съ отверстымъ сердцемъ на помощь. Одного утѣшалъ онъ, другаго наставлялъ, обличалъ; службу совершалъ съ благоговѣніемъ и часто съ кафедръ церковной со слезами поучалъ паству свою, не только во время литургіи, но и за всенощной. Врата дома его были отверзты для странниковъ. Нищій не отходилъ отъ окна его необрадованный подаеніемъ. Вдовы и сироты, особенно духовнаго званія, находили въ немъ утѣшителя и покровителя. Будучи казначеемъ Попечительства, онъ всемѣрно старался, какъ объ умноженіи средствъ, обезпечивающихъ ихъ состояніе, такъ и объ улучшеніи ихъ положенія труднаго. Имя Георгія извѣстно было въ городѣ, какъ имя особенно исправнаго, добродѣтельнаго и трезваго священника. Необыкновенно кроткая жена во всѣхъ добрыхъ дѣлахъ споспѣшествовала своему супругу, стараясь своимъ предупредительнымъ вниманіемъ исполнять даже малѣйшія его желанія, и нерѣдко хаживала къ службамъ въ Преображенскую церковь, версты почти три отъ квартиры, чтобы угодить между прочимъ своему нѣжному другу. И счастливый о. Георгій такъ изливаетъ свои мысли и чувства въ дневникъ своемъ: «17-го іюня 1836 года, пришедши отъ вечерни читалъ я и сладко мечталъ о своемъ золотомъ настоящемъ періодѣ жизни. Ласка—цвѣтъ любви супружеской—плѣняла меня, какъ игрушка—ребенка, и я утѣшался, качаясь, какъбы пташка, на вѣткѣ радости; грустные думы далеко бѣжали отъ меня, оставляя просторъ для сердца, ими сжатаго».

Но и въ этотъ счастливый періодъ жизни о. Георгію приходилось переносить не мало скорби отъ о. смотрителя училища, который преслѣдовалъ его и на каждомъ почти шагу дѣлалъ ему непріятности, за то быть можетъ, что о. Георгій не женился на сестрѣ его, а избралъ для себя другую, достойнѣйшую подругу жизни. Но достойный служитель алтаря, іерей Георгій переносилъ всѣ оскорбленія съ кротостью, смиреніемъ и великодушіемъ, что можно ви-

дѣтъ изъ дпевника его. «На пути въ церковь, пишетъ онъ 3 мая 1836 года,—встрѣтилъ меня старшій и объявилъ, что о. смотритель не приказалъ никому изъ учениковъ ходить для пѣнія къ Преображенію. Почувствовавъ гнѣвное движеніе, я старался однако извинить эту выходку противъ меня благовидными причинами. Это отвлекло умъ отъ существа дѣла, ослабило уязвленіе сердца до того, что я способенъ былъ молиться со слезами, во время литургіи, за ненавидящихъ меня. Лучшій способъ укротить гнѣвъ и месть— есть отвлеченіе ума къ другимъ предметамъ отъ предмета гнѣва, и молитва сладкая, хотя бы она была принужденною сначала, за недоброжелателя. Неужели быстрый полетъ орла мощнокрылаго долженъ останавливаться при мелочномъ пискѣ комаровъ и жуужаніи ось шумныхъ? А что христіанинъ, какъ не орелъ надземный, въ долинахъ пеба душей летать предназначенный? Согрѣвшись душой, я заставилъ таять и другихъ, при чтеніи проповѣди, во время обѣдни». Жена смотрителя, видя несправедливость притязаній своего мужа, очень часто открывала о. Георгію замыслы своего мужа и тѣмъ разрушала козни діавола, который не переставалъ метать изъ своего колчана стрѣлы па кроткаго Георгія. Вскорѣ однакоже уволили этого начальника, не умѣвшаго упорядочить училище ко благу учениковъ, бѣгавшихъ изъ Иркутска по домамъ, или просто куда глаза глѣдятъ, отъ его жестокости непомѣрной, крушившей доброе сердце о. Георгія.

Черезъ годъ о. Георгій приторговалъ домикъ, который и окупилъ незамѣтно, благодаря вниманію добрыхъ прихожанъ его и собственной оборотливости. Въ 1837 году не мало предлежало труда о. Георгію спасти отъ ссылки добрыхъ кяхтинскихъ купцовъ Молчановыхъ и штабсъ-капитана Апан. Никол. Лыкова, заподозрѣнныхъ въ связи съ о. Израилемъ и не хотѣвшихъ, по требованіямъ консисторіи, признать его за лжеучителя. Сколь ни много любили и уважали они о. Георгія, никакъ однакоже не могли согласиться признать заблужденія Израяля ересью и

готовы были ѣхать въ Охотскъ съ семействами на поселеніе. Только вниманіе къ нимъ генераль-губернатора Восточной Сибири Сем. Богд. Броневскаго и его благоразуміе спасло ихъ отъ этой горькой участи. Пригласивъ ихъ къ себѣ, по выслушаніи уже ими приговора губернскаго правленія, сказалъ опъ: «Жаль мнѣ васъ, други мои; что это паскучило вамъ доброе имя? Зачѣмъ вы не согласились на предложеніе Духовной консисторіи: признать Израиля еретикомъ?» Видя это вниманіе въ лицѣ свѣтскомъ, вниманіе, котораго напрасно искали въ преосвященномъ тогдашемъ, особенно же кротость губернатора, они плѣнились ею и сейчасъ же обратились къ православію, показавъ такимъ образомъ всѣмъ, что духъ кротости есть лучшій исправитель всѣхъ согрѣшеній нашихъ» (Изъ дневника 22 ноября). «19 декабря 1836 года. Господь благословилъ меня дочерью Евгеніей, жившею до половины февраля, скончавшеюся отъ простуды 1837 года. 1838 года въ февралѣ родилась дочь Александра, скончавшаяся въ іюнѣ. 1839 года 28 апрѣля мнѣ Господь далъ сына Николая».

Въ 1840 году Георгій поступилъ членомъ въ Духовную консисторію и обрадованъ рожденіемъ сына Константина; прежде родившіяся дѣти его умерли вскорѣ по рожденіи. Въ дневникѣ 1841 года 1 января Георгій пишетъ: «Минулъ скорбный и плачевный 40-й годъ и унесъ съ собою изъ Иркутска много радостей,—можетъ за его туманомъ спѣеть жатва Божія. Сколько перенесло печали горестей мое сердце въ этотъ годъ! Но онѣ миновались, почти прошли, кромѣ одной непроходящей печали—о женѣ-страдалицѣ; неужели и въ этотъ годъ страдать? Дай Богъ, только бы эти удары злополучія выбили зерно чистое изъ класа души, только бы огонь искушеній, опаливъ ниву сердечную, хоть на этотъ годъ удобрилъ ее, угобзилъ и оплодотворилъ. А то удары сыплются—зерна пѣтъ; огонь скорби жжетъ душу, но душа все неплодна, даже выплодила пороки. О, сохрани меня Господи въ грядущее лѣто отъ подобныхъ непотребствъ. Вразуми и научи творити волю

Твою святую и благоугодную. Искушенія со стороны протоіерея Фортунат., оклеветавшаго меня предъ его пресвященствомъ, наговоры и неблагонамѣренныя отношенія зрителя училищъ о. Нифонта, доведшіе пресвященнаго до прещеній въ отношеніи ко мнѣ,—смерть Коли — мнлаго сына, болѣзнь друга моего сердца, длаяся болѣе полугода, все это дѣлало жизнь для меня непріятною; особенно время длившееся съ іюня по 5-е сентября—время тяжбы съ о. зрителемъ, было временемъ скучнымъ при болѣзни жены. Много, много надо силы характера, или лучше нужно имѣть благодать Божию, чтобы не дойти до того, до чего дошелъ я въ эту пору, руководимый бестрашіемъ къ Творцу. Одни воспоминанія о подобномъ уже отнимаютъ всякую надежду на радость. Настоящее—весна для посѣва: что посѣялъ, то и жни въ будущемъ, во время осени жизни. Жаль того, что сдѣлано, но ужь его не передѣлать; а что всего горестнѣе—не забыть! Тяжелымъ камнемъ ложится всякое преступленіе на душу и гнететъ ее долу къ преисподней; грѣховныя навьки, какъ всякая страсть, вьиваются въ сердце и ищутъ въ немъ пищи, но не находя, терзаютъ до боли, до мученія. Избавь Господи меня въ будущемъ отъ этого ада земнаго! Опытъ будто научаетъ меня смиренію: благослови же, напутствуй меня своею благодатію. 10-й часъ вечера». — «Октября 7-го. Въ 5 часовъ пополудни соборовали друга моего сердца—Натал. Мих., которая отчаянно заболѣла съ 11 часовъ ночи. Слезило предъ Господомъ око мое и сердце мое изливалось въ мольбахъ къ Небесамъ». — «8-го, болѣзнь ея видимо усилилась. Черныя думы роились въ моей головѣ, тяжкіе вздохи и горькія слезы служили удѣломъ моимъ». — «9 октября. Предъ зарей сего дня затеплился лучъ свѣтлой надежды въ душѣ моей скорбной и въ сердце мое запало сѣмя предчувствія, что меня не оставитъ еще мой спутникъ пожизненный сиротой въ семъ мірѣ: кто знаегъ? можетъ быть Богъ жизни и продлитъ ей жизнь. Вѣдь любовь сердца съ очами зорчѣе ума! До 12 часовъ ночи я сидемъ спдѣль у одра

ея, и слушалъ завѣты ея и плакалъ преслезно съ сестрами. Въ 6 часовъ (утра) начинаю читать уже отходную, но мой другъ еще остается, послѣ легкаго сна.—Слава Тебѣ Господи! Въ вечеру болѣзнь видимо слабѣла. Думаютъ, что это предвѣстіе смерти. Но нѣтъ, послѣ молитвы слетѣло съ небесъ ко мнѣ утѣшеніе. О, взоръ благодати прощаетъ мои согрѣшенья и жезлъ наказанья прозябъ и разцвѣлъ для меня благодатнымъ прощеньемъ: чѣмъ расплачусь съ Небесами убогій? Чтеніемъ акаѣиста утѣшаюсь и самъ и мой другъ».—«10 окт. Послѣ сна Натал. Мих. кушала чай. Всѣ радуемся. О, надобно быть въ подобномъ положеніи, чтобы чувствовать цѣну туне даннаго дара Небесъ! Прими Господи хоть лепту обѣтовъ моихъ и пособи ихъ выполнить свято: они чисты какъ небо и свѣтлы какъ свѣтъ. Аминь».—«25 октября. Другъ души моей, говорила мнѣ ввечеру Нат. Мих.,—ты такъ нѣжно заботился о мнѣ. Чѣмъ я заслужу тебѣ за твою любовь и вниманіе? Ахъ, еслибы Господь меня поднялъ: я не осталась бы въ долгу у тебя!» Въ отвѣтъ ей были слезы съ обѣтомъ священнымъ, родившимся въ сердцѣ, служить ей ангеломъ, даннымъ отъ Бога».—«Декабрь. Послѣднія недѣли поста провелъ я въ строгомъ покаяніи, чтобы встрѣтить достойно Христа; скорби и слезы о другѣ души возмущали покой мой; горестъ предчувствія отравляла минуты радости: неужели я лишусь милаго друга, который покоилъ меня пять лѣтъ?»—«Декабря 24. Ввечеру мы исповѣдались. Нат. Мих. дней съ 8 сдѣлалось хуже. Богъ знаетъ, чѣмъ кончится этотъ привалъ болѣзни. Она говоритъ, что «кашель ея есть смерти предтеча». Ужасное слово!»—«Дек. 25. Послѣ утрени я приобщилъ ее и оба успокоились».—«1842 г. Янв. 1. Новый годъ срѣтилъ слезою радости: что-то принесъ мнѣ этотъ посланникъ небесъ, этотъ вѣстникъ судебъ непреложныхъ? Нейду викауда, и сижу не сводя глазъ съ своего друга больного: сердце скорбитъ и груститъ; читаю, разсуждаю съ ней о суетности всего земнаго и о вѣчномъ отечествѣ, въ отсутствіи всѣхъ домашнихъ. Утѣшая и ободряя се, я самъ над-

рывался сердцемъ и, отвернувшись, часто лилъ скорбныя слезы. Обаче радуюсь, что не страшить ее могла со смертью. Болѣзнь ея усилилась кашлемъ». — «3 янв. Въ 7-мъ часу утра погасъ свѣтильникъ моей радости: мой другъ— ангель кротости улетѣлъ въ небеса, не вымолвивъ слова; она уснула, забылась и мирно отошла ко Господу. Горесть неописанна и слезы неизсякаемы. Спали оковы златяя и канули въ бездну: куда я теперь одинокій?» — «6 янв. Въ сей день я схоронилъ съ своимъ другомъ привязанность ко всему земному: ахъ, еслибы съ сей хоть поры Богъ привелъ жить мнѣ только для неба! Разсчитать съ міромъ конченъ и узы плотскія распались: что остается пловцу, когда поднято вѣтрило, когда якорь не держитъ? Со дня смерти служу и молюсь по своему другѣ; сердцу легче, когда оно изливаетъ скорбь предъ Господомъ. Богъ помогъ, литургисалъ самъ». — «Февр. 11-е. Сороковой день моему милому другу. Служилъ на кладбищѣ. Могила друга сдѣлалась теперь алтаремъ для молитвы моей и стезей, проводящею къ небу. 33 дня Господь сподобилъ меня послужить литургіи, безъ олушенія дѣлъ консисторскихъ съ училищными; постоянно почти посѣщалъ и родную могилку, молясь тамъ съ участіемъ сердца. По милости Премилосердаго Господа, и 40-градусные морозы были мнѣ ни почемъ. Квартыры воспитанниковъ тоже всѣ были посѣщены. Слава Тебѣ Господи, слава Тебѣ!».

3 января овдовѣвшій о. Георгій пишетъ къ своему другу Семеону Ефрем. і): «Угасъ свѣтъ очей моихъ, отцвѣли мои радости и надежды земныя улетѣли. Я живъ только по виду: душа и сердце мое отжили почти ко всему земному; одна только нить, нить крѣпкая еще влжетъ меня къ землѣ: это мой сынъ Костя. Убитый сердцемъ, я смотрю на небо теперь какъ на страну родную, какъ на колыбель моего дѣтства. Какъ тамъ все мирно, спокойно, какая тамъ чистота, святость! А здѣсь? Бѣдныя труженики!

і) Скончался въ маѣ 1877 г.

Здѣсь все суета, призраки, исчезающія тѣни! Жена на столѣ; я подъ крыломъ черной уединенно-безмолвной ночи уподобляюсь «неясныи пустынной, врану на нырищи» (Пс. 101, 7—8). Сажу на томъ стулѣ, на которомъ ея страдалицу обмывали, ложусь на одрѣ ея смерти. Молюсь, другъ сердечный, молись, чтобы скорбь меня не убила. Прости, другъ. Если умру, надѣюсь, что помянешь. Поминай другихъ, мы себя поминаемъ, подобно тому, какъ помазующій другихъ духами, самъ прежде пропитывается ихъ благовоніемъ. Я увѣренъ, что ты объ насъ помолишься. Наташу хороню 6 января».

Такимъ образомъ скоро пролетѣли красные дни семейной жизни благословеннаго іерея Георгія: 5 лѣтъ, какъ мимолетное облако исчезло. Такъ невидимая рука Провидѣнія, отсѣкая тѣ узы, кои привязывали его къ міру, облегчала ему переходъ на путь жизни безбрачной.

Наконецъ созрѣлъ іерей Георгій для другаго, высшаго подвига, и душа его позвана къ понесенію другихъ, тягчайшихъ трудовъ. По кончинѣ жены снова возгорѣлось желаніе въ пламенной душѣ его идти вслѣдъ крестоносца Иисуса тѣснымъ путемъ монашескимъ. Всѣ родные и знакомые принимали живое участіе въ его горести. Преосвящ. Нилъ ^{к)} предлагалъ ему принять монашество, съ цѣлію произвести его архимандритомъ въ Якутскій второклассный мужской монастырь и опредѣлить смотрителемъ училищъ. Благоговѣйный служитель св. Церкви молилъ премилосердаго Господа сказать ему путь, въ онъже пойдетъ. И услышалъ Господь вѣрнаго раба своего въ день печали его. Къ Георгію пришелъ пустыннолюбивый старецъ іеромонахъ Варлаамъ, жившій на Чикоѣ (на Китайской границѣ), который въ то время устраивалъ тамъ обитель и славился своими духовными подвигами. О. Георгій принялъ старца пустыннаго какъ бы ангела утѣшителя и открывъ ему свою душу, просилъ его совѣтовъ для предлежащей жизни. Старецъ, пройдя опытомъ всю тѣсноту монашеской жизни,

---

к) Управлявшій въ послѣдствіи Ярославскою епархіей.

много ему говорилъ объ искушеніяхъ, могущихъ постигнуть въ пустынь души его, пріобыкшую къ ученымъ занятіямъ, и совѣтовалъ не уклоняться съ ученаго пути. Совѣты старца приняты были къ сердцу о. Георгіемъ, но все еще далекъ онъ былъ отъ мысли ѣхать въ академію. Въ это же время прибылъ въ Иркутскъ преосв. Иннокентій камчатскій и алеутскій; онъ принялъ живое участіе въ несчастіи постигшемъ Георгія и утѣшалъ его какъ отецъ и совѣтовалъ ему вступить въ академію и по окончаніи курса въ академіи принять монашество. Бывшій ректоръ о. Иларій еще сильнѣе и прежде склонялъ его при всякомъ удобномъ случаѣ къ поступленію въ академію. Наконецъ рѣшился о. Георгій объясниться съ владыкой Ниломъ и открыть ему свое намѣреніе относительно академіи. О. Иларій былъ въ восторгѣ и старался всемѣрно, чтобы о. Георгій не скрылъ въ землѣ талантовъ, данныхъ Господомъ, и умолялъ его изложить предъ преосвященнымъ чувства свои на бумагѣ. И вотъ что писалъ о. Георгій преосв. Нилу: «Высокопреосвященнѣйшій владыко! Вы видите предъ собой у святительскихъ ногъ вашихъ человѣка въ цвѣтѣ лѣтъ, въ порѣ молодости, когда другіе еще не знаютъ горя и незнакомы съ печалью, человѣка, котораго Провидѣніе, лишивъ сына и жены въ продолженіе полугода, лишило радостей и утѣшеній жизни. Итакъ явите ему свойственную вамъ милость и состраданіе отеческое, не поставляя въ вину сыновняго дерзновенія; во дни горести и скорби, къ кому приличнѣе прибѣгать дѣтямъ, какъ не къ отцамъ? Почитая себя достойнымъ такого наказанія Божія и благоговѣя предъ тайными путями Провидѣнія, но и не находя довольно силъ и твердости характера быть равнодушнымъ къ сему новому положенію, не могу отъ васъ скрыть, что этотъ крестъ несу съ горькими слезами и съ разбитымъ сердцемъ. Между тѣмъ высокія обязанности сана и занимаемая мною должности требуютъ полнаго присутствія духа. Почитая всегда лучшимъ и благороднѣйшимъ незанимать должностей, превышающихъ силы, нежели зани-

мая оныя проходить небрежно, съ упущеніями, я осмѣлился, по зрѣлой обдуманности и испытаніи себя, просить ваше высокопреосвященство о дозволеніи мнѣ подать прошеніе объ увольненіи себя отъ проходимыхъ мною должностей: по консисторіи, училищу и попечительству, равно какъ и по приходу. Но прося васъ объ этомъ, какъ о великой милости, я не думаю себя обречь на бездѣйствіе, которое также можетъ убить душу, какъ и горе. Нѣтъ! мнѣ хочется только удалиться отъ тѣхъ мѣстъ, кои напоминаютъ мнѣ траты и лишенія незамѣняемыя для сердца; мнѣ желается только перемѣнить направленіе моей дѣятельности, словомъ—мнѣ хочется вдали отъ родины, наводящей тоску и скорбь, подъ мирнымъ кровомъ академіи, образовавшей васъ—славу и красу нашу—посвятить себя наукамъ и, если угодно будетъ Провидѣнію, подвигамъ иночества, къ которымъ я давно чувствовалъ призваніе. Всемиловитѣйшій отецъ и архиепископъ! Вы неоднократно подобно ангелу-хранителю поддерживали меня вашимъ вниманіемъ на стропотныхъ путяхъ моей жизни; не откажите же въ ономъ и на этотъ разъ мнѣ, доведенному до крайности почти своимъ положеніемъ. Ваше отеческое участіе и благословеніе можетъ заживить сердечныя раны и возратить обществу человѣка, разьединеннаго съ нимъ печалью; а образованіе и даль, укрѣпивъ духъ и утвердивъ сердце, дадутъ возможность опять быть полезнымъ отечеству тому, кто неминуемо за отказомъ въ вашемъ отеческомъ участіи долженъ будетъ отказаться отъ сихъ надеждъ утѣшительныхъ.—Прочитавъ это письмо, преосвященный видимо былъ тронутъ и сверхъ всякаго ожиданія послѣ двухъ-трехъ возраженій изъявилъ охотно свое согласіе отпустить о. Георгія въ академію, и онъ не косня подалъ тайно отъ всѣхъ прошеніе въ Духовно-учебное управленіе при свят. Синодѣ о принятіи его въ С.-Петербургскую академію. Въ то же время по совѣту архимандрита Иларія написалъ письмо къ Александру Ивановичу Карасевскому, прося его содѣйствовать намѣренію его поступить въ академію. Оставалось

продать домъ, чтобы имѣть возможность доѣхать до Петербурга; но какъ было рѣшиться на это, не получивъ позволенія поступить въ академію? Положеніе о. Георгія было затруднительное, по причинѣ скудости средствъ. Но «благъ Господь всяческимъ и щедроты Его на всѣхъ дѣлѣхъ Его» (Ис. 144, 9). Преосв. Иннокентій¹⁾ камчатскій и алеутскій, имѣя дозволеніе святѣйш. Синода помѣстить дѣтей своихъ въ Петербургскую дух. семинарію, просилъ убѣдительно о. Георгія, въ случаѣ поѣздки его въ Петербургъ, отвезти ихъ туда, при чемъ всѣ путевые расходы принималъ на свой счетъ. Съ сыновнею любовью принялъ о. Георгій предложеніе святителя Божія, видя въ этомъ дѣйствіе Промысла Божія, пскущагося о немъ и невидимо благоустроющаго путь его въ академію. Этотъ путь былъ по душѣ ему; онъ желалъ скорѣе удалиться изъ дома, гдѣ каждая вещь напоминала ему о невозвратимой потерѣ и растравляла раны его сердца. Съ раннихъ поръ онъ находилъ утѣшеніе въ наукахъ. Но вскорѣ встрѣтилось было неожиданное преткновеніе, которое однакоже съ помощью Божіею было устранено.

Онъ былъ знакомъ съ учителемъ гимназій Журавлевымъ, который мѣсяцевъ за 8 предъ этимъ давалъ ему читать письма Лунина (декабриста), подававшего правительству поводъ своимъ вольнодумствомъ преслѣдовать его; письма эти представлены были однимъ изъ знакомцевъ Журавлева г. генераль-губерн. Вост. Сибири, коему при допросѣ открылъ Журавлевъ, что давалъ ихъ о. Георгію; по сему случаю отъ преосв. Нила требовали послужной о. Георгія списокъ. Преосвященный, желая пострадать о. Георгія и тѣмъ прервать всякое сношеніе его съ Журавлевымъ, позвалъ о. Георгія къ себѣ и сказалъ ему, что за эти сношенія ждетъ его каторга въ Нерчинскѣ. Нелегко было выслушать приговоръ этотъ о. Георгію, какъ это видно изъ дневника его.

---

1) Въ послѣдствіи митрополитъ Моск.

«24 апрѣля 1841 года. Послѣ горя и скорби едва выносимой объ опасности положенія, въ какое завлеченъ я былъ обстоятельствами, почти отъ меня независѣвшими, и горячей молитвы въ своемъ садикѣ, начинающемъ отзывать-ся жизнью растений на зовъ тепла, я успокоился и предалъ себя всецѣло въ волю Св. Провидѣнія. Пусть судьба мчитъ мой челнъ по бурному морю суетъ житейскихъ: у меня кормчимъ—Провидѣніе! Пусть, если безъ каторги я не могу быть собственностью моего Спасителя и безъ цѣпей преступника политическаго свободнымъ сыномъ неба. Что я сдѣлалъ? Какимъ преступленіемъ заклеилъ себя, чтобы подвергнуться позору? Прочелъ письма Лунина? Но развѣ усвоилъ я и привилъ себѣ софизмы его? Кто слышалъ изъ устъ моихъ, кто читалъ въ моемъ сердцѣ что-нибудь непріязненное въ отношеніи настоящаго порядка вещей? Любовь къ монарху никогда въ моемъ сердцѣ не отдѣлялась отъ любви къ отечеству. Послѣ сей вѣсточки пошелъ я къ преосв. Иннокентію, предлагавшему мнѣ отправиться съ дѣтьми его въ Питеръ, пошелъ и сказалъ, что мнѣ ѣхать нельзя. Итакъ я остановился уже было на мысли, что пропустивъ самый лучший случай къ выѣзду, я навсегда долженъ остаться въ Сибири, а потому и не былъ изумленъ, когда о. Димитрій, священникъ и товарищъ мой по приходу, зашедши ко мнѣ сегодня сказалъ, что онъ ѣдетъ въ Питеръ по предложенію преосв. Иннокентія съ дѣтьми. Благословивъ намѣренія его, я пошелъ изъ садика въ баню съ предчувствіемъ, что сей поѣздкѣ не состояться и что дѣтей долженъ доставить я. Омывая тѣло, обливалъ я душу слезами сокрушенія смиреннаго предъ Господомъ, и взывалъ какъ дитя къ нѣжной матери: «не оставь, не забудь меня Господи»,—и не прошло часа, какъ преосв. Иннокентій позвалъ меня и, отказавъ отъ поѣздки о. Димитрію, предложилъ мнѣ вновь отправиться съ дѣтьми его, и я далъ слово».—«28 апрѣля подалъ прошеніе объ увольненіи для поклоненія свят. мощамъ преп. Сергія Радонежскаго».—«4-го мая 1841 года. Проводивши преосв.

Иннокентія въ путь, я пожелалъ ему просвѣтить тамошній край. 2-го мая онъ былъ у меня и бесѣдовалъ со мной часовъ до полуторыхъ».

Наконецъ испросивъ благословенія Божія и добраго родителя своего, о. Георгій началъ собираться въ путь съ раздирающимся отъ скорби сердцемъ. 24 мая 1841 года онъ писалъ къ другу своему: «За неимѣніемъ бумаги пишу къ тебѣ на лоскуткахъ: это изображеніе моего сердца, рвущагося теперь при разлукѣ со всѣмъ роднымъ на лоскутки. Я выѣду отсель около 15-го слѣдующаго мѣсяца. Жди отъ меня письма изъ Москвы и отвѣчай въ Питеръ. Теперь ѣду подъ предлогомъ поклоненія св. мощамъ, а тамъ, по развязкѣ дѣла, куда угожу. Тѣломъ здоровъ пока, хотя не попрежнему, но о душѣ—не спрашивай: такъ она исказилась! и сердце-горюнъ безъ мужества. Впрочемъ молю Предвѣчнаго, да изведетъ яко свѣтъ правду мою и да убѣлитъ меня слезами умиленія, которое еще меня не оставляетъ. Сынъ мой живетъ, поправляется и лепечетъ постоянно: «тятя». У него нѣтъ матери. Царство ей небесное. Домъ еще не проданъ; отъ должностей по семинаріи, консисторіи и попечительства отказываюсь и жду смѣны. Послѣ службы во храмѣ служу въ училищѣ, читаю болѣе Воскресное Чтеніе и фантазирую, уносясь туда, гдѣ нѣтъ горя и бурь. Кладбище и могила жены—друга моей юности суть святилища, гдѣ я возношу со слезами свое сердце ко Господу, тоскую и утѣшаюсь, сѣтую и запасаюсь терпѣніемъ. 22-го числа былъ на могилѣ твоего брата; съ нея вѣтъ миромъ и привѣтомъ роднымъ. Ахъ, другъ мой, надо быть въ моемъ положеніи и съ моими чувствами, чтобы наслаждаться чудными бесѣдами съ покойниками, братьями, которые очами любви на насъ смотрятъ и съ ангельскою радостью поощряютъ ко всему доброму и святому. Обними меня въ послѣдній разъ. Ты меня уже не увидишь на землѣ. Прости, прости и благослови!»

Дѣлаемъ краткую выписку изъ путеваго журнала о. Ге-

оргія. «Въ день отъѣзда, пишетъ о. Георгій, отслуживъ раннюю и сказавъ собравшимся прихожанамъ экспромтомъ изъ текста: «Блюдите, како опасно ходите», прощальную рѣчь, по движенію сердца, я служилъ молебень на путь. Добрые прихожане со слезами молились со мной и о мнѣ. Всю литургію и молебень я промолился со слезами Господу-Отцу, поручая себя водительству Его свѣтоносному. Діаконъ также рыдалъ, а съ нимъ вся церковь. Послѣ литургіи я простался съ коротко знакомыми и былъ на могилѣ Наташи, и такъ тамъ молился: «Боже жизни, Боже духовъ! я вѣрю, что у Тебя всѣ живы, слѣдовательно жива и жена, другъ души моей. Дай же мнѣ проникнуться сильнѣе этою вѣрой святой, этимъ утѣшеніемъ живымъ. Иначе я изнемогу до безсилія, ослабѣю до отчаянія. Вотъ камень гробовой! Подъ нимъ прахъ любезный, памятный, какъ прекрасная форма прекрасной души, какъ напоминаніе о быломъ, прошломъ, невозвратимомъ. Сердце мое ноетъ, разрывается, съ нимъ поникаетъ и духъ мой бодрый. Колѣна невольно подгибаются, и я подъ куполомъ неба, при горящей лампадѣ солнца, молюсь Тебѣ, Отецъ мой! Благослови меня и укрѣпи, простивъ всѣ мои согрѣшенія, всѣ уклоненія въ область мрака. Какъ я живо здѣсь сознаю мои грѣхи и какъ горько ихъ оплакиваю, то этой ли мольбѣ не быть услышанной? Нѣтъ, Ты слышишь шелестъ червя ползущаго; а разумная тварь должна быть ближе къ Твоему сердцу. Такъ, Ты и меня слышишь. Я вѣрю этому и прошу Тебя водворить съ праведными душу той, чей прахъ здѣсь почиваетъ». Послѣ троекратной слезной молитвы я простился и можетъ быть навсегда съ своимъ другомъ незабвеннымъ, цѣлуя дернъ намогильный и памятникъ гробовой. Оторвавшись тѣломъ съ прикованнымъ къ сей святынѣ сердцемъ, я спустился подъ гору и пріѣхалъ домой. Здѣсь сражали уже Костю къ будущей его воспитательницѣ теткѣ Анисѣѣ Михайловнѣ Шестуновой. Нельзя выразить и описать той горести, какою проникнуто было мое сердце, при мысли, что и эту

крошку я долженъ оставить, оторвать отъ сердца. Павши предъ Спасителемъ, я плакалъ, молился и съ молитвой благословилъ плодъ любви нашей именемъ Благословляющаго всяческая. Потомъ, прижавъ его къ моему сердцу, поѣхалъ. Ну, былъ и путь! Съ такими чувствами, какими проникнуто было сердце мое въ эту пору, ходять только на казнь: они тошнѣе для меня были всякой пытки. А онъ? Онъ мой милый, пенаглядный, спалъ сномъ ангельскимъ у груди моей. Плачу! Спи дитя мое милое, спи родимое! Ты пробудишься и ужъ не встрѣтишь взора отчаго, ласкъ родителя. Тебя обнимуть, на тебя посмотрять чужіе. Боже, укрѣпи меня! Сдавъ его на руки Авнѣ Михайловнѣ, я ожидалъ съ муками сердца его пробужденія. Я ходилъ прощаться со стариками тестемъ и тещей. Сцена была опять трагическая. Батюшка зарыдалъ, мать также: можно ли было удержаться и мнѣ? Послѣ плача и молитвы я обнялъ ихъ всѣхъ, благословилъ и далъ послѣднее цѣлованіе мира. Еще заходилъ къ сыну, еще молился у его изголовья и призывалъ на него благословеніе Божіе; но онъ все спалъ еще; еще осѣнилъ его крестнымъ знаменіемъ и наконецъ ввѣривъ его Промыслу, какъ самый священный залогъ души моей, съ невыразимою тоской уѣхалъ. По приѣздѣ домой опять прощался съ посѣтителями, и благословивъ всѣхъ собравшихся ко мнѣ, я отправился въ 5 часовъ чрезъ Ангару. Провожали меня только самые короткіе и близкіе сердцу, изъ коихъ свояченица Марья Михайловна, еще неоправившаяся отъ болѣзни, при послѣднемъ—прости, зарыдала ужасно и грянулась на полъ. Передавъ ее на руки Акилинѣ Андреевнѣ и діаконицѣ, я помчался въ обитель, гдѣ почиваютъ мощи святителя Иппокентія. Тамъ прикладывался къ чудотворнымъ мощамъ святителя. Никогда еще я не припадалъ съ такою довѣренностью къ нему—святителю и не просилъ столь пламенно его ходатайства предъ Владыкой неба и земли. Простившись тамъ со всею братіей, мы отправились въ Бѣльскъ. Наплакавшись на могилахъ родныхъ своихъ и

распростившись съ горькими слезами со всѣми родными, при общемъ благословеніи продолжалъ путь свой».

Въ продолженіе всего пути много было встрѣчъ, пріятныхъ, много скорби перечувствовало сердце о. Георгія. Въ округѣ Ачинска уѣзднаго города Красноярской губерніи, онъ парочно заѣзжалъ въ сельцо Зерцалы, чтобы проститься съ рабомъ Божиимъ Данииломъ, съ которымъ онъ познакомился еще въ Иркутскѣ, когда жилъ въ домѣ владыки Мелетія. Доѣхавши до сельца Зерцалы, встрѣченъ онъ былъ у одного домика радушнымъ крестьяниномъ, который на вопросъ о жилищѣ Даниила привелъ о. Георгія въ огородикъ свой и указавъ на землянку, между прочимъ сказалъ: «подойди къ ея окопечку, постучись съ молитвой». «Подошелъ я, стучусь, писалъ въ дневникѣ своемъ о. Георгій; нельзя было не изумиться при взглядѣ съ одной стороны на тѣсноту этой келліи (въ 2 аршина длины и 1½ ширины), съ другой—на маленькую скваженку, въ которую не болѣе казалось ладони вставлено было стеклышко. Вскорѣ на гласъ моей молитвы вышелъ изъ этой могилы исполинъ-исполиномъ по величію и кротости души, не взирая на ростъ свой очень малый. Видъ его, какъ образъ ангела Божія, былъ милъ, обворожителенъ, съ играющей улыбкой на устахъ, а взоръ его, казалось, насквозь пронзалъ мое сердце. Таковъ былъ Даниилъ »). Послѣ обычнаго привѣта мы сблизились сердцами, и заговорилъ онъ языкомъ чуднымъ, небеснымъ; изъ устъ его полилась рѣчь рѣкой, живящею душу и сердце язвленное тоской, раздраемое горемъ. Много говорилъ поучительнаго рабъ Божій (часовъ до двухъ длилась эта бесѣда); наконецъ со слезами на глазахъ мы разстались».

Въ Нижнемъ Новгородѣ заинтересовала о. Георгія ярмарка всесвѣтная. Въ Москву пріѣхалъ 10-го августа въ 9 часовъ утра 1841 года. «Подѣзжая къ ней, пишетъ въ

м) Воспоминаніе о немъ отпечатано въ 15 № Самарск. Епарх. Вѣд. за 1873 г.

дневникъ своемъ о. Георгій, съ чувствомъ благоговѣнія и радости, тихо я вѣхалъ въ ея улицы, и какъ все заговорило съ моимъ сердцемъ! Сколько пріятныхъ воспоминаній воскресло въ душѣ! Я готовъ былъ повергнуться на колѣни и благодарить Промыслителя чуднаго за сохраненіе сего святаго кивота Россіи. На другой день осматривали кремль, видѣли всю почти Москву, прикладывались ко всей святынѣ въ ея соборахъ. Не надобно говорить, съ какимъ я чувствомъ молился; можно ли не молиться искренно въ Москвѣ? Былъ у высокопреосвященнаго Филарета и принять имъ какъ сынъ; отъ него былъ у Шереметевыхъ, ѣздилъ въ Донской монастырь. Посѣтивъ еще нѣкоторыхъ знакомыхъ преосв. Иннокентія камчатскаго и алеутскаго, отправились въ Троицко-Сергіеву лавру. Пребываніе мое въ лаврѣ есть одинъ изъ самыхъ лучшихъ эпизодовъ моей жизни. О. намѣстникъ архимандритъ Антоній покоилъ меня, и я никогда не забуду вниманія его. Подобно горлицѣ Ноевой во время потопа, долго я не находилъ себѣ покоя; но здѣсь обрѣлъ его подъ сѣнью Святыхъ, Живоначальныхъ Троицы. Черезъ полчаса по пріѣздѣ я былъ въ храмѣ Св. Троицы, плакалъ при гробѣ препод. Сергія, моля его о ходатайствѣ предъ престоломъ Царя небеснаго за меня и за родъ мой и друзей моихъ. Послѣ молитвъ предъ его останками священнѣйшими, я прикладывался къ мощамъ, что въ келліи препод. Сергія. Въ вечерню отправились въ Визанію—созданіе митроп. Платона. При входѣ въ храмъ видимъ два отдѣла съ престолами. Нижній устроенъ какъ-бы въ гротѣ, а другой наверху грота или горы, во имя Преображенія Господня. Взобравшись по тропинкѣ извилистой, при видѣ веселыхъ окрестностей и оглашаясь притомъ стройнымъ пѣніемъ клиросныхъ, невольно приходишь въ сочувствіе съ апостоломъ Петромъ, невольно говоришь: «Господи! Добро есть мнѣ здѣ быти» (Мѡ. 17, 4). Въ нижнемъ ярусѣ за аркой—могила Платона—красы русской іерархіи. Помолившись о упокоеніи души его, я съ грустью вышелъ изъ этого святилища. Вправо отъ храма стоитъ

деревянный домъ Платона. Какъ будто доселѣ въ немъ живетъ онъ самъ! При входѣ на крыльцо съ боку видимъ надпись: «не выноси сору!» Прекрасный урокъ для входящихъ. Потомъ отправились въ семинарію виѳанскую, гдѣ ректоромъ Агапитъ, человѣкъ призаботливый и жизни духовной. Въ академіи познакомился съ о. ректоромъ академіи Филаретомъ (впослѣдствіи архіепископомъ черниговскимъ), съ инспекторомъ академіи Евсеіемъ (впослѣдствіи архіепископомъ могилевскимъ), съ бакалаврами оо. Агаѳангеломъ (впослѣдствіи архіепископомъ волынскимъ) и прекраснымъ Евгеніемъ (впослѣдствіи епископомъ Симбирскимъ). Эти лица дѣлають честь званію монашескому своєю жизнью и трудами. Исповѣдывался я съ умиленіемъ и сподобился принять въ свою душу Христа Жизнодавца. Миръ и отрада были моими спутниками. Раны сердца закрылись, печаль миновала, горе прошло и я, подобно мореплавателю прибитому волнами къ берегу, отдохнулъ, оживился и готовился къ бою съ страстями бодро, безъ печали и унынія отъ ихъ ударовъ. Былъ и въ ризницѣ лаврской: она удивила меня; такъ много въ ней великолѣпія и драгоценностей. Приношенія царей достойны величія царственнаго. Съ о. намѣстникомъ разстался я со слезами и уѣхалъ, напутствуемый иконой преп. Сергія. Возвратившись въ Москву, представлялся опять высокопр. Филарету. Онъ обошелся ласково и совѣтовалъ поскорѣе отправиться въ Петербургъ. «Есть ли у тебя какой-либо, спросилъ онъ, протекторъ въ Петербургѣ?» — «Нѣтъ, отвѣчалъ я, обратившись къ иконѣ Спасителя, присовокупилъ: вотъ Онъ одинъ и единственный мой Покровитель!» Взглянувъ на меня, владыка сказалъ: «Вотъ въ октябрѣ я буду въ Питерѣ: явись тамъ ко мнѣ». Хорошо, я подумалъ и вышелъ съ дѣтьми. Простившись съ Москвой, выбылъ въ Петербургъ 20-го августа; ѣхали въ дилижансѣ, сокращая время молитвой и чтеніемъ псалтиря. Путь отъ Москвы до Питера очень разнообразенъ. 23 августа 1841 года подъѣзжая къ Петербургу, я поручалъ себя молитвенно Го-

споду и въ легкой дремотѣ мнѣ казалось, что Спаситель благословилъ меня при въѣздѣ. Поэтому въ душѣ моей водворился миръ, зародились надежды, воскресла радость. Оберъ-Прокуроръ графъ Протасовъ принялъ меня отлично-вѣжливо. О. инспекторъ академіи архимандритъ Филофей мнѣ понравился. Явившись 24-го числа въ канцелярію графа, я сидѣлъ въ пріемной съ дѣтьми. Здѣсь увидѣлъ меня экзекуторъ и, узнавъ о намѣреніи моемъ поступить въ академію, очень изумился, указывалъ на меня чиновникамъ канцелярскимъ, какъ на чудака и искателя приключеній, не скрывая насмѣшки. «Азъ же, внигда они стужаху ми, облачахся во вретиче (самоуничженія) и смиряхъ, при воспоминаніи злыхъ дѣлъ моихъ, душу мою» (Псал. 34, 13), моля при семъ Господа: «да не возрадуются о мнѣ враждующіи ми неправедно, помизающіи очима». И что-то мнѣ говорило: «Насладися Господеви и уповай на Него; и Той сотворить и изведеть яко свѣтъ правду твою и судьбу твою яко полудне» (Псал. 36, 4—6).

27 августа. «Въ 8 часовъ ангелы, парящіе надъ академіей^{в)}, благословили мое перемѣщеніе. Благослови Царь Небесный раба своего для новаго поприща. Твое благословеніе — залогъ счастья, порука радостей и предтеча успѣховъ моихъ!»

Въ письмѣ къ другу 1841 года августа 31-го изъ Петербурга о. Георгій пишетъ: «Другъ мой сердечный, о. Симеонъ Ефремовичъ! Благослови со мной Господа. На крилахъ Провидѣнія всеобъемлющаго доѣхалъ я до Питера 23 августа, и вотъ по Его святой волѣ съ 27-го я уже студентъ академіи. Какой удивительный переходъ! Какая измѣна надо мной десницы Вышняго! Пожелай, любезный другъ, отъ души пожелай мнѣ успѣховъ на новомъ поприщѣ и преслѣянія въ жизни по духу. Вояжъ мой похожъ

в) Поверхъ главнаго фронта академ. корпуса есть лѣпное изображеніе ангеловъ, держащихъ въ рукахъ крестъ.

былъ на прогулку и дорога мнѣ нимало не наскучила. Запасшись для пути цѣлымъ коробомъ терпѣнія, я почти безъ починки привезъ его въ Питеръ: такъ милостивъ ко мнѣ Господь! Что только есть замѣчательнаго и достойнаго вниманія на шеститысячномъ почти разстояніи, все это по возможности мной осмотрѣно, изучено, усвоено. И степь Барабинская безлѣсная съ своими пересыхающими отъ засухъ озерами, и Ураль, развѣтвившійся верстъ на 500-тъ почти, и города придорожные, словомъ—все это отиснуто на скрижаляхъ души моей и долго для меня будетъ памятно. Но изъ всего мной видѣннаго особенно заинтересовали меня: Москва бѣлокаменная, Троицкая лавра и ярмарка Макарьевская. Москва отозвалась чѣмъ-то роднымъ для моего сердца. Прикладываясь къ мощамъ святителей (особенно Алексѣя) и къ иконамъ чудотворнымъ, я проникался какимъ-то животворнымъ, онебешающимъ чувствомъ. Исполнивъ Москвы—Иванъ Великій Царь-пушка съ огромнымъ единорогомъ и колоколь Анны Иоанновны—выходецъ изъ земли, меня не изумили: я съ ними еще въ дѣтствѣ ознакомился чрезъ описаніе. Не удивилъ меня и дворецъ огромно-массивный, строящійся въ Кремлѣ; а если что заняло, порадовало меня, это набожность москвитянъ, съ какою подобно волнамъ океана неслись они къ мощамъ своихъ угодниковъ и къ лобзанію креста Евфросиніи княжны полоцкой (съ частями животворящаго дерева), присланнаго ею изъ Иерусалима; этотъ крестъ завезенъ въ Москву въ настоящее время архіепископомъ полоцкимъ Васиіемъ, обратившимся въ православіе изъ уни. Господь привелъ и меня приложиться къ этой святынѣ съ мольбой о всѣхъ милыхъ для моего сердца, слѣдовательно и за тебя. Въ лаврѣ жилъ я 7 дней; она очаровала меня. И умпо-религіозные преподаватели съ о. ректоромъ академіи, и рачительно-благочестивый намѣстникъ, и святыня, словомъ—все склоняло, располагало меня остаться здѣсь; но я долженъ былъ ѣхать въ Петербургъ съ дѣтьми владыки, слѣдуя манію Божію. Не говоря о со-

борахъ, особенно Троицею съ позолоченною крышею, стоящей до 700,000 рублей, не говоря о богатствахъ лавры (одного серебра въ ней до 400 пудовъ), особенно обратили на себя вниманіе мое двѣ вещи, это 1-е сосудъ деревянный, красною краскою покрашенный, въ который, какъ гласитъ преданіе, сходилъ при освященіи Даровъ преп. Сергіемъ Духъ Святый, въ видѣ огня; 2-е панатія Платона, въ камнѣ которой рукой самой природы изваянъ образъ Распятія Спасителя съ долупреклоншимся грѣшникомъ. Это чудеса лавры! Колокольня лаврская — просто красавица. Стѣны лавры, около версты въ окружности, толсты съ переходами. На полдень съ этихъ стѣнъ видишь холмы, занятые нѣкогда Сапегой и злодѣемъ Лисовскимъ, съ которыхъ они громили твердыни лавры. Прикладываясь къ мощамъ преп. Сергія, молился я за всѣхъ своихъ, значить и за тебя: вѣдь и ты мой родной. Поговѣвъ и помолвившись здѣсь, я почти совершенно утѣшился отъ всѣхъ печалей. Какъ я теперь спокоенъ и доволенъ, этому надо удивляться. Женильба и жизнь прошлая кажется мнѣ сномъ. Одна только мысль о сынѣ меня смущаетъ, но я увѣренъ, что онъ находится подъ кровомъ Св. Провидѣнія. Митрополитъ Филаретъ принялъ меня отечески, оберъ-прокуроръ съ участіемъ родственнымъ. Въ Нижнемъ Новгородѣ, куда я пріѣхалъ во время ярмарки, разность костюмовъ, фізіономій и нарѣчій, громада товаровъ и тревога, напоминаютъ вавилонское столпотвореніе. Петербургъ я встрѣтилъ равнодушно, даже холодно; его однообразныя громады и диковины для зѣвакъ мало меня заняли, и я самъ не вадивлюсь, отъ чего бы это. Академія наша стоитъ на концѣ города. Пиши ко мнѣ подробнѣе о всемъ, что у тебя на умѣ и сердцѣ. Ученье у насъ начнется на сихъ дняхъ. Слышно, что мнѣ хотятъ выдать прогону. Дай Богъ! Посылаю освященную вату изъ раки свят. Алексѣя и преп. Сергія. Миръ тебѣ и радость! Прости! О своемъ жптѣ - бытѣ въ академіи о. Георгій пишетъ въ дневникѣ:

«Учиться начали съ половины сентября. Время летѣло быстро. Тоску по родинѣ, печаль по сынѣ и женѣ покойницѣ врачевалъ я письмами. Кромѣ сего усыплять горе, угомонять печаль и отваливать камень скорби отъ сердца часто мнѣ помогала молитва слезная, тамъ въ корридорѣ церковномъ, или въ аллеяхъ сада. Выходилъ изъ академія къ Потемкиной, къ Ал. Ив. Карасевскому, къ г-ну директору духовно-учебн. управл., въ домъ трудолюбія къ дочерямъ преосв. Иннокентія, къ митрополитамъ Серафиму и Іонѣ, бывшему екзарху Грузіи, къ Андр. Ник. Муравьеву, къ Пл. Алек. Бажанову — правителю канцеляріи російско-американской кампаніи. Прогуливаясь въ саду почти до 10-го декабря, среди зимы питерской я увидѣлъ сентябрь иркутскій. Я сладко мечталъ о родинѣ, молился за родныхъ и друзей, поручая ихъ и себя Господу. Особенно утѣшался служеніемъ въ академической церкви, сопровождая оное слезами. Частые нападки со стороны одного изъ сожителей, діакона, сначала едва выносимые, научать меня терпѣнію и великодушію. Чтобы обезоружить его, я часто «собиралъ углие огненное на главу его», ухлѣбляя во время нуждъ жизни».

1841 года 27 ноября изъ С.-Петербурга пишетъ о. Георгій къ другу о. Симеону: «Спѣшу тебѣ передать мою радость. Она тѣмъ пріятнѣе, что можетъ и тебя порадовать. Дѣло въ томъ, что я успѣлъ выкрутить тебя изъ омута. Хотя еще пожаръ не утупенъ (понимаешь), и дѣло не рѣшено; но оберъ-секретарь Синода далъ мнѣ честное слово оставить тебя въ покоѣ. Чрезъ это же лице я двинулъ дѣло и о. архимандрита Иларія, плѣсенѣвшее много лѣтъ. Онъ едвали къ новому году не будетъ въ какомъ либо изъ нашихъ монастырей настоятелемъ. Шагомъ взадъ хоть,—да нечего дѣлать! Жизнь моя течетъ спокойно, наполняется значительнымъ балластомъ земной мудрости. Но истинное мое сокровище, мой капиталъ—мудрость небесная, которой учусь въ аудиторіи креста,—замѣть это. Истинное утѣшеніе крестъ только дастъ. Повѣришь ли, бы-

ваютъ такія минуты, что сердце само просится, напрашивается на крестъ. Живи, мой милый, для славы имени Иисуса. Какъ мало мы славимъ Его! Вотъ напримѣръ я, что такое сдѣлалъ я окаянный для Него? Горе мнѣ! все рвусь, но ни съ мѣста; все томлюсь, но отдыхаю пока на возглавіи какого-то будущаго, которое можетъ не сбудется, которое можетъ заклемено будетъ печатью лишь позора. Молись, мой другъ. Какъ много значить сердечная молитва! Она соединяетъ небо съ землей и водружаетъ въ душѣ побѣдное знамя царствія Божія, которое внутри насъ. А крестъ? Любишь ли ты это древо позорное? Полюби, полюби, родной,—это слава наша, это путь къ блаженству. Не вѣрь никому, но повѣрь мнѣ страдальцу, горюну. Съ креста лжи не говорятъ. Нерѣдко я бываю здѣсь на немъ. Помолись Господу, чтобы порѣшительнѣе я распялся міру и яже въ мірѣ».

Въ свободное отъ ученія время лѣтомъ на вакаціи о. Георгій съ однимъ изъ товарищей академическихъ ѣздилъ въ Кронштадтъ, желая видѣть все достойное наблюденія. Кромѣ кораблей, адмиралтейства и другихъ особенностей, ему особенно понравилось въ арсеналѣ расположеніе двухъ залъ верхняго этажа. «Входишь въ залу, пишетъ онъ, и тебѣ представляется иконостасъ съ вратами царскими. Группы, по обѣимъ сторонамъ расположенныя, представляютъ какъбы богомольцевъ. Невольно снимаешь при видѣ тебя окружающаго шляпу и крестишься. Но подходишь, всматриваешься, и очарованіе проходитъ. Все видѣнное тобой есть безпримѣрная картина, живописно набросанная искусною рукой, только не живописца: это слѣпокъ изъ ружей, пистолей и абордажныхъ сѣкиръ, палашей и сабель. Есть въ семъ храмѣ оружейномъ и хоругви своего рода: это знамена и вымпелы, отнятые у Шведовъ и Турокъ. Не говорю уже о моделяхъ кораблей и пушекъ разнаго калибра. Садикъ маленькій, по очень милъ. Трогательнъ памятникъ, воздвигнутый товарищами въ этомъ садикѣ одному утонувшему подпоручику, бросившемуся въ море,

чтобы спасти утопающаго матроса. Соборъ очень похожъ на Александро-Невскій соборъ. Живопись очень пріятна, иконы почти всѣ въ ризахъ. На правомъ клиросѣ вправо стоитъ храмовая икона, во имя свят. Андрея перевозчанаго; на нее повѣшено въ видѣ панагіи изъ слоновой кости на голубой лентѣ изображеніе Андрея Первозванаго, пожертвованное Петромъ Великимъ, благоволившимъ основать этотъ соборъ во имя сего апостола, и крестъ съ мощами архидіак. Стефана, св. великомуч. Варвары и Екатерины.

Въ дневникѣ о. Георгія за 1844 годъ читаемъ: «Вѣрный званію Божію, безмолвно внятному для моего сердца, я свыкался каждый день почти съ мыслію, быть служителемъ слова. Мало-по-малу мнѣ становится уже не въ тягость представленіе тѣхъ жертвъ, какія нужно принести Господу, искупившему меня и призвѣвшему на смиреніе раба своего строптиваго. Мнѣ кажется, что я изъ погибающихъ спасенъ Имъ для спасенія Его меньшей братіи, что изъ горохищныхъ взять на рамо Его и приведенъ къ Отцу, да всяко нѣкія спасу. Какъ сладко думать, что я для Него Создателя моего, при Его благодатной помощи, сдѣлаю то и то! Не нарадуются сердце и духъ не навеселится. Самъ не свой я, когда обнимаютъ меня эти помыслы—спасать моихъ братій, блуждающихъ во тьмѣ и сѣни смертной. О, духъ мой высоко, высоко носится тогда надъ этою бездною самолюбія. Всѣмъ служить, всѣхъ спасать — вотъ что занимаетъ его и увлекаетъ. Боже милосердія, направь мои ноги слабыя на путь миренъ.» И Отецъ небесный, призирая на смиреніе вѣрнаго раба своего Георгія, видимо споспѣшествовалъ ему своею благодатью: несмотря уже на ушедшіе годы для наукъ, онъ былъ однимъ изъ лучшихъ студентовъ въ высшемъ отдѣленіи академіи. Его ободряли лестные отзывы о немъ профессоровъ, особенно расположеніе профессора богословскихъ наукъ, о. архим. Макарія (впослѣдствіи митроп. московск.) и вниманіе преосвященнаго ректора акаде-

ми Аванасія о). Еще за годъ до окончанія академическаго курса дошла до Георгія вѣсть о предположеніи начальства назначить его ректоромъ въ Ситху. Эта вѣсть сначала радовала и печалила его не мало. Радовала въ томъ отношеніи, что она служила отголоскомъ высокаго мнѣнія о немъ начальства; печалила по причинѣ опасности пути и лишеній. Наконецъ, пообдумавъ обо всемъ, о. Георгій предался совершенно въ волю Божію. Вотъ что писалъ онъ въ своемъ дневникѣ по этому случаю: «Послѣ борьбы съ самимъ собой какъ легко мнѣ стало, какъ радостно! И въ самомъ дѣлѣ, служить тамъ, гдѣ мало выгодъ, служить тамъ, гдѣ никто можетъ быть изъ моихъ товарищей служить не захотѣлъ бы, служить въ краю новомъ, отдаленномъ, куда лишь пробивается лучъ просвѣщенія, гдѣ я могу при помощи Божіей на цѣлыя столѣтія засѣменить ниву Божію сѣменами добра,—о, это находка, отказываться отъ которой, значило бы отказываться отъ своего спасенія, отъ имени друга человѣчества, отъ лестнаго долга, лежащаго на сынѣ Церкви и отечества. Итакъ ѣду, безропотно ѣду на край свѣта. Развѣ тамъ не столько же близко къ мнѣ будетъ Господь мой? Развѣ тамъ далѣе отъ меня будетъ вѣчность мздовоздающая, мое спасеніе? Ёду, ёду!»

Наконецъ по зрѣлой обдуманности, послѣ усердно-пламенной молитвы студентъ о. Георгій подалъ прошеніе въ монашество 1845 года 15 января. Съ благоговѣніемъ и страхомъ Божіимъ началъ онъ готовиться къ постриженію въ великій ангельскій образъ, къ которому отъ юности стремилась душа его. Наканунѣ постриженія онъ писалъ въ своемъ дневникѣ 28 февраля: «Жребій брошенъ, объятія Отца небеснаго отверзты, иду къ Отцу. Полно томиться въ узахъ грѣха и свѣдаться сластями житейскими. Бла-

---

о) Скончался въ санѣ архіепископа Астраханскаго въ 1876 г. и погребенъ въ усыпальницѣ тамошняго каѳ. Успен. собора въ сѣверн. сторонѣ. Преосвящ. *Герасимъ*, о коемъ у насъ рѣчь, погребенъ подлѣ него въ іюнѣ 1880 года. Скончался на 71 году. С. К. Д.

гослови, Тріпостасый, слабога! Вотъ власы моеѣ главы жестоковыйной: жертвую ими, приношу Тебѣ въ жертву мою волю и всѣ похоти плоти. Власяницу я надѣлъ со слезами, моля Владычицу и святыхъ Сергія и Антонія быть ходатаями моими предъ Господомъ и свидѣтелями вольной нищеты и тѣсноты претерпѣнія. Скоро облечутъ меня въ параманъ. Это знакъ обрученія съ великимъ ангельскимъ образомъ и всегдашняго воспоминанія благаго ига Христа Спасителя. Затѣмъ возложить крестъ на меня, да выну воспоминаю злостраданія и заушенія Христовы. Ряса и подрясникъ будутъ служить для меня воспоминаніемъ отселѣ о радости во Христѣ. Поясъ станетъ указывать мнѣ на необходимость умерщвлять плоть и исполнять съ готовностью заповѣди Божіи. Мантия будетъ напоминать мнѣ обязанность всегда имѣть на себѣ броню правды, быть самоотверженнымъ и имѣть мысль о смерти и смертную нечувствительность на всякое злое дѣло. Камлавка научитъ меня непостыдному упованію, какъ шлемъ спасенія. Клобукъ будетъ покрываломъ смиренія для меня и послушанія, знаменіемъ духовнаго любомудрія и отвращенія отъ суеты. Сандалія—эмблемой скорости на послушаніе. Четки послужатъ для мена мечемъ духовнымъ и внушеніемъ выну молиться Іисусу пресладкому».

Въ день постриженія о. Георгій писалъ: «Господи, управи стези мои на путь миренъ. Меня постригаль самъ митрополитъ Антоній; онъ наименовалъ меня при постриженіи Герасимомъ и въ назиданіе сказалъ почти слово въ слово слѣдующее наставленіе при выходѣ изъ храма: «Ты далъ предъ лицемъ св. Церкви торжественный обѣтъ чистоты, безкорыстія и послушанія; по этому долженъ сколько есть силъ стараться объ исполненіи этихъ добродѣтелей. Иначе будешь обличенъ не только отъ этой видимой, но и отъ невидимой Церкви первородныхъ, бывшей также свидѣтельницей сего обѣта твоего».

«На 4-й день послѣ ранней, пишетъ о. Герасимъ, принесъ я къ высокопресв. митрополиту, согласно приказа-

нію, просфору. Митрополитъ, благословляя меня, спросилъ: «Нравится ли тебѣ твое имя?» Я отвѣчалъ, что болѣе люблю первое свое имя—Георгія. Митрополитъ сказалъ, что не безъ цѣли онъ далъ мнѣ это имя; до 4-хъ дней по постриженіи, должны были древле находиться въ храмѣ постриженныя, а потомъ вручались для наставленія старцамъ опытнымъ изъ братіи. Не имѣя въ виду таковыхъ, поручаю я тебя ангелу твоему новому, преп. Герасиму, желая при этомъ, чтобы какъ ему повиновался левъ, такъ и тебя трепеталъ бы рыкающій адскій левъ, и чтобы при руководствѣ преп. Герасима, празднуемаго нынѣ святою Церковью, смѣло ты наступалъ на змію и скорпію и на всю силу вражію» (Лук. 10, 19).

Остальное время до окончанія курса въ академіи провелъ о. Герасимъ въ неутомимыхъ трудахъ; сильно озабочивала его отдѣлка курсоваго разсужденія ^{п)}, которое онъ окончилъ и подалъ 8-го іюля. Затѣмъ страданіе отъ нарыва въ правомъ ухѣ съ 15-го іюля по августъ истощило всѣ силы его; но несмотря ни на что душа о. Герасима стремилась, «какъ елень на источники водные» (Пс. 41, 1), къ пустыннымъ старцамъ на Валаамъ. И Отецъ небесный благословилъ путь его. 30-го іюля онъ отправился съ о. Антоніемъ (товарищемъ постриженнымъ въ монахи изъ студентовъ) въ давно желаемый путь, и умиленный, умиротворенный, онъ возвратился оттуда 14 августа. На возвратномъ пути въ С.-Петербургъ на пароходѣ о. Герасимъ сдѣлалъ неожиданное знакомство съ статсъ-секретаремъ Государственнаго совѣта Гавр. Ст. Поповымъ. На пароходѣ ^{р)} при прощаніи этотъ сановникъ просилъ

п) О первомъ іерусалимск. или апостольск. соборѣ.

р) На пароходѣ студенты Спб. университета пристали къ о. Герасиму, съ цѣлію посмѣяться надъ нимъ и поспорить о религіозныхъ предметахъ; но не прошло и часу, какъ ярая молодежь принуждена была смириться и смолкнуть. Особенно дамы приняли сторону о. Герасима и благодарили его за разумную защиту богооткровенныхъ истинъ, а невдалекѣ сидѣвшій г-нъ статсъ-секретарь государ

о. Герасима къ себѣ, и въ назначенный день прислалъ за нимъ карету. О. Герасимъ нашель у него ученое общество. Въ присутствіи всѣхъ Г. Степ. громко прочель отпечатанное разсужденіе о. Герасима «о причинахъ нескорога пришествія въ міръ Христа Спасителя» с). При общемъ одобреніи невольно о. Герасимъ чувствовалъ удовольствіе.

О. Герасимъ выпущенъ былъ вторымъ въ первомъ разрядѣ. Его назначили сначала инспекторомъ къ Новгородскую семинарію; но митрополитъ хотѣлъ было оставить его на тойже должности въ Петербургѣ, или ректоромъ дух. училищъ Петербургскихъ. О. Герасимъ прѣдпочель назначеніе преподавать богословіе въ Твери. Съ 1-го октября по 14-е укладывался, отправлялъ свою бібліотеку, дѣлалъ прощальные визиты. Сильно растрогалось его доброе и нѣжное сердце вниманіемъ начальства академическаго и профессоровъ, съ коими прощался со слезами благодарности на глазахъ. 19-го собрались въ его келью всѣ товарищи и прощались съ любовью; многіе проводили до конторы дилижансовъ, чтобы сказать ему послѣднее—прости. Въ путь онъ отправился съ товарищемъ Сер. Егор. Пушковымъ и прибылъ въ Тверь безъ дальнѣйшихъ включеній 22 октября 1845 году, въ 9 часовъ утра. 23-го октября послѣ лестнаго приѣма отъ высокопреосв. Григорія вступилъ онъ въ должность и неутомимо проходилъ званіе преподавателя. Любя уединеніе, о. Герасимъ не желалъ заводить знакомствъ и познакомился нечаянно съ благоговѣйнымъ іереемъ Іліей Рождественскимъ, который, увидавъ его въ своемъ храмѣ, послѣ обѣдни увлекъ его къ себѣ въ домъ, и тамъ души ихъ слились въ единъ духъ; и съ той поры они служили часто вмѣстѣ, что несказан-

---

совѣта Г. Степ. Поповъ, бросилъ къ нему, обнялъ его и съ восторгомъ проговорилъ: „ну, любезный отецъ! диспутъ этотъ дѣлаетъ вамъ честь, а всѣмъ намъ истинное удовольствіе“.

с) Сочиненіе это перепечатано было въ послѣдствіи въ Астрахан. Епарх. Вѣдом. за 1879 г. № 39.

но утѣшало о. Герасима. Волей-неволей о. Герасимъ познакомился также съ боголюбивымъ и достопочт. семействомъ полковника Дурново, у коего съ удовольствіемъ онъ проводилъ время въ духовныхъ бесѣдахъ. Съ удовольствіемъ воспоминалъ о. Герасимъ о любви къ себѣ учениковъ въ Твери и о вниманіи всѣхъ сослуживцевъ. Напримѣръ какъ только узнали ученики о днѣ его ангела 4-го марта, то сочинили рѣчи, закупили десерту, приготовили пироги съ его вензелемъ, и въ сопровожденіи депутаціи все это представили имяниннику, отомкнувши замокъ висѣвшій снаружи; за ними вошли и наставники, всѣ поздравляли, всѣ желали добра, счастья ему. Въ каникулы о. Герасимъ ѣздилъ въ Троицко-Сергіевскую лавру. Въ Москвѣ тронуло его вниманіе митрополита Филарета. Въ лаврѣ тоже имѣлъ много утѣшеній, особенно въ молитвѣ преп. Сергію. По возвращеніи оттуда не успѣлъ еще осмотрѣться, какъ долженъ былъ о. Герасимъ 31-го августа отправиться въ Ставрополь Кавказскій, куда назначилъ его Синодъ инспекторомъ зъ новую семинарію.

«При отъѣздѣ, пишетъ о. Герасимъ, сожалѣли о мнѣ о. ректоръ, сослуживцы всѣ и ученики, жалѣли и знакомые. Не безъ скорби и мнѣ было; но поручивъ себя Господу, хотя съ тоской въ сердцѣ, но не безъ бодрости уѣхалъ. Преосв. Григорій ^{т)} очень сожалѣлъ о мнѣ. Ректоръ и наставники простились со мной за городомъ. Послѣ безпокойства, сопряженнаго съ вояжемъ, сладко я молился въ Воронежѣ. Изъ Новочеркасска 17 сентября въ 11 часовъ вечера прибылъ въ Ставрополь. На завтра же послѣ ранней обѣдни принять владыкой Іереміей здѣсь съ радостью и жилъ у него, какъ родной, до 10-го октября. Въ этотъ промежутокъ былъ занятъ разными соображеніями и порученіями, кои, при помощи Божіей, выполнялъ всѣ, съ видимымъ удовольствіемъ для владыки. Въ знакъ признательности онъ произвелъ меня въ игумена октября 1-го,

---

т) Скончался спб. митрополитомъ.

невзирая на мольбу мою дать мнѣ время заслужить это званіе. Я открылъ классы и почти одинъ-одинехонекъ ходилъ въ нихъ попеременно: на риторикѣ, исторію и языки. Наставники прибыли двое 27 октября, о. ректоръ ноября 7-го; первыхъ я принялъ, какъ братію; втораго, прождавъ очень долго съ владыкой, недовольнымъ этимъ, встрѣтилъ съ дружескимъ привѣтомъ. 31-го ноября формально мы открыли семинарію, послѣ литургіи въ Троицкомъ соборѣ и молебна въ залѣ Ганиловскаго дома. Все шло сначала хорошо, но въ половинѣ декабря владыка ко мнѣ измѣнился въ расположеніи; впрочемъ я молился, дѣлалъ свое дѣло и не унывалъ нисколько, трудясь изо всѣхъ силъ по классамъ, дѣламъ правленія и въ семинарскомъ обществѣ, по причинѣ совершенной неопытности моихъ юныхъ сослуживцевъ. Вотъ короткій перечень моихъ занятій, встрѣчъ, обстоятельствъ. Подробности знаетъ Сердцевъ-децъ единъ, которому и да будетъ вѣчная слава! 1846 года декабря 31, вечера 12-й часъ въ исходѣ.

О своей жизни въ Ставрополѣ о. Герасимъ въ тоже время писалъ въ Тверь къ инспектору семинаріи своему другу слѣдующее: «Приводя себѣ на память всѣ благодѣянія Божіи, кои Ему Тріипостасному благоугодно было излить на меня недостойнѣйшаго обильно въ преходящемъ 1846-мъ году, не могу не видѣть одного изъ таковыхъ и въ вашихъ отношеніяхъ ко мнѣ братскихъ, достолюбезнѣйшій Василій Иваиновичъ! Да, помню я все вами сдѣланное, и помня не могу не питать постоянно благодарность въ своемъ добросердовскомъ сердцѣ къ вамъ. Не прогнѣвайтесь только, что немного пріопоздалъ ее выразить предъ вами. Но лучше поздно, чѣмъ никогда. Жить бы—умирать не надо мнѣ въ Твери, подлѣ васъ, для учениковъ моихъ незабвенныхъ. Не то здѣсь — на югѣ, при концѣ крыль орла Русскаго, едва прикрывающаго насъ отъ пуль Шамиля. Всѣмъ бы, кажется, я здѣсь долженъ быть доволенъ; между тѣмъ, какъ магнитъ къ сѣверу, сердце мое стремится въ Тверь: оно ищетъ любимыхъ учениковъ, жаждетъ наслажденія,

Богословіемъ источникаго. Чудны, подумаешь, капризы у вашего оборотня-сердца! И здѣсь 55 малютокъ у меня подъ надзоромъ; въ числѣ которыхъ десятка два очень бойкихъ; но все же они не тверяки смышленые; люблю я ихъ какъ дѣтей, но вмѣстѣ съ тѣмъ не могу не видѣть съ скорбію, какъ еще далеко этимъ куличатамъ до Петрова дня. И похожъ я теперь на художника, стоящаго при массѣ гранита, только что вырытаго изъ нѣдръ величаваго Эльборуса. Сколько трудовъ и пота потребуетъ отъ меня этотъ кусокъ камня жесткаго и холоднаго, чтобы образовать изъ него стройную эстетическую статую, чтобы вдохнуть въ нее жизнь! И достанетъ ли силъ и времени мнѣ на ея отдѣлку? Что если неискусной рукѣ доведется ее докончить? Буду однакоже дѣлать то, что и какъ могу, съ упованіемъ на Господа. Авось эта масса мертвая оживетъ. Предметы моихъ занятій: исторія и греческій языкъ, какъ видите, пустые; тѣмъ болѣе, что владыка нашъ не благословилъ меня писать своихъ уроковъ, чтобы обратить мою дѣятельность на другія занятія. Съ порученными мнѣ предметами преподаванія я былъ знакомъ еще въ Сибири. Ничего новаго, назидательнаго! А старое прискучиваетъ. словомъ, это не Богословіе, такъ чудно воскресившее мой духъ у васъ. И такъ ты не доволенъ своимъ положеніемъ? вы скажете. Не то чтобы недоволенъ, а не свыкъ еще сердцемъ,—извольте видѣть—съ хлопотами. Вообразите себѣ человѣка, который съ ранняго утра до полночи темной трудится, какъ муравей, то въ общежитіи и классѣ, то въ правленіи и консисторіи, отзываясь то на зовъ старшихъ и служителей, то консисторскихъ чиновъ, правленія съ письмоводителями, кои не съ тѣмъ, такъ съ другимъ вопросомъ постоянно къ нему бѣдняжкѣ относятся; представьте себѣ, что вы видите этого труженика въ столовой, каждодневно въ классѣ, въ кабинетѣ преосвященнаго и въ кануркѣ живущаго на квартирѣ малютки: это вашъ покорнѣйшій слуга и богомолецъ. О. ректоръ не занимается, или неохотнѣо занимается прозаическими дѣлами.

Въ академіи онъ привыкъ къ поэзіи, и г. секретарь, какъ всякій новичекъ, также дѣлъ не знаетъ,—хочешь-не хочешь возись съ дѣлами. Вижу, что утомилъ я васъ своимъ мараньемъ, и прошу въ этомъ извиненія. Будьте здоровы и веселы, мой другъ, на новое лѣто. Въ новый годъ я буду молиться о нужномъ для васъ—имянинника моего—Господу Богу. Помнящимъ меня милымъ ученикамъ мое благословеніе. Буду скоро писать къ нимъ, пусть потерпятъ. Еще два слова: не оставилъ ли я худой по себѣ памяти у васъ? Напишите Бога ради, я буду каяться. Владыка души во мнѣ не видать. Ректоръ даже уважаетъ за что-то, не зная какъ и чѣмъ угостить меня. Жилъ бы не тужа, еслибы не печаль о Твери. Изъ Питера мнѣ пишутъ, по порученію преосвящен. ректора Аеанасія, что чрезъ годъ, много чрезъ полтора года возьмутъ меня съ Кавказа.

Въ свободныя отъ занятій минуты о. Герасимъ выѣзжалъ за городъ, гдѣ живописная природа приводила въ восторгъ душу его, и онъ въ слезахъ умиленія возносился сердцемъ и умомъ къ дивному Создателю, вся премудростію сотворившему. Единственнымъ спутникомъ его было божественное Евангеліе; онъ садился въ куртинѣ деревъ, около источника кристальной воды, выбивающейся изъ-подъ каменнаго утеса, и насыщалъ жаждущую душу свою сладчайшимъ словомъ Спасителя. Особенно любилъ онъ нерѣдко ѣзжать за 9 верстъ отъ Ставрополя на такъ называемые Скомо-роховы хутора, гдѣ взирая на картины природы, заботился всѣмъ сердцемъ объ устроеніи на семъ мѣстѣ обители для инокинъ, которыя бы жили, яко въ раю сладости, въ семъ прекрасномъ саду Божіемъ. Въ глубинѣ его сердца горѣло непреодолимое желаніе спасти души, алчущія живота вѣчнаго. Прилагаемъ при семъ краткую выписку изъ памятныхъ записокъ его:

«Съ поступленіемъ въ академію, я увидѣлъ предъ собою путь пространный, врата широкія: чего мнѣ не представляло воображеніе, тамъ, по окончаніи курса, на стезяхъ учительства, профессорства? Но тихій голосъ совѣсти от-

зывалъ меня отъ этихъ картинъ обманчивыхъ; что-то внутри меня говорило мнѣ: это не твой путь, это картины, отобразы гордости житейской, суеты временной; ищи вышшаго. И я дознавъ опытомъ болѣзненнаго убѣжденія, что слушать этотъ совѣтъ безкорыстный значить идти къ небу, повиновался ему по мѣрѣ силъ моихъ. Мнѣ трудно было въ началѣ спускаться съ высоты предлежащихъ почестей въ доль смиреннаго труженничества. Нелегко было отказаться даже мысленно отъ личныхъ интересовъ; за всѣмъ тѣмъ вѣрный званію Божію, безмолвно внятному для моего сердца, я свикался каждый день почти съ мыслию жить для спасенія другихъ не взирая ни на какія затрудненія и препятствія, неизбѣжныя въ этомъ дѣлѣ. Съ самоотверженіемъ идти на встрѣчу этимъ затрудненіямъ и препятствіямъ и для преодоленія ихъ быть готову на всякія, самыя тяжкія, жертвы,—стало любимую моею мыслию. И я услаждался ею отъ всей души, умоляя Господа, да сподобитъ меня послужить Ему подвигами спасенія погибающихъ».

Въ Ставрополѣ доселѣ не было обители, но было не мало агницъ Христовыхъ, желающихъ уневѣстить себя безсмертному Жениху Христу. О. Герасимъ, къ которому онѣ прибѣгали за духовными совѣтами, уговорилъ ихъ поселиться на помянутой очаровательной мѣстности. 23-го апрѣля (въ день св. в. Георгія), преосв. Іеремія предложилъ о. Герасиму съѣздить на то мѣсто, которое предназначалось для обители. «Ты нынѣ имянинникъ, отче, сказалъ онъ ему,—надо сдѣлать доброе дѣло, поѣдемъ», и пріѣхавъ къ означенному мѣсту, самъ началъ копать землю и указалъ, гдѣ предполагалъ поставить храмъ; но мѣсто это показалось неудобнымъ по мнѣнію о. Герасима и чрезъ двѣ недѣли послѣ сего о. Герасимъ уже самъ положилъ основаніе храма немного далѣе назначеннаго преосвященнымъ мѣста. Храмъ и нѣсколько келлій воздвигнуты попеченіемъ этого архипастыря, который пріобрѣлъ многихъ благотворителей для своего «Иванол-

скаго у). Къ радости своего сердца о. Герасимъ ввелъ въ ограду Христову сихъ сестеръ обительныхъ, во дни св. Пасхи 1850-го года. Онѣ находились подъ его мудрымъ руководствомъ. Отчасти для привлеченія вниманія горожанъ, а болѣе для утѣшенія новыхъ подвижницъ, и по частымъ недугамъ мѣстн. священника о. Герасимъ въ праздничные дни прѣзжалъ самъ служить въ храмѣ обительномъ.

Вѣдая, какъ душа о. Герасима давно стремилась въ богоспасаемый градъ Кіевъ поклониться угодникамъ печерскимъ, Господь дивнымъ образомъ исполнилъ желаніе сердца его. Преосв. Іеремія недоумѣвалъ, кого бы послать въ Кіевъ за св. муромъ для епархіи ставропольской. О. Герасимъ предложилъ свои услуги, и владыка съ радостью уволилъ его. О. Георгій отправился въ Кіевъ съ неизмѣннымъ спутникомъ своимъ св. Евангеліемъ и скоро прибылъ туда. Можно себѣ вообразить, какимъ небеснымъ восторгомъ была преисполнена душа его послѣ столь долгаго и жестокаго плаванія по волнамъ житейскаго моря, воздвигаемаго напастей бурсю. Душа его обрѣла тихое пристанище и сладостное успокоеніе въ пещерахъ преподобныхъ отт. Антонія и Θεодосія и прочихъ чудотворцевъ печерскихъ. Какою радостью трепеталъ о. Герасимъ припадая къ чудотворной иконѣ Царицы небесной въ небеси подобномъ храмѣ Успенія Ея! Высокопреосв. митроп. (Филаретъ) обласкалъ его. Немало онъ имѣлъ духовнаго утѣшенія, ознакомившись съ святыми старцами лавры Печерской. Схимон. Пареевій утѣшилъ его душеспасительною бесѣдой, съ младенческою простотою объясняя о любви своей къ Матери Божіей. вмѣстѣ съ симъ блаженнымъ старцемъ о. Герасимъ обѣдалъ у митроп. Филарета и за трапезой владыка утѣшался младенческою простотою о. Пареевія, который не имѣлъ никакого понятія о грѣхолобивомъ мірѣ и казался пришельцемъ изъ горняго міра на

у) Такъ проименована была обитель эта.

землю. Пристанище имѣлъ о. Герасимъ въ Михайловской обители у евангельскаго отца своего, преосвящ. Аполлѣпарія (тогдашняго викарія кievской митрополіи), который радъ былъ воспріемному сыну своему, коему отдавалъ онъ должное уваженіе. Скоро пролетѣло время пребыванія его во дворѣхъ Господнихъ. Долгъ службы призывалъ его въ Ставрополь. Тяжело было его сердцу оторваться отъ святыни кievской и проститься можетъ быть на вѣкъ съ друзьями Божиими. По дорогѣ заѣзжалъ онъ въ Козелецк. монастырь св. в. Георгія, гдѣ настоятелемъ былъ архим. Иларій (бывшій ректоръ иркутской дух. семинаріи), наставникъ его, который отравилъ много красныхъ дней юности его, какъ это видѣли мы въ началѣ жизни сего избранника Божія. Мѣсто настоятельское получилъ о. Иларій чрезъ ходатайство о. Герасима во время его пребыванія въ академіи Петербургской. О. Иларій принялъ съ радостью благодѣтеля своего и на радости желалъ всѣмъ сердцемъ угостить гостя, но по скудости не могъ; это скоро замѣтилъ пріѣзжій гость его, и скупивъ все нужное для трапезы чрезъ келейнаго его, самъ угощалъ хозяина, бѣднѣшаго о. Иларія. Болѣе сутокъ провелъ о. Герасимъ въ обители его. Старецъ какъ дитя готовъ былъ плакать при разлуцѣ съ дорогимъ гостемъ. Исполнивъ данное порученіе, о. Герасимъ возвратился съ большимъ запасомъ терпѣнія и великодушія. Вышее начальство возложило на рамена его тяжелое иго начальства: за примѣрную службу его произвели въ санъ архимандрита, съ назначеніемъ его ректоромъ ставропольской семинаріи. По мѣрѣ восхожденія его усугублялись и труды его. Преосв. Іеремія былъ переведенъ въ Нижній-Новгородъ, а на мѣсто его поступилъ преосв. Іоанникій (Образцовъ). Съ самаго поступленія своего на епархію ставропольскую, онъ, по интригамъ о. инспектора съ его клеветами, не благоволилъ къ о. ректору и дѣлалъ ему разныя притязанія по службѣ. Почему-то не понравилось новому владыкѣ попеченіе о. архимандрита о вѣренномъ руководствѣ его инокиняхъ, — меж-

ду прочимъ можетъ быть и потому, что о. Герасимъ, дѣйствуя по совѣсти, во свѣтъ лица Божія, не могъ согласиться на принятіе одной особы, дурной нравственности, которую преосвященный настаивалъ водворить въ означенной обители. Неустрашимый воинъ отстаивалъ грудью вѣренное его водительство стадо Божіе.

Въ 1850 году 15 августа на зарѣ видѣлъ о. Герасимъ дивный сонъ, открывшій ему, что таилось подъ покровомъ самолюбія въ глубинѣ его сердца, и приготовившій его къ терпѣливому перенесенію небескорбныхъ встрѣчъ и опытовъ жизни.

«Стою я, казалось мнѣ, пишеть онъ въ своемъ дневникѣ, въ одномъ огромномъ и великолѣпномъ храмѣ, похожемъ нѣсколько на С.-Петербургскій Александроневскій; стою около дверей, пораженный и величественными размѣрами этого святилища Божія, и блистательною колоннадой, идущею вдоль храма. Всѣ царства природы, казалось, собрали посильную дань сюда къ подножію Владыки неба и земли. Не было только видно ни одной живой души. Это заставило меня призадуматься: хорошо ли будетъ мнѣ идти далѣе, туда—ближе къ центру подъ огромный куполъ, вѣнчавшій этотъ храмъ благолѣпный? Кто бы не засталъ тебя здѣсь, говорилъ мнѣ внутренній голосъ, и не заподозрилъ въ чемъ, видя твое присутствіе. Не видя однакоже въ цѣли посѣщенія сего храма ничего такого, въ чемъ бы я могъ быть зазнѣнъ моею совѣстью, я смѣло пошелъ, обливаемый золотистыми не лучами, а волнами, какъбы, свѣта, обоняя при этомъ чудный запахъ ароматовъ; и волны дивнаго свѣта, и клубы неземныхъ благовоній неслись, мнѣ казалось, и разливались по святилищу изъ-подъ роскошнаго балдахина, стоявшаго въ нишѣ, по правую сторону храма, за клиросомъ. Говорить о художественной отдѣлкѣ этого балдахина, богатствѣ украшеній его и вообще о формѣ, значило бы представить его осмысленнымъ чудомъ свѣта,—каковымъ онъ и былъ. Такъ вотъ откуда льется свѣтъ и незримо исходитъ, подумалъ я,—

усладительный запахъ. Иду и посмотрю, что тамъ такое? И пошелъ, пошелъ медленно, озираясь во всѣ стороны. Не видя опять никого, нѣсколько было смѣшался; по сердцу снова одержало верхъ надъ умомъ, любящимъ нерѣдко заходить за разумъ ни съ того, ни съ сего, и нечувствительно приблизился къ поразившему меня зрѣлищу, и усмотрѣлъ новое зрѣлище: я увидѣлъ подъ балдахиномъ дивный покровъ, а подъ покровомъ чловѣка, обращеннаго ко мнѣ головой. Какъ теперь смотрю я на эту главу, какъ теперь я вижу эти язвы, изъ коихъ сочилась кровь, вопіявшая ко мнѣ, хотя и безмолвно, о насильственной смерти страдальца. И закипѣло во мнѣ негодованіемъ сердце, и засновали одна за другой думы въ душѣ моей, при видѣ страдальца, при мысли объ убійцѣ преступномъ!.. Кто-жъ этотъ злодѣй, обагрившій свои руки неповинною кровью? Кто этотъ мученикъ, готовый, казалось, открыть свои угасшія очи и разбудить покоившуюся на челѣ его божественную думу — отпечатокъ безпредѣльной любви и мира пренебеснаго, и кротости незлобивой, которая изъ самаго источника тяжкихъ скорбей умѣетъ почерпнуть безмятежное блаженство радостотворныхъ восторговъ? Кто злодѣй тотъ, кѣмъ избить безжалостно, измученъ безпощадно, умерщвленъ нагло этотъ страдалецъ, который и мертвый, какъ живой, неслышно, но внятно говорить съ моимъ сердцемъ, и привязалъ его къ себѣ невыразимо? Смерть за смерть злодѣю, кто бы онъ тамъ ни былъ! Смерть и казнь убійцѣ, неумолимо произнесъ внутренний мой голосъ.

Но гдѣ онъ, кто онъ?

— Здѣсь онъ, этотъ убійца и... ты, проговорилъ мнѣ кто-то,—да, ты, ты убилъ сего праведника!

— Я? Я могъ рѣшиться на это злодѣяніе?! Нѣтъ! смѣло я обмываю мои руки: онѣ неповинны въ крови праведника сего.

— Но кто онъ?

— Овъ?... Это Искупитель твой, положившій душу свою

праведную за тебя, за грѣхи твои и беззаконія, проговорилъ мнѣ опять кто-то.

Какъ громомъ пораженный отъ этой неожиданной вѣсти, я затрепеталъ, но собравъ всѣ силы моей души, съ полнымъ, казалось, присутствіемъ духа сталъ я оправдываться, запираюсь въ смерти Спасителя на этомъ судѣ неумытномъ. Но напрасно, всѣ покровы самолюбія одинъ за другими невидимо отняты у меня, листые смоковое спало съ меня; правда книжника и фарисея превратилась въ неправду, солгавшую самой себѣ (Пс. 26, 12). И вотъ, обнаженный, безъ всякой опоры, защиты стоялъ я, какъ духъ отверженный, стоялъ безъ всего, но не смирялся «Какъ! я убійца моего Спасителя? Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ!» «Такъ ты невиненъ? говоритъ мнѣ опять безотвязный невидимый обличитель. Вопросъ этотъ какъбы стрѣлой пролетѣлъ сквозь безчувственное мое сердце, и возмутилась душа моя, и вся внутренность моя!..

«Невиненъ ли ты? Конечно невиненъ, когда станешь думать и утверждать, что Спаситель умеръ не за твои именно грѣхи, а за грѣхи всего міра, въ сумму коихъ какъбы ты или не былъ, или мало былъ вкладчикомъ. Но такъ ли должно смотрѣть тебѣ на дѣло искупленія?»

Не такъ, не такъ уже съ сего момента я сталъ смотрѣть и судить объ этомъ!.. И кто же взвѣситъ за симъ скорбь мою, при этой страшной мысли, что я убійца Иисуса Христа, Сына Божія? Гдѣ возьму я слезъ, чтобы смыть съ себя эту кровь Агнца Божія, закланнаго за меня правосудіемъ Божиимъ на жертвенникѣ Голгоетскомъ? И убитый горемъ, посрамленный и униженный донельзя, трепещущій и слезящій, замѣтилъ я крестъ драгоцѣнный въ рукахъ моихъ, и осязая его и ограждаясь имъ, взывалъ: «Господи! воздвигни силу Твою, и приди во еже спасти мя!» (Пс. 79, 3). И дивное видѣніе узрѣли пра этомъ очи мои. Божественный Страдалецъ, мнѣ казалось, обнаружилъ признаки жизни. Ожилъ какъбы и я, умиравшій отъ страха; опять, будто, взялся я за крестъ и осѣняюсь имъ, же-

лая всѣмъ сердцемъ смотрѣть на этотъ Божественный ликъ и не насмотрѣться, желая облобызать не чело Его,— нѣтъ—на немъ еще дымилась кровь, оно — престолъ небесныхъ думъ, казалось мнѣ слишкомъ недосыгаемымъ для моего недостойнства: мнѣ хотѣлось прикоснуться хотя къ длани пречистой. Но она подъ покровомъ была, вдали отъ меня. И опять я, осѣняясь крестомъ, воззвалъ: «Господи! воздвигни силу Твою, и приди во еже спасти мя!» Божественный Страдалецъ, казалось, подвигся на призывный гласъ сердца сокрушеннаго и принялъ желанную позу, пречистыя длани обнажились и весь организмъ, начиная съ главы, кромѣ ногъ, какъбы готовъ былъ приподняться. Желая коснуться пречистой длани и освятиться лобзаніемъ святымъ, съ глубокимъ сознаниемъ грѣховъ я палъ будто на землю; но въ эту минуту видѣнне сокрылось отъ прозрѣвшихъ очей моихъ, сокрылось въ міръ горній, оставивъ въ душѣ моей горько-отрадную мысль и о ничтожествѣ моемъ предъ Богомъ, и о непостижимомъ величїи заслугъ Икупителя, стоившемъ безцѣнной крови Сыну Божію, возжелавшему и желающему облечь меня, по безмѣрной любви Своей, въ свѣтлыя ризы заслугъ Своихъ».

Въ 1851 году архимандритъ Герасимъ былъ перемѣщенъ св. Синодомъ ректоромъ изъ Ставрополя въ Симбирскую дух. семинарію. Какъ ни тяжело было ему разстаться съ обителю инокинѣ, основанною имъ, и привязавшихся къ нему семинаристовъ; но возложивъ все упованіе на Господа, оставилъ онъ Кавказъ, съ стѣсненнымъ отъ скорби сердцемъ. Премилосердый Отецъ небесный не оставлялъ раба своего, въ скорби сущаго, и на пути посылалъ ему утѣшенія. Въ Новочеркаскѣ былъ принятъ съ любовью преосвященнымъ Іоанномъ и прїятно побесѣдовалъ съ нимъ. Въ Воронежѣ у многоцѣлебныхъ мощей св. Митрофана богобоязненная душа о. Герасима обрѣла источникъ сладчайшихъ утѣшеній. И правившій тогда Воронежскою епархіей, преосвященный Паросеній принялъ его почти родственно. Съ глубокою признательностью путникъ

нашъ разстался съ благодатнымъ Воронежемъ. Въ продолженіе всего пути слышалъ о. Герасимъ отъ всѣхъ, знавшихъ симбирскаго владыку Θεодотія, предсказаніе великихъ скорбей на службѣ въ Симбирской семинаріи. Изъ Ставрополя онъ выѣхалъ на колесахъ, а съ половины пути поставилъ свой экипажъ на зимній ходъ, и настоящій претрудный путь служилъ предзнаменованіемъ тѣхъ бѣдъ и скорбей, которыя ожидали сего странника и пресельника на подлежащемъ ему служебномъ поприщѣ: онъ самымъ горестнымъ образомъ (съ сыномъ, съ гувернеромъ, съ служителемъ) доѣхалъ до Симбирской губерніи. Не доѣзжая до Симбирска, на станціи въ городѣ Корсунѣ, встрѣтился съ нимъ о. ректоръ, предмѣстникъ его, который въ короткихъ словахъ сдѣлалъ очеркъ своей многопечальной жизни въ Симбирской семинаріи, познакомилъ его съ духомъ владыки Θεодотія и предупредилъ, съ какими людьми онъ долженъ будетъ и съ кѣмъ имѣть дѣло.

1851 г. 19 января въ 11 часовъ вечера пріѣхалъ о. Герасимъ въ Симбирскъ. На первыхъ порахъ новый ректоръ принятъ былъ преосвященнымъ Θεодотіемъ довольно милостиво. Владыка отдавалъ полную справедливость достоинствамъ его, хвалилъ и превозносилъ его по всему городу. Но какъ о. ректоръ пришелся не по духу ему, то и хвала эта прекратилась.

При всей замѣчательно-благолѣпной наружности о. Герасима, онъ имѣлъ видъ строгаго подвижника, взиралъ всегда въ землю, рѣдко на кого смотрѣлъ въ лице, и случилось, что онъ и знакомыхъ своихъ не зналъ хорошо по наружности, узнавая ихъ больше по голосу; особенно удалялся отъ бесѣдъ суетныхъ женскихъ. Бесѣды его всегда дышали любовью къ Господу и ближнимъ; празднословія и осужденія избѣгалъ, какъ смертоноснаго яда; старался всегда прикрыть прегрѣшенія ближнихъ и подыскать въ нихъ какую-либо хорошую сторону. Предъ всѣми смирялся, къ одному себѣ былъ строгъ. Человѣкоугодія гнушалась душа его, и если гдѣ нельзя было ему говорить что во славу Божію, то онъ, опасаясь метать бисеръ, мол-

ча перебиралъ свои четки съ молитвой къ пресладкому Иисусу, Котораго отъ юности возлюбила добрая душа его. Но если случалась бесѣда «о единомъ на потребу», о, тогда преобильный и сладкій источникъ истекалъ изъ устъ его. Онъ имѣлъ дивный даръ слова, такъ что съ первой же бесѣды люди алчущіе правды и святости всѣмъ сердцемъ привязывались къ нему, и таяли яко воскъ отъ пламени любви, которымъ горѣло сердце его къ пресладкому Иисусу и Его пречистой Матери. Слово его было всегда полно духа и жизни.

Приобывши къ аккуратности въ исполненіи служебнаго долга, онъ и въ Симбирскѣ, какъ и въ Иркутскѣ, Твери и на Кавказѣ, не опускалъ дѣлъ служебныхъ по семинаріи и консисторіи; но вмѣстѣ съ симъ каждодневно почти ходилъ къ утрени и литургіи (ранней) въ Спасовознесенскую церковь за неимѣніемъ церкви при семинаріи ф). Разъ,—это было 29 января 1851 года въ 6 часовъ вечера,—услыхавши звонъ ко всенощной, спросилъ бывшего при немъ инспектора о. Авраамія: въ какой церкви слышенъ благовѣсть? и узнавъ, что благовѣстятъ въ женскомъ монастырѣ по случаю храмоваго въ придѣльномъ его храмѣ праздника трехъ святителей, немедленно съ о. инспекторомъ поѣхалъ въ обитель ко всенощной. Когда вошли они въ храмъ настоящій—святителя Алексія, всенощная уже началась въ трехсвятительскомъ придѣлѣ, который былъ и освѣщенъ прилично празднеству храма, а въ настоящей церкви было довольно мрачно, теплились лишь 3—4 свѣчи у мѣстныхъ иконъ. О. ректоръ съ спутникомъ своимъ прошелъ прямо въ олтарь главнаго храма, гдѣ ни одной свѣчи не теплилось у св. иконъ х). Самое вступленіе во св. обитель сего раба Божія

ф) Въ 1853 г. о. архимандритъ Герасимъ устроилъ и при семинаріи домовую церковь на сумму пожертвованную духовенствомъ Симбирской епархіи (по циркулярному его воззванію) и симбирскою Вырнаевскою помѣщицею Ел. Ник. Пазухиной.

х) Одна инокиня, бывшая близкою свидѣтельницею вступленія въ олтарь о. Герасима, увѣряла что когда вошелъ въ олтарь о. архи-

было, какъ полагаемъ, предзнаменованіемъ намъ, что онъ посланъ былъ отъ Господа просвѣтитъ насъ сѣдѣщихъ во тьмѣ и сѣни грѣховной.

Вскорѣ по приѣздѣ о. Герасима въ Симбирскъ, мы слышали много прекрасныхъ отзывовъ о немъ отъ духовника нашего о. Захаріи П., и сердца наши невольно какъ-то стремились къ сему свѣтильнику Господню. Весной, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, родная сестра наша (полковница) Александра Ефимовна фонъ-Руммель возвратилась изъ Казани и привезла о. ректору копію съ чудотворной иконы Казанской Божіей Матери отъ игуменьи Досіеи, которая очень коротко знала о. Герасима, когда онъ служилъ еще профессоромъ въ Тверской семинаріи; она-то и рассказала сестрѣ нашей о дивныхъ опытахъ его мудрости и прозорливости, о его великодушій, безкорыстій, правдолюбій, о его какой-то особенно плѣнительной вѣжливости, и вмѣстѣ съ симъ убѣдительно совѣтовала познакомиться съ этимъ воистину дивнымъ мужемъ. Сестра, желая въ точности исполнить порученіе игуменьи и вмѣстѣ имѣть счастье познакомиться съ нимъ, предложила своему духовному отцу, соборному протоіерею, просить къ ней о. ректора. Долго не могъ упомянутый протоіерей уговорить о. ректора съѣздить къ его духовной дочери, потому что онъ избѣгалъ всякихъ знакомствъ, особенно короткихъ, извѣдавъ притомъ на опытѣ, какъ тяжела разлука съ близкими сердцу,—онъ только дѣлалъ визиты лицамъ служебнымъ, съ которыми неизбѣжны встрѣчи и столкновенія на служебномъ пути. Наконецъ о. архимандритъ сдался на увѣщанія о. протоіерея и въ день великомученика Георгія

мандритъ Герасимъ, то весь олтарь освѣтился какою-то особенною свѣтовою матеріей, такъ что помянутая инокиня, отличавшаяся кротостію и рѣдкимъ смиреніемъ, видѣла, какъ о. Герасимъ прикладывался къ престолу, и до того было свѣтло въ олтарѣ, что ей, стоявшей поодаль, явственно можно было различить иконы, висѣвшія въ олтарѣ на стѣнахъ. Когда же онъ вышелъ изъ олтаря на правый клиросъ (нигѣмъ не занятый), желая вслушаться въ чтеніе и пѣніе, то и тутъ какъбы молниеносный свѣтъ озарилъ это мѣсто, въ олтарѣ же попрежнему сдѣлалось темно.

23 апрѣля прямо изъ каѳедральнаго собора вмѣстѣ съ протоіереемъ поѣхалъ къ давно ожидавшей его сестрѣ нашей. Въ первой же бесѣдѣ она передала о. ректору, что у ней четыре сестры монахини, и преусердно просила его посѣтить ихъ. Едва-едва далъ онъ слово быть у насъ, и 28 мая, въ 5-мъ часу вечера, когда у насъ въ обители собирались встрѣчать икону Божіей Матери, именуемой Жадовскою, въ первый разъ посѣтилъ затишный пріютъ нашъ безцѣнный гость нашъ. Наслышавшись отъ сестры нашей о его нравственныхъ достоинствахъ, мы съ необыкновенною радостью и восторгомъ встрѣтили его, пали ему въ ноги, и онъ, благословивъ насъ, спросилъ: «Какъ спасаетесь вы, рабыни Божіи?» — «Очень худо, ваше высокопреподобіе!» отвѣчала я. «Отъ чего же это такъ? Хорошо сознаніе своихъ недостатковъ. Хотя оно и не можетъ назваться истиннымъ смиреніемъ, но пролагаетъ путь къ нему». По обстоятельствамъ времени, коротка была бесѣда наша, но преисполнила сердца наши невъяснимымъ духовнымъ утѣшеніемъ. Не хотѣлось намъ разстаться съ мудрымъ знакомцемъ нашимъ, но призывный колоколь къ встрѣчѣ иконы Богоматери прервалъ сладко-назидательную бесѣду дорогаго наставника, и мы настойчиво просили о. ректора обойти келліи наши и благословить ихъ, чтѣ онъ съ любовью и исполнилъ; при чемъ милостиво склонился на мольбы наши: посѣщать насъ и умудрять во спасеніе.

Лѣто все провели мы (по обѣщанію) въ разъѣздахъ и въ началѣ лишь августа возвратились въ Спасскую обитель свою. Помня данное намъ слово, о. ректоръ посѣтилъ насъ-странницъ. Мы встрѣтили его, какъ ангела Божія, и съ напряженнымъ вниманіемъ слушали усладительную, душеполезную бесѣду его. Животворное слово чудно врачевало сердца наши и мы никогда не забудемъ вдохновенныхъ глаголовъ его. Всѣ сестры мои слушали его не переводя дыханія; но я, по недостатку во мнѣ истиннаго смиренномудрія, воспользовавшись одною очень занявшею меня фразой, рѣшилась предложить два-три вопроса отъ

себя, и вотъ его святоотеческіе отвѣты, сказанные и примененные къ общему назиданію нашему. Болѣю душой при семъ, что по недостатку научнаго образованія не могу съ желаемою точностію передать мысли о. архимандрита. Передамъ, какъ умѣю:

«Горячность въ молитвѣ, говорилъ онъ, не легко достигается; наше дѣло понуждать себя къ ней, устраняя вниманіемъ изъ души все отзывающееся суетами. Придетъ пора, ударитъ часъ воли Божіей и, привлеченное любовью къ небесному, сердце закипитъ, загоритъ и воспламенится, при содѣйствіи Божіей благодати, все, что когда-либо клали вы по усердію на его жертвенникъ, вѣрой, долготерпѣніемъ и смиренною преданностію въ волю Божію».

Слыша отговорки мои о невозможности всегда говорить правду,—иногда якобы для блага ближняго скажешь неправду,— «пусть, отвѣчалъ онъ, ложь будетъ и незначительная и по чистымъ побужденіямъ, но она также отъ ненавистника добра и истины — діавола. «Удаляйся лжи, говоритъ св. Антоній великій, — иначе она отдалитъ отъ тебя страхъ Божій».—Истинный христіанинъ, рѣшающійся дѣйствовать согласно волѣ Божіей, долженъ прежде всего радѣть о чистотѣ совѣсти: безъ чистоты совѣсти нельзя имѣть успѣха въ духовной жизни ни на волосъ».

По глубокому смиренію своему о. Герасимъ, говоря о суетѣ, въ которую поставленъ онъ служебнымъ долгомъ своимъ, сказалъ между прочимъ: «Суета и житейская молва, какъ волны, бьютъ въ утлый челнъ мой и готовы, казалось, низпровергнуть его. Благо мнѣ, когда Христосъ самъ правитъ имъ, я не боюсь потопленія. Но безъ Него и я, и вы, одной волной подъяты, одной волной поглощены».

«Кто насъ съ вами, говорилъ онъ также, — поставилъ судьями надъ ближними? Станемъ лучше смотрѣть за своими свѣтильниками, да не оскудѣемъ елеемъ, а за чужими, горятъ ли они, или курятся, или совсѣмъ уже погасли, смотрѣть не наше дѣло».

Совѣтовалъ еще намъ не давать воли воображенію. «Учи-

тесъ, говорилъ онъ,—стѣснять его, или занимать воспомина-
ніями священными. Размышляйте чаще о страданіяхъ Госпо-
да нашего І. Христа и о Его божественной любви къ
намъ грѣшнымъ».

Вотъ, къ сожалѣнію, краткій и блѣдный очеркъ тѣхъ на-
зидательныхъ бесѣдъ, которыми, какъ манной небесною,
питалъ незабвенный о. ректоръ алчущія души наши. Впро-
чемъ неостанетъ ни времени, ни умѣнья описать все,
что мы слышали и внимали отъ него. Бывало, при первой
серьезной нуждѣ, прилетитъ къ намъ, къ каждой изъ насъ
зайдетъ, наставитъ, утѣшитъ, пожуритъ, вразумитъ, успо-
коитъ,—словомъ, кому какое нужно лекарство, тѣмъ и увра-
чаетъ страждущія сердца наши. Подлинно, «другъ вѣренъ,
кровь крѣпокъ и врачеваніе житію. Обрѣтый же его об-
рѣте сокровище!» (Сирах. 6, 14. 16).

Зная дорогаго наставника нашего, какъ весьма родно-
любиваго, и любя слушать задушевные его рассказы о блѣд-
ныхъ своихъ родныхъ, особенно тетускѣ Ек—нѣ Про-
кофьевнѣ и батюшкѣ сельскомъ дьячкѣ, я вмѣстѣ съ сест-
рами (предварительно запасшись карандашемъ) упросила
его разъ рассказать свою родословную. И онъ отечески
внялъ искреннему желанію моему и началъ такъ: «Да, не-
даромъ батюшка мой любилъ повторять: «родъ правыхъ бла-
гословится!» (Пс. 111, 2). О. Герасимъ перечислялъ намъ
всѣхъ дѣтей отца отъ первой и второй жены, внуковъ и
правнуковъ, и вотъ общій итогъ: дѣтей 6; внуковъ 27; пра-
внуковъ 64; праправнуковъ 18; да умершихъ внуковъ 36.
Всего—сто пятьдесятъ одинъ (151)»...

Любилъ дорогой нашъ батюшка вспоминать о добрыхъ
родителяхъ своихъ, о счастливыхъ дняхъ своего младен-
чества и отрочества. Мы съ благоговѣніемъ слушали о
дивной и поучительной жизни о. Герасима; всѣ глаголы
его слагали въ сердца наши и сберегали, какъ сокровище
драгоценное, сознавая себя вполне недостойными ви-
дѣть и бесѣдовать столь близко съ этимъ земнымъ анге-
ломъ. Сердца наши съ первой, такъ сказать, минуты срод-
нились съ нимъ; никогда не хотѣлось разстаться съ до-

рогимъ гостемъ и богоглаголивимъ собесѣдникомъ нашимъ, и онъ, замѣчая это, утѣшалъ насъ общаніемъ не оставлять насъ своимъ посѣщеніемъ. Проводивъ его, мы съ любовью передавали другъ другу тѣ благодатныя впечатлѣнія, кои оставались въ сердцахъ нашихъ послѣ назидательныхъ бесѣдъ съ нимъ. Съ чувствомъ умиленія всегда благодарили мы Господа за то великое благо, что Онъ послалъ намъ мудраго и опытнаго руководителя. Необыкновенною радостью трепетало мое сердце, и я не могла долѣ успокоиться, пока не запишу, бывало, всего слышаннаго нами изъ устъ дорогаго благовѣстителя нашего. Воистину бывало ожидаемъ посѣщенія его, какъ свѣтлаго праздника Христова. Дивную власть имѣлъ онъ надъ душами нашими и крѣпко приковывалъ сердца наши. 4 года и 9 мѣсяцевъ (пока онъ былъ въ Симбирскѣ), сердца наши покоились, какъбы у персей нѣжной матери, у богоноснаго сердца отца нашего.

Въ началѣ 1852 года сестра наша, Ал. Еф—на, была въ какомъ-то безотраднотяжеломъ душевномъ состояніи, и еслибъ не послалъ намъ Отецъ небесный вѣрнаго служителя своего въ лицѣ о. архимандрита Герасима, то не знаю, что и было бы съ ней несчастною. Она, въ уныніи своемъ, прибѣгла съ слезною мольбой къ избраннику Божію принять душу ея и уврачевать, и мы вмѣстѣ съ ней просили и молили призрѣть милостиво на сестру нашу и наставить ее на путь спасенія. Съ помощью Божіею умолили мы, крайне осторожнаго въ выборѣ знакомства, о. ректора, быть попечителемъ погибающей души ея. По обычаю, помолившись прежде Сердцевѣдцу-Богу, онъ далъ наконецъ слово помогать и ей мудрыми совѣтами своими на крестномъ пути христіанскомъ и съ неутомимою заботой пасъ онъ душу ея на злачной пажити своей. И я, скудоумная, чувствовала всю необходимость имѣть духовнаго вождя; но не рѣшалась еще безъ общаго согласія друзей — сестеръ моихъ избрать о. Герасима. Страданія души моей между тѣмъ усиливались невыносимо, и я рѣшилась написать исповѣдь сердца и чрезъ сестру пере-

дать благостному аввѣ. Не усѣла еще сего исполнить, какъ вѣщее сердце его почувствовало горькое состояніе души моей. На 26 декабря 1851 г., предъ утреней онъ видитъ во снѣ, что я будтобы у него въ келліи вмѣстѣ съ сестрой Ал. Еф—ной, и подошедши къ нему очень близко, вдохнула въ него такую горечь, что онъ содрогнулся и отъ сильной горечи пробудился. Собрался къ утрени и пошелъ по обыкновенію въ обитель къ намъ, и во всю дорогу чувствовалъ сильную горечь, которую я грѣшная перелила изъ своего сердца въ его душу. И на другой же день онъ далъ знать мнѣ чрезъ сестру, что желаетъ онъ исповѣдать меня. Я не вѣрила своему счастью; приготовилась къ назначенному числу (30-го декабря), и въ 4 часа послѣ обѣда прилетѣлъ ко мнѣ въ келлію богоданный отецъ. Я, опасаясь огорчить старшую сестру (монах. Евпраксію) х), запрещавшую безъ общаго согласія выбирать духовника, исповѣдывалась не вполнѣ искренно, не высказала наприм. о той горечи, которая лежала на самомъ днѣ моего сердца, и это неопредѣленное состояніе тяготило меня невыразимо; но милосердый Отецъ небесный сжалился надъ огорченную душу мою и удивительнымъ образомъ преклонилъ сердца добрыхъ сестеръ моихъ на милость, и онѣ какъбы невольно почувствовали необходимость въ томъ-же руководителѣ; и тогда, согласившись написали слезное моленіе къ о. Герасиму, убѣдительно прося его принять насъ недостойныхъ въ число чадъ его сердца. Января 20-го во время вечерни подали мы ему просьбы наши и на другое же утро получили отвѣтъ, который и предлагаю въ точной копіи:

«1852 г., января 22-го, 9-й часъ вечера. Благослови душе моя Господа, и не забывай всѣхъ воздаяній Его. На всякомъ мѣстѣ владычества Его благослови душе моя Го-

---

х) Въ послѣдствіи игум. тогоже Симбирск. Спасскаго женскаго монастыря, возстановленнаго ею послѣ ужаснаго Симбирскаго пожара (устроеннаго ссыльными Поляками) въ августѣ 1864 г.

спода! Вотъ тѣ слова, мысли и чувства, кои поднялись, какъ еиміамъ изъ кадилаицы, изъ моего сердца, когда коснулись его отголоски сердцеъ вашихъ, обручицы Создателя и Искупителя моего, отголоски, переданные мнѣ вашими двумя, до прочтенія еще, письмами одного и тоже содержанія отъ 15—20 января текущаго года. И сладко я молился за васъ грѣшникъ Господу и Его пречистой Матери, стоя въ уголкѣ алтарномъ, во время служимаго, по заказу вашему, молебна. Не забыта была при этомъ и другая мольба, другой вопль сердечный, о дарованіи мнѣ отъ Духа Освятителя елѣя духовнаго, чтобы горѣлъ я и свѣтилъ, а не курился, подобно головнѣ обожженной, дымящейся и закоптѣвающей лишь святые лики въ храмѣ Божіемъ. Прочитавъ же дома эти письма съ умилеиѣмъ, какъ повѣстки душъ вашихъ къ служеиію, возлагаемому на меня частью моимъ званіемъ и любовью Спасителя моего, возлюбившаго меня и предавшаго, какъ вѣдомо вамъ, Себя по мнѣ грѣшнѣйшемъ изъ грѣшниковъ, частью же довѣрчивою вашею любовью и осмысленною душей, послушаніемъ неповерхностнымъ, не взирая на всѣ препоны, какія только могли быть противопоставлены моему духу и сердцу къ слиянію во едино о Господѣ душъ и сердцеъ нашихъ, я далъ и даю смиренно обѣтъ Господу: жить и умереть слугою Христовымъ для васъ. Правда, что мало силъ у меня, немного досуговъ, и опытовъ для жизни духовной потребныхъ немного, но есть, по милости конечно Божіей, вѣра въ сердцеъ къ Господу, есть надежда на Его благодатное содѣйствіе, коимъ обыкло милосердіе Божіе врачевать немощное и восполнять оскудѣвшее, чтѣ всего отраднѣе для души; откуда-то являлась даже, видно вслѣдствіе искреннихъ молитвъ вашихъ, послушная готовность, по сей любви, не ищущей своихъ-си, готовность быть для васъ всѣмъ, да всяко, при помощи Божіей, привлеку васъ къ свѣтлому чертогу Жениха вашего небеснаго, любовью къ Коему уже бьются сердца ваши и мыслию о Коемъ уже заняты умы ваши.

Итакъ препосылаю вамъ, обручницы Христовы, Божіе благословеніе съ благословеніемъ моего сердца, родственно къ вамъ и прежде расположеннаго, и прося молитвъ вашихъ для своей немощи, прошу васъ поговѣть, заняться исповѣдью, которую я приду выслушать отъ васъ, если Господу будетъ угодно, и наконецъ не шадить себя при этомъ, положить какъбы въ гробъ волю, помня, что истинное послушаніе, которое полюбили сердца ваши, есть гробъ нашей воли прелюбодѣйной и грѣшной. Особенно тебѣ, возлюбленная о Господѣ Евсевія, по случаю повѣданнаго тобой страха, не нужно шадить себя предъ тѣмъ, кто какъ блудный сынъ самъ идетъ къ объятіямъ Отчимъ изъ сторонушки дальней,—который, какъ овца горохищная, принять былъ на рамо Пастыря пастырей и доселѣ не въ пасти ада потому лишь, что не дремлетъ Господь, хранящій до вѣрившееся ему сердце,—который, наконецъ, какъ послѣдній изъ слугъ Христовыхъ и строителей тайнъ Божіихъ, выну помнить, вступивъ на чреду свою, и не забываетъ доднесь, что если Спаситель, Господь сый, льна внемшагося не угашалъ и трости сокрушенной не преламывалъ, т.-е. обращалъ къ покаянiю и вразумлялъ обремененныхъ грѣхи многими, не отвергая даже злодѣевъ и преступниковъ, удерживаемыхъ отъ отчаянiя одною лишь надеждою на Его милосердіе и любовь безмѣрную; то ему, бѣдному грѣшнику, очевидно, ничего не осталось, какъ только оплакивать съ оплакивающими грѣхъ, гнушаясь послѣдняго, а не первыхъ, кои могутъ варять иногда праведниковъ въ царствіи Божіемъ».

Благоплоднымъ слѣдствіемъ святоотеческаго писанiя сего было то, къ отрадѣ моей, что милосердый Отецъ небесный соединилъ желанiя всѣхъ сестеръ моихъ предаться въ послушаніе доброму пастырю нашему, о. Герасиму, и 26-го января 1852 года, въ 4 часа пополудни, прилетѣлъ къ намъ посланникъ небесный. Въ первый разъ въ жизни исповѣдовались мы, можно сказать, чистосердечно и съ великимъ умиленіемъ. Богоносный авва нашъ состра-

далъ намъ исполнѣ и святоотечески оплакивая грѣхи наши, дѣлая намъ весьма приличныя наставленія и возбуждая въ насъ «страхъ Божій, отрѣвляющій грѣхи», показывалъ эти сердечныя язвы во всемъ омерзительномъ видѣ. «Грѣхъ, говорилъ онъ мнѣ на исповѣди, похожъ на корнистое, многовѣтвистое растеніе: обрѣзываешь у него вѣтви, оно даетъ новыя вѣтви. Сѣмя грѣха, не вырванное изъ сердца, снова всходитъ и подавляетъ посѣвъ богатный, послѣ исповѣди поверхностной. Старайтесь подкопаться подъ корень того или другаго грѣха, не пада своихъ силъ и самолюбія. Грѣхъ живетъ, пока въ душѣ сокрытъ, какъ сокровище; неисповѣданный, онъ не умретъ и при смерти нашей: онъ пойдетъ за нами въ вѣчность, станетъ съ нами предъ престолъ неумытнаго Судіи и, осудивъ насъ, уведетъ въ глубины ада. Но этотъ же отвратительный грѣхъ, ятый изъ глубины сердца, какъ змій, сѣтью смиренія, не краснѣющаго стыдомъ ложнымъ, извлеченный на спасительный брегъ исповѣданія и преданный во власть строителя тайнъ Божіихъ, грѣхъ — этотъ злодѣй нашъ и убійца, издыхаетъ тогда и ислѣвается; уничтожится и не вспомнится извергъ, по милости заслугъ Христовыхъ, ни правдой, ни всевѣдѣніемъ Божіимъ. И взирая на близость Христа-Искупителя, лови, влечи изъ глубины души своей всю тину. И обновится яко орля юность твоя, и ты будешь близка къ сердцулюбвеобильнаго Женихатвоего, Христа», — и пр. И каменное, самое ожесточенное сердце должно было тронуться, видя, какъ изъ очей его отчихъ изливались слезы. Въ 10 часовъ вечера окончилась исповѣдь сердець нашихъ, и онъ..., о! надо было видѣть его въ это время, какъбы дивный нѣкій отецъ временъ древнихъ, подобно Сисою или Евонмію Великимъ, предстоалъ предъ Серцевѣдцемъ съ величайшимъ благоговѣніемъ. Страхъ Божій дивно отображался на его благолѣпномъ обликѣ. При окончаніи подробной исповѣди всѣхъ насъ, онъ очень изнемогъ и поспѣшилъ уйти домой; но и тамъ не далъ себѣ полнаго покоя, какъ мы убѣждаемся изъ прилагаемой при семъ записки къ сестрѣ Ал. Еф—нѣ.

«1852 г. января 26-го, 11-ть часовъ ночи. За три четверти часа, кажется, предъ симъ припелъ я отъ добрыхъ друзей твоихъ—сестеръ, благоговѣйныхъ исповѣдницъ и возлюбленныхъ о Господѣ чадъ моихъ, пришелъ вполне утѣшенный искреннимъ ихъ желаніемъ спасенія. Еслибы не слабость и не слабой, казалось, по виду плоти, выгнала меня отъ нихъ, а также и желаніе, да вѣщастъ сердцамъ ихъ, отверстымъ ко всему доброму, Самъ Христось — Господь ихъ, часть ихъ на землѣ живыхъ (и единое на потребу), избранная нѣкогда благоговѣйною Маріей, то я готовъ бы цѣлую ночь не спать, только бы ихъ возбудить надолго, надолго, навсегда, буде можно, отъ дремоты грѣховной, чтобы встрѣчая съ ними въ полночь мысленно небснаго Жениха ихъ съ свѣтильниками, сказать Ему: Господи! се азъ и дѣти мои, яже далъ мнѣ недостойнѣйшему изъ служителей Твоихъ. Соблуди ихъ Самъ, Преблагій, отъ всѣхъ враговъ видимыхъ и невидимыхъ, отъ навѣтовъ и прилоговъ ихъ, и введи, имиже вѣси судьбами, въ Твое пренебесное царство».

Но лукавый врагъ видимо озлобился на дорогаго отца нашего за то, что исхитилъ души наши изъ его демонской власти. И въ скоромъ времени возмущилъ противъ него владыку (Ѳеодотія) чрезъ клеветовъ своихъ — людей недоброжелательныхъ. Служа не «яко челоуѣкоугодницы, но яко рабъ Господень», вѣрой и правдой, исполняя свято обязанности служебныя (и по консисторіи и по семинаріи) о. Герасимъ требовалъ и отъ сослуживцевъ своихъ такой же исполнительности. Прямота о. Герасима не приплась по сердцу нѣкоторымъ его сослуживцамъ; особенно возсталъ съ озлобленіемъ противъ него, облагодѣтельствованный имъ и товарищъ по академіи, родственникъ пресвященнаго, одинъ изъ Симбирскихъ протоіереевъ, занимавшій должность и при семинаріи. Сослуживцамъ о. ректора Герасима, привыкшимъ небрежно относиться къ своимъ служебнымъ обязанностямъ, тяжело было повиноваться начальнику правдивому и не челоуѣкоудливому, который обращался неліцепріятно со всѣми подчиненными

ему, Одинъ изъ недовольныхъ о. Герасимомъ, долго употреблялъ многоразличные способы очернить, оклеветать неповиннаго ректора въ глазахъ владыки, и наконецъ, съ помощью врага спасенія, успѣлъ въ своемъ предпріятіи какъ нельзя ловчѣе. Онъ успѣлъ также возстановить противъ о. ректора инспектора семинаріи Авраамія ^{ц)} и иныхъ сослуживцевъ, и до того дошло, что никакія требованія приличія и долга не могли уже вмѣщаться въ ихъ головѣ и сердцѣ. Начались стачки, сплетни, попойки, злонамѣренные опущенія классовъ, и разгнѣванные какимъ-либо резоннымъ представленіемъ и требованіемъ ректора, нѣкоторые изъ наставниковъ семинаріи (и даже служащіе въ духовномъ училищѣ), бродили къ преосвященному Θεодотію съ доносами и жалобами на неумолимо якобы строгаго ректора. Но справедливый и честный Герасимъ продолжалъ дѣйствовать съ прежнею прямою и не бросалъ оружія правды и долга, шелъ навстрѣчу клеветникамъ, съ упованіемъ на Сердцевѣдца Бога. И не взирая на всѣ раны и удары, которые сыпались на него, онъ говорилъ правду всѣмъ и самому владыкѣ, дѣйствуя согласно съ закономъ совѣсти, защищая по праву члена консисторіи вдовъ и сиротъ отъ притѣсненій власти, подѣ часъ неразборчивой. Станнымъ и доселѣ намъ кажется, на примѣръ, то, что владыка болѣе всего возставалъ за то на о. ректора, зачѣмъ онъ ходитъ ко всѣмъ службамъ церковнымъ; но нелицемѣрный о. архимандритъ, яко агнецъ незлобивый, смиренно отвѣчалъ архипастырю своему, что ходить въ храмъ Божій привыкъ онъ съ юныхъ дней и потому не можетъ отказать себѣ и теперь въ этомъ утѣшеніи, тѣмъ болѣе, что и по службѣ отъ этого нѣтъ опущеній, всѣ дѣла идутъ своимъ порядкомъ. Не взирая на всѣ розыс-

---

ц) Оба они, т.-е. архим. Авраамій и помянутый недоброжелатель скончались въ послѣдствіи бѣдственно: первый отъ запоя, а второй почти отъ голодной смерти по болѣзни горла. Да проститъ ихъ милосердый Господь.

канія и подходы и даже кляузы, пресов. Θεодотій не могъ уличить подчиненнаго ему ректора въ опущеніи своихъ обязанностей. Подобныя неудачи еще болѣе раздражали владыку и несмотря ни на что неблагоклонный къ о. ректору архипастырь съ страшными угрозами запрещалъ ему часто ходить въ церковь. Особенно за посѣщеніе обители нашей и нашихъ келлій приходилось ему выслушивать потрясающія непріятности и, больно сказать, даже неприличныя выходки и поношенія. Долготерпѣливый авва нашъ готовъ былъ идти на распятіе и яко добрый пастырь положить душу свою за овцы своя, только бы спасти ввѣренныя ему Отцемъ небеснымъ души и не дать амалику мысленному расхитить ввѣрившееся ему стадо.

Многія и мірскія (знатныя и незнатныя), боголюбивыя жены прибѣгали къ нему за словомъ жизни, и за то, что онъ принималъ ихъ иногда и наставлялъ на путь заповѣдей, враги его честное «имя его пронесли яко зло» (Мѡ. 5, 11) и всѣми ухищреніями злословія старались затмить благолѣпную свѣтлость доброты его и кротости. Великодушіе его всегда насъ поражало, трогало и умудряло. На семь избранникѣ Божіемъ исполнились слова писанія: «прославляющія Мя прославлю». Чѣмъ усерднѣе старались погасить свѣтильникъ Христовъ, тѣмъ ярче онъ свѣтилъ и привлекалъ заблудшихъ: изъ всѣхъ сословіи стекались на злачную пажить къ прямодушному пастырю; стадо его умножалось болѣе и болѣе, и онъ прилагалъ труды къ трудамъ, не давая себѣ покоя ни днемъ ни ночью, уча и врачуя чадъ своихъ не словомъ только, но и письменами ^{ч)}, а еще болѣе примѣромъ строгой, постнической и нестяжательной жизни. Невозможно описать всей тяжести креста, которую несъ на своихъ раменахъ высокой подвижникъ благочестія и ратоборець правды. Онъ стоялъ подобно гранитной скалѣ, о которую ударили волны мір-

---

ч) Еслибы можно было собрать *всѣ* письма отца нашего къ чадамъ своимъ духовнымъ, то, утверждаю, набралось бы ихъ до 8,000.

скія и возвращались вспять, не причинивъ ей ни малѣйшаго вреда. Несмотря на все придирки и угрозы владыки и его родственника о. протоіерея о. Герасимъ не смущался, продолжалъ съ свойственною ему аккуратностью исполнять свои обязанности и смѣло защищалъ бѣдныхъ семинаристовъ и сиротъ безпомощныхъ. На него сыпались удары за ударами; но онъ ни за что, напримѣръ, бывало не согласится дурного, но имѣющаго протекціи, ученика возвысить, и дѣйствуя по совѣсти и долгу, хорошее называлъ хорошимъ, а дурное дурнымъ.

«Потиховку скажи Ев—ѣ, писалъ онъ разъ (27 іюня 1854 г.) къ сестрѣ Аѳ—ѣ, чтобы не вздыхала о мнѣ: я живъ и здоровъ, и хотя по грѣхамъ моимъ заслуживаю побой отъ святаго владыки, однако вчера, по одному случаю онъ ограничился лишь бранью, обозвавъ меня буйнымъ, непокорнымъ, бунтовщикомъ, фарисеемъ и другими сладчайшими для сердца моего грѣхолюбиваго именими, доставившими мнѣ немалое утѣшеніе и отраду, какъ сиринцовка для страждущаго гнойными ранами». И вся эта буря обрушилась на голову о. ректора за то, что забылъ онъ надѣть орденъ св. Анны, явившись къ нему.

Смиренно-преданный въ волю Божию, о. Герасимъ съ изумительнымъ великодушіемъ переносилъ поносныя выходы и угрозы раздраженнаго владыки, по милости его наущниковъ. Выну благословляя клеветниковъ своихъ, добро творя ненавистникамъ и молясь за творящихъ ему напасти, о. Герасимъ просилъ и молилъ всехъ близкихъ чадъ своихъ молиться о преосв. Θεодотіи, какъ о благодѣтелѣ своемъ, называя его и ангеломъ-хранителемъ, и ангеломъ Церкви Христовой, и окомъ Божиимъ и пр. и пр., и если, бывало, услышать дорогой нашъ батюшка что-либо худое о владыкѣ, то становился первымъ защитникомъ и готовъ былъ душу свою положить за него. Повидимому ничѣмъ нельзя было такъ огорчить его, какъ непочтительнымъ отзывомъ о просвященнѣйшемъ Θεодотіѣ. Мы учились и назидались его благоразуміемъ, осторож-

постью, выдержкой его характера и простотой нрава; но великодушіе его просто насъ поражало и преклоняло предъ нимъ долу. Такую дивную дароваль ему Господь широту сердца, что всегда мы видѣли въ немъ образецъ истиннаго христіанскаго мудреца, ревниво оберегающаго въ себѣ этотъ даръ Божій. Всѣ мы, и знаемые нами и почитаемые, — пигмеи были и карлики предъ нимъ — нравственнымъ исполиномъ. О, избранникъ Божій, видно благодать священства не тща была въ тебѣ.

Преосвящен. Θεодотія наконецъ вызвали на чреду въ св. Синодѣ. Богоносный авва нашъ всѣмъ сердцемъ желалъ разстаться съ любовью и миромъ съ озлобленнымъ владыкой. Но всѣ его старанія были тщетны; никакого приступа не было къ его сердцу. Привожу выдержку изъ письмаца пастыря нашего, чтобы видѣть какъбы въ зеркалѣ добросердечіе его.

«1855 г. 24 апрѣля. Вѣдь не даромъ же, чадо мое, присловіе народа говорить, что «силой милому не быть!» Видно такъ на роду мнѣ написано, чтобы не всѣми быть любимымъ; ктому же и самъ я не питаю въ душѣ моей чувства любви къ тому, о комъ у насъ рѣчь, по крайней мѣрѣ любви живой, теплой, знаменующей себя участиемъ роднымъ, вниманіемъ предупредительнымъ; рабъ грѣха, я уважалъ ихъ, даже боялся (пожалуй), но любовью къ нимъ не пылалъ окаанный... Мудрено ли поэтому, что и они не смягчились, не растаяли, какъ крѣпкій металлъ на холодныхъ угольяхъ. Въ половинѣ 9-го часа былъ я съ своимъ сослуживцами и прощался съ владыкой. Слава Богу, что мало досталось мнѣ... На предложеніе мое позволить мнѣ поучаствовать въ молебнѣ о путешествующихъ, получилъ согласіе, а въ соборѣ онъ не совсѣмъ вѣжливо приказалъ снять ризу, надѣтую уже, и предоставить одному П. Н. Ох... отслужить этотъ молебенъ. Замѣтивши, или почувствовавъ сердцемъ, что стоя за нимъ у дверки пономарской со слезами молюсь о немъ — кручинѣ моей постоянной, подозвалъ онъ меня и сказалъ: «я полагаю, что вы слу-

жить литургію со мной просилсь и велѣлъ было ризы вамъ приготовить». «Я уже послѣ отправки литургіи къ вамъ представлялся, былъ мой отвѣтъ,—и просилъ о позволеніи отслужить путевой вамъ молебень».—«Мнѣ жаль Августина, заключилъ онъ,—какъ бы не обидѣлся, когда вы бы вышли служить одни, а двоимъ не годилось бы». Потомъ прощался съ нами по выходѣ изъ царскихъ вратъ, при чемъ не безъ чувства сказалъ намъ всѣмъ рѣчь, главная основа коей такая: «Богъ знаетъ, увидимся ли уже здѣсь на землѣ; поэтому прошу всѣхъ и cadaго простить меня, кого чѣмъ обидѣлъ, оскорбилъ. Прощаю и я всѣхъ, недолюбливавшихъ меня!» Простимъ же, мой другъ, доброму архипастырю, да и Богъ проститъ намъ. Много согрѣшаемъ всѣ мы и, какъ знать, что во всемъ, при всей правотѣ нашей, правы предъ нимъ? Да будетъ миренъ выѣздъ его! Пусть громъ и дождь предыдущіе служить изображеніемъ прошлыхъ невгодъ, а солнышко красное, свѣтлѣющее вотъ теперь, и ясность—будутъ предвѣстіемъ радостей будущихъ и для него, по многимъ отношеніямъ достойнаго памяти, и для насъ, сколь ни мало, особенно я окаянный, заслуживаю это».

Сердца наши задолго предчувствовали, что наступитъ скоро горькій часъ разлуки съ дорогимъ отцемъ и покровителемъ нашимъ. Преосв. Ѳеодотій по приѣздѣ въ Петербургъ старался очернить неповиннаго ректора симбирскаго въ глазахъ св. Синода, желая удалить о. Герасима на покой, или сослать въ Соловецкій монастырь, и такимъ образомъ навсегда пресѣчь ему путь къ высшему назначенію. Но Отецъ небесный, вся назирающій, дивнымъ образомъ сохранилъ благодѣтеля нашего, какъ «сокровище на селѣ своемъ». При всей своей силѣ въ Синодѣ, архипастырь нашъ не имѣлъ успѣха въ своихъ недобрыхъ помысленіяхъ противъ подчиненнаго ему ректора. Онъ и за полторы тысячи верстъ не оставлялъ однакоже въ покоѣ нашего трудника и каждую почти почту наносилъ ему не тѣ—другія непріятности; но, благодареніе Господу, высо-

кая душа его, яко въ раю Божіемъ, процвѣтала и приносила плоды вѣры, чистоты и преподобія. Особенно за эту пору поражало насъ то, что онъ очищалъ себя въ таинствѣ покаянія ежемѣсячно. Любилъ онъ особенно въ это скорбное и трудное для него время, почитать Лавсаикъ, Лугъ духовный, Лѣствичника, Псалтирь и оканчивалъ 11-й томъ толкованій своихъ на св. Писаніе, которое онъ любилъ, какъ свою душу.

Но наконецъ ударилъ часъ воли Божіей и роковое извѣстіе получено 17-го сентября, что пастырь нашъ переводится въ Харьковскую семинарію ректоромъ. Нельзя описать скорбь, объявшую сердца наши; легче было, казалось, съ жизнью разстаться, чѣмъ разлучиться съ безцѣннымъ отцемъ нашимъ. Только св. вѣра и надежда на Бога подкрѣпила насъ, многопомощныхъ, отъ гибельнаго паденія въ бездну унынія. Насъ ободряла мысль, что страдалецъ нашъ поуспокоится по преселеніи въ благословенную Украину отъ тревогъ и кручинъ своихъ симбирскихъ, избобрѣтенныхъ для него завистью лукаваго, за исхищеніе и насъ и многихъ другихъ душъ отъ исконной злобы его. О, одинъ только Сердцевѣдецъ вѣдалъ то оружіе, которое пронзало души наши при взглядѣ на скорби и искушенія, коими преднамѣренно обременяли крестоносца нашего. Тогда намъ думалось, что намъ легче бы было, еслибы собственно насъ язвили, чѣмъ слышать о страданіяхъ и томленіяхъ отца нашего, которыя отъ насъ онъ почти всегда скрывалъ. Вотъ уже прошелъ годъ разлуки нашей, а сердца наши еще не могутъ привыкнуть къ сиротству, безъ него. Призри съ небесе, Боже, и испѣли немощь нашу. Боже! къ Тебѣ единому училъ отецъ нашъ прибѣгать, на Тебя одинаго уповать, Тебя одинаго любить и прославлять. Благопоспѣши же намъ, Господи, Ты бо миръ нашъ и утвержденіе.

Нелегко было и дорогому отцу нашему оторваться отъ сердець чадъ его о Господѣ, что можно видѣть изъ прилагаемой выписки изъ письма его съ первой станціи отъ Симбирска изъ (села) Тетюшъ:

«1855 года, 20 октября, половина 7 часа. Вотъ я и въ Тетюшикѣ за 25 верстъ отъ васъ, чада мои. Послѣ разлуки съ провожавшими меня у часовни, я не сводилъ глазъ съ Симбирска. Лошади мчались впередъ, а сердце, прильнувши къ вамъ, не двигалось съ мѣста. Много мнѣ довелось перечувствовать нынѣ, други мои, такъ что день этотъ можно назвать жизнью цѣлою. Вставши въ 4 часу, укладывался; встрѣчалъ и провожалъ входящихъ и исходящихъ, однихъ благословляя, другихъ умоляя къ миру и любви, оставленнымъ въ удѣлъ намъ Господомъ Исусомъ. Наконецъ въ 8-мъ часу явился духовный отецъ; и вотъ я бѣдный грѣшникъ радъ былъ очистить совѣсть мою отъ мертвыхъ дѣлъ, желая отселѣ уже работать не грѣху, но Богу живу. Грѣхъ—язва души нашей, есть зло злѣйшее, предтеча бѣдъ и ужасовъ. Блаженъ, кто хранитъ себя, свои ризы, въ кои облеченъ при купели крещенія, въ чистотѣ и непорочности: онъ свободно можетъ войти въ небесный чертогъ и свечерять со Христомъ. Въ 10 часовъ я ходилъ въ залу собранія прощаться съ дѣтушками моими семинаристами. Кратко, но не безъ чувства сказалъ имъ рѣчь; потомъ пошелъ въ церковь семинарскую, гдѣ часто и сладко мнѣ плакалось. Здѣсь отслужилъ я молебенъ. Умильное пѣніе пѣвчихъ, концертъ приготовившихъ мнѣ приличный по времени: «Возведохъ очи мои въ горы. Господь покровъ твой» и пр. и собраніе всѣхъ учениковъ,—все это глубоко тронуло меня; я плакалъ о себѣ, плакалъ о нихъ и о васъ всѣхъ, други мои. По окончаніи молебна я укладывалъ остальное. Потомъ былъ у васъ. Сердце мое хотя надрывалось, но я крѣпился, взывая ко Господу о помощи, и дивно меня укрѣпилъ Онъ—Сила моя. По приѣздѣ домой заходилъ къ о. инспектору проститься и къ о. ректору. Послѣдній вызвалъ меня проводить за городъ съ о. инспекторомъ и экономомъ. Дѣтушки-ученики опять всѣ явились для прощанья. Зная, что ждутъ меня впереди мои чада, я распростился съ моими спутниками по выѣздѣ изъ Симбирска. У часовни ожидали меня чада мои. И застра-

дала утроба моя, и сердце мое яко воскъ таяло посредѣ чрева моего. Потерявши, послѣ тяжкой разлуки, и эту группу печальную, я не сводилъ съ нея очей сердца, пока въ нихъ все не слилось, не превратилось отъ печали, борющейся меня, въ какой-то хаосъ безотрадный. И тутъ я выываль ко Господу, да утѣшитъ меня. Онъ коснулся меня своею благодатью и хаосъ скорби исчезъ; путникъ вашъ тихо и сладко молился».

Милосердый Отецъ небесный, не оставляющій вѣрныхъ рабовъ своихъ безъ утѣшенія въ сей юдоли плача и скорбей, призрѣлъ милостиво и на вѣрнаго служителя своего архимандрита Герасима, въ скорбѣхъ сущаго, и яко мать возлюбленному чаду своему, послалъ ему утѣшеніе въ настоящемъ путешествіи. Богопреданная душа его обрѣла сладостное успокоеніе и отраду въ Саровской пустыни,—мѣстѣ святыхъ трудовъ и упокоенія преп. отецъ Серафима, Марка, Иларіона и другихъ, въ мирѣ скончавшихся, а равно и доднесъ живущіе старцы приняли его, какъ друга и брата о Господѣ, стараясь наперерывъ утѣшать скорбящее сердце его. Особенно эта святоиноческая любовь отцовъ къ досточтимому путнику сказалась во дни ужасныхъ припадковъ отъ болѣзни его каменной, которая приковала его къ одру тамъ дня на четыре; но долгъ службы призывалъ его къ мѣсту назначенія, и еще не оправившись хорошенько отъ удручавшаго недуга, онъ принужденъ былъ разстаться съ благодатнымъ Саровомъ. Громадное и замѣчательное по многимъ отношеніямъ письмо получила оттуда я отъ него и доселѣ слезю объ утратѣ онаго.

5 ноября, 1855 года прибылъ онъ въ Москву. И тамъ святыня московская, милостивый пріемъ Высокопреосвящ. Филарета, встрѣча съ добрыми знакомыми, оживили и утѣшили отца нашего. Съ благословенія митрополита онъ ѣздилъ съ сыномъ въ Лавру и тамъ богоносная душа его въ молитвенныхъ слезахъ излилась предъ многоцѣлебными мощами чудотворца Радонежскаго. Ему хотѣлось выпла-

вать всю скорбь сердца, и милостивый угодникъ услышалъ вопль души его и утѣшилъ его: душа его ликовала какъ-бы на Фаворѣ въ сладкомъ молитвенномъ умиленіи, умиротворившемъ духъ его. Пріятно ему было встрѣтиться въ Лаврѣ и побесѣдовать съ духовно-просвѣщенными мужами, оо. ректоромъ и инспекторомъ академіи. Обязательные люди эти съ предупредительностью старались доставить всевозможное удовольствіе своему заѣзжему гостю. О. инспекторъ Сергій вызвался даже проводить дорогаго нашего странника въ Геесиманію и Виоанію; и вездѣ благодѣтель нашъ находилъ утѣшеніе благородному сердцу своему; но сколь ни отрадно было жить и дышать святымъ воздухомъ около святыхъ угодниковъ, а голосъ совѣсти, или лучше, гласъ ангела-хранителя, отрывалъ какъбы невидимую силой благоговѣйнаго путника, указывая путь ему на Украину. Напутствованный 13 января 1855 г. благословіемъ митрополита Филарета, который на прощанье часа четыре бесѣдовалъ съ о. архимандритомъ и узнавъ его глубоко-аскетическое настроеніе, благословилъ его четками и книгой: «Руководство къ духовной жизни» преп. Варсанофія, и какъ отецъ обнялъ его и лобызалъ въ рамена,—отецъ нашъ оставилъ Москву. По выѣздѣ изъ гор. Серпухова жестоко простудился путникъ нашъ и ѣхалъ въ бурную погоду съ большимъ уже трудомъ по крайне дурной ухабистой дорогѣ. 15 ноября былъ въ Орлѣ, гдѣ благомилостивое вниманіе владыки Смарагда очень и очень пригодилось дорогому путнику нашему. Въ ночь на 15-е число сего несчастнаго для отца нашего мѣсяца недобрые люди отрѣзали въ дорогѣ, подъ Орломъ отъ задка его экипажа ящикъ, гдѣ уложилъ онъ свои сочиненія, какъ-то: а) Проповѣди (4 объемистыя тетради); б) Аскетика (2 большія тетради); в) Объ учрежденіи св. Синода и злоупотребленіяхъ оберъ-прокурорской власти (рукопись въ 28 объемистыхъ тетрадяхъ); г) Каноническое право (7 больш. тетрадяхъ); д) Продѣлки пѣмцевъ въ сѣверо-западныхъ окраинахъ нашихъ (12 тетрадяхъ); е) Объясненіе на все

почти св. писаніе (кромѣ апокалипсиса, 88 толстыхъ тетрадей); ж) Заслуги патр. Никона для русской церкви (8 большихъ тетрадей) и з) курсовое сочиненіе ш) «О первомъ Іерусалимскомъ или апостольскомъ соборѣ» и другіе академическія (студенческія) сочиненія и записи.

Подъѣзжая къ гор. Курску, Господь дивно сохранилъ раба своего со спутниками. Вотъ что записано въ его дневникѣ.

«16 ноября. Въ 10 часовъ утра подъѣзжая къ г. Курску, переднему колесу вздумалось слетѣть; кучеръ съ Семеномъ (келейнымъ) слетѣли вмигъ и прямо въ оврагъ. Лошади подъ гору понесли; начались скачки, толчки. Пробужденный отъ мечтаній этою неожиданностью, мгновенно оставилъ я лошадей однимъ почти словомъ. Прибѣжали. упавшіе цѣлы, сохранны; подкативъ колесо, за полъ-версты спавшее, и прикрѣпивъ его, поскакали впередъ, какъ ни въ чемъ не бывало».

Преосвященный курскій Иліодоръ принялъ отца нашего очень внимательно и ласково, какъ стараго знакомаго по Питеру ш), и спрашивая о службѣ его, присовокупилъ: «Я постоянно слѣдилъ за ходомъ вашимъ по службѣ. Да, нужно терпѣть всѣмъ намъ, обречшимъ себя на служеніе матери Церкви, на благоугожденіе Господу. «Аще приступаеша работати Господеви, говоритъ писаніе,—уготови душу твою во искушеніе», а искушеніе требуетъ терпѣнія». Добрый владыка, оставилъ на цѣлый день о. архимандрита, возилъ съ собой на обѣдъ къ помѣщику З—ву и тамъ познакомилъ своего гостя съ военнымъ губернаторомъ Л—ъ и другими особами. Тамъ собранъ былъ, такъ сказать, цвѣтъ общества курскаго. Доброму святителю не хотѣлось разстаться съ своимъ знакомцемъ, и онъ просилъ его остаться

ш) Всѣ эти, а съ ними и многія другія бумаги безслѣдно пропали въ эту роковую ночь подъ 15 ноября.

щ) Когда о. Герасимъ оканчивалъ академическій курсъ, преосв. Иліодоръ былъ ревизоромъ и настаивалъ выпустить его первымъ.

ся дѣпка на два, или, по крайней мѣрѣ, переночевать у него; но такъ какъ о. архимандритъ настаивалъ на выѣздѣ, то благодушный владыка взялъ съ него слово: въ проѣздѣ на чреду заѣхать къ нему, присовокупивъ, что «и комнаты для васъ всегда будутъ готовы». Вручая страннику нашему на прощанье четки, онъ самымъ трогательнымъ образомъ прощался съ нимъ, до двухъ трехъ разъ. Такимъ образомъ не мало утѣшилось наскорбѣвшееся сердце о. Герасима.

Вотъ краткая выписка изъ дневника о. Герасима о приѣздѣ его въ г. Харьковъ. «Со слезами умиленія молилъ я благодать Божію благословить меня, мои дѣла, мои входы и исходы успѣхами къ славѣ имени Его и для пользы ближнихъ моихъ. И какъ сладки были молитвы эти для сердца моего осиротѣлаго! Мнѣ ясно безъ словъ сказалось, что ходя во свѣтѣ лица Божія и огребаясь отъ всего грѣховнаго, не останусь я и здѣсь на новомъ поприщѣ служенія безъ утѣшенія, безъ сочувствія любви и, что всего лучше, безъ помощи свыше, и вотъ я ободренный, укрѣпленный, съ новыми силами, незамѣтными до этой поры, умиленно говорилъ самъ себѣ, проѣзжая по стогнамъ Харькова: «благословенъ ты, грядый во имя Господне!» Не зная квартиры своей, радъ я былъ хоть какому-либо уголку и съ этою мыслью подѣхалъ къ архіерейскому дому. Вошелъ въ келлію эконома о. Августина, и очень изумился, при видѣ любви его и іеродіакона Августина, неоднократно бывшаго странникомъ въ Симбирскѣ. «Съ нетерпѣніемъ васъ ожидаемъ, — говорили въ одинъ голосъ оба они, — благословенъ ты, грядый во имя Господне!» (Ис. 117, 26). «Могу ли видѣть владыку?» — «Теперь поздно, сказалъ мнѣ старецъ, — лучше завтра». — «Есть ли для ректора, сколь онъ ни худъ, уголокъ какой-либо?» — «Есть, есть; о. инспекторъ приготовилъ для васъ». Ъду туда все-таки съ мыслью, что доведется опять мнѣ тамъ потѣсниться^ъ). И

^ъ) Въ Симбирскѣ о. архим. Герасимъ имѣлъ крайне тѣсную квартиру, состоящую изъ 2—3 комнатъ, даже безъ прихожей, и неблаго-

что же? Открываются покои—чертоги. «Что же это такое?» спрашиваю я у о. эконома іеромонаха Ир., прибѣжавшаго.—«Это квартира вашего высокопреподобія». Заль и всѣ комнаты обмѣблированы, съ зеркалами, коврами, комодами и пр. «Ну, слава Богу! сказалъ я себѣ, — здѣ покой мой, здѣ вселюся!» И павши предъ Господомъ, въ смиреніи сердца благодарилъ Его благодать за безбѣдное мое путешествіе. Въ 12 часовъ помолился и легъ, но сонъ бѣжалъ отъ очей моихъ; опять я склонилъ мою выю и плакалъ, какъ сынъ заблудшій въ объятіяхъ Отца своего премилосердаго, стоя на колѣнахъ, никѣмъ, кромѣ ока Всевышняго и свѣтлыхъ очей ангела хранителя моего, незримый. Здѣсь хорошо бы мнѣ было и очень даже, еслибы не томила разлука моя съ близкими сердцу чадами моими. Владыка Филаретъ—ангелъ кротости: такъ и вѣтъ отъ него миромъ, оставленнымъ намъ Спасителемъ въ удѣлъ. Вижусь довольно часто съ нимъ, чтобы отвѣсти, какъ говорится, душу скорбашую. Иногда даже спрашиваю я себя: за что это Господь благословилъ столь щедро меня окаяннаго? Видно на покаяніе даромъ любви осязательной Господь призываетъ меня многогрѣшнаго; видно хочетъ удивить Онъ на мнѣ милость Свою и явить всѣмъ, до чего можетъ простираться любовь Его божественная, глубокая, какъ море бездонное. 22 ноября испросивъ у владыки благословенія, въ 4 часа я отправился въ Куряжъ^{н)}, моля Господа и Матерь Его безневѣстную со слезами дать мнѣ съ терпѣніемъ умѣнье уневѣстить Имъ ввѣряющіяся мнѣ души въ Куряжѣ и загладить такимъ образомъ, много-мало паденія мои. Но вотъ и Куряжъ; вижу колокольню, вижу храмъ его, гдѣ служить въ преподобіи и правдѣ я долженъ, гдѣ вождемъ приходится мнѣ быть и

волившій владыка едва дозволилъ ему убрать ее на свой счетъ шпалерами.

н) Куряжскій Спасопреобр. 2-го класса монастырь въ пяти верст. отъ Харькова. Нынѣ монастырь сей уже не ректорскій, а викаріатскій.

звѣздой путеводною для ста и болѣе душъ. Вотъ этотъ Куражъ, земля обѣтованная для сердца моего. Вотъ онъ, эдемъ этотъ мой возлюбленный, котораго не стою я оканчивая, какъ искушавшій Господа моего на водѣ пререканія. «О, Господи! взываль я,—яви мнѣ здѣсь милость Твою, и спасеніе Твое даждь мнѣ!» Подъѣзжаемъ, въѣхали въ ограду; я вышелъ изъ экипажа, палъ на сугробъ и благодарилъ Господа, тако о мнѣ устроившаго. Казалось, что ангелъ этой обители, охраняющій ее отъ всѣхъ видовъ опасностей, благословилъ входъ мой. Подхожу къ первому корпусу каменному и полагая, на основаніи прежнихъ слуховъ, что убогій меня ждетъ пріютъ, очень удивился, когда ввели меня въ свѣтлыя, чистыя, теплыя и довольно уютныя покои, состоящіе изъ прихожей, залы, гостиной и спальни. Слава Тебѣ Господи! Такъ какъ было 5 часовъ, пошелъ я на правило, читаемое въ храмѣ, куда собралось все братство—представиться настоятелю новому. Послѣ правила я произнесъ въ назиданіе братства рѣчь, согрѣтую теплымъ чувствомъ, въ коей старался доказать пришедшимъ въ обитель спастись: необходимость «имѣть миръ и святыню», безъ коихъ, по словамъ св. Апостола, «никтоже узритъ Господа» (Евр. 12, 14). Потомъ благословлялъ всѣхъ и спрашивалъ болѣе или менѣе замѣчательныхъ: кто и откуда? Долго ли и какъ спасается? Закончивъ свиданіе съ братствомъ и сдѣлавъ должное распоряженіе относительно завтрашняго служенія, я тотчасъ отправился въ келліи владыки Иннокентія, рукополагавшаго меня въ Иркутскѣ 1836 года, 12 апрѣля и живущаго здѣсь на покой. Іерархъ старецъ, по слухамъ, ожидалъ уже меня съ нетерпѣніемъ, говоря всѣмъ и каждому: «это нашъ, это мой». Вхожу и, отрекомендовавши себя послушникомъ его преосвященства, готовымъ всѣмъ жертвовать для покоя его, священнаго для меня, палъ я въ ноги ему. Владыка изумился, схватилъ меня, старался поднять, цѣловалъ и усаживалъ рядомъ подлѣ себя тутъ бокъ-о-бокъ поближе къ сердцу его старческому. Дѣлать было нечего,

я послушался. И не могъ онъ вдоволь надивиться измѣнѣ со мной десницы Всевышняго. «Ну, другъ, вамъ подобаетъ расти, произнесъ старецъ съ чувствомъ, — намъ же малиться. Да благословитъ Господь входы твои и исходы отнынѣ и до вѣка!»

Отецъ небесный видимо заповѣдалъ ангеламъ своимъ сохранить смиреннаго архимандрита Герасима отъ навѣтовъ злыхъ челоуѣкъ, и дивнымъ образомъ переселилъ его отъ горькихъ водъ Мерры въ рай сладости—въ обитель, ввѣренную попечительству его смиренія. Тамъ-то душа его благоговѣйная обрѣла тихое пристанище, послѣ многогоскорбной жизни симбирской. Это земля обѣтованная для его аскетическаго духа. Обитель Куряжская расположена въ 5 верстахъ отъ г. Харькова на восхитительномъ мѣстѣ съ живописными окрестностями, приводившими нерѣдко въ благоговѣйный восторгъ поэтически настроенный духъ его, и онъ въ смиренныхъ слезахъ изливалъ благодарность свою къ Создателю, вся премудростію сотворившему. Какимъ-то чудомъ сохранился у меня ^{в)} обрывочекъ изъ огромнаго письма его, относящагося къ сей порѣ. О. Герасимъ пишетъ: «Тишина эта безмятежная, уютность, теплота въ моемъ обительномъ помѣщеніи и теперь обвиваетъ какимъ-то покоемъ сердце мое. Что же будетъ весной, лѣтомъ, когда запоютъ свои гимны соловьи, зазеленѣютъ и зацвѣтутъ деревья предъ окнами и станетъ литься потоками сладкими и струями воздухъ въ окна мои и ароматъ съ цвѣтовъ? Келлія моя, да и всѣ почти келліи братій окружены садами, въ копхъ много куртинъ съ цвѣтами благовонными».—Симбирскъ 1855 года Августа 1-го дня.

в) Послѣ страшнаго симб. пожара въ 1864 г. много сохранилось замѣчательныхъ писемъ отца нашего (до 1,000), но столько же, если не болѣе, погибло въ эту злосчастную пору: изъ множества, наприм. писемъ его къ моимъ сестрамъ: генеральшѣ фонъ Руммель и игумен. Евпраксіи сохранилось немного.

Примѣчаніе о. Добросердова, сообщившаго въ редакцію Душеп. Чтенія жизнеописаніе Герасима.

На этихъ строкахъ жизнеописаніе, о. Герасима прекращено и оставлено безъ продолженія. Не знаешь, былъ ли этотъ биографическій очеркъ въ рукахъ покойнаго преосвященнаго (Герасима), бывшаго въ пору написанія его трудолюбивою инокиней ректоромъ Харьковской духовн. семинаріи; по отъ того времени сохранилось въ бумагахъ инокини-биографа слѣдующая выдержка изъ письма къ ней о. архимандрита и ректора Герасима: „О, дайте мнѣ эту завѣтную книгу, гдѣ незримая рука записала воспоминанія дѣтства, книгу весны непорочной, когда мы думали чисто и вѣрили свято; дайте лепетъ родныхъ голосовъ и любимые лица, уснувшіе на вѣки“. Декабря 7-го, 1855 г. Харьковъ.

(Изъ книжекъ Душепол. Чтенія 1885 года).

Печатать дозволяется. Москва. Апрѣля 1 дня 1885 года.

Цензоръ протоіерей С. Зерновъ.

Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.